Сергей Овчинников

ИСКУССТВЕННЫЙ ОФСАЙД

Босс всегда прав!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сергей Овчинников известен как олицетворение футбольного профессионала, надежный вратарь, вселявший уверенность в партнеров по «Локомотиву» и сборной России. Его блестящая игра не оставляла равнодушными поклонников футбола. Но, может быть, еще в большей степени притягательна его личность – человека мыслящего, постоянно анализирующего происходящее в футболе и в жизни, выделяющегося из общего футбольного ряда прямотой, независимостью суждений в прессе, способностью пойти даже на открытый конфликт в интересах футбола, любимого «Локомотива». В написанной по свежим следам вратарской карьеры книге экс – голкипер, которого боготворили десятки тысяч болельщиков, но многие и ненавидели, талантливо, по обыкновению искренне, правдиво, рассказывает об этапах своей спортивной биографии, совпавшей со становлением российского футбола после распада СССР, о людях, окружавших его на всем пути профессионального футболиста, а ныне дипломированного тренера, не стесняясь в характеристиках, предлагает свое видение известных, а порой и неизвестных прежде широкой публике фактов из жизни «Локо» и сборной.

- Сергей Овчинников
  - Пристрастный взгляд изнутри
  - Путь к «Боссу»
  - Равнение на Яшина
  - Динамовские университеты
  - Солдат срочной службы
  - Как нету моря без волны, так у меня есть только ты, Сухуми!
  - Высшая лига
  - Российский дебют
  - Самый лучший коллектив – это наш «Локомотив» – 1995
  - Первые Кубки
  - Прощание с альма – матер
  - Первопроходцы
  - Португальское фаду
  - Золотое возвращение
  - В компании звезд мирового уровня
  - Нам стало все равно с кем играть
  - Сто матчей на ноль
  - Без Палыча

- В сборной – как на чужбине
- Профессора кафедры «Сборная России»
- Семин
- Вратарь – профессия штучная
- Удаление до конца карьеры
- Возвращение, но уже не в Эдем
- «Босс» остался в прошлом
- Краснодарские страдания
- Уровень держал
- Мечта моей жизни

Сергей Овчинников
Искусственный офсайд
Босс всегда прав

Пристрастный взгляд изнутри

Сочинять путевые заметки своей биографии я не собирался. Манией величия не страдаю. Не видел смысла, не представлял удовольствия от писательского творчества еще и в силу непоседливости, неугомонности своей натуры, постоянно требующей новых впечатлений, выплеска новых эмоций. Жизнь для меня интересна, насыщенна, самодостаточна и без томика с авторством С. Овчинникова. Даже после ухода из футбольных ворот редко выпадают свободные часы. Цитируя Владимира Маяковского, «в сплошной лихорадке буден» не видел себя в роли автора какого – то опуса, даже учебно – методического, хотя уверен, что здесь – то мой интернациональный опыт мог бы стать для кого – то полезным. Прежде, если так можно выразиться, литературный жанр в моем исполнении исчерпывался исключительно газетно – журнально – телевизионными интервью да ответами на вопросы анкет спортивных изданий. Популярности в журналистской среде мне вполне хватало, иной раз даже чересчур. А мемуары считал уделом пенсионеров, но не

активных, деятельных людей, у которых еще кипит кровь в жилах, море профессиональных и житейских планов. И от поступавших время от времени предложений издательств вежливо отказывался. Но, оказавшись не у дел после первого опыта самостоятельной тренерской работы с «Кубанью», я стал размышлять, почему мой краснодарский дебют оказался столь непродолжительным, временами углубляясь в свою игровую, вратарскую биографию (не оттуда ли ноги растут?). И волей – неволей задумался над людской молвой, нарекшей нас, футболистов конца прошлого – начала нынешнего века, поколением потерянным – несбывшихся надежд. Поскольку сборная России тех лет ничего не выиграла на международной арене, обидным клеймом проштампован каждый из нас, защищавших ее цвета. Но ведь футболисты – люди разные, каждый – индивидуальность со своими не только игровыми достоинствами и недостатками, но и менталитетом, стремлениями и чаяниями, понятием чести, порядочности, отношением к жизни, профессии. Уместно ли всех чесать под одну гребенку, тем более подводить под этот «чес» игроков, по большому счету состоявшихся, признанных в Европе, например, Валерия Карпина, Александра Мостового, Александра Бородюка, Дмитрия Харина, Андрея Канчельскиса? И ведь были у нас достижения, если не в составе сборной, то на клубном уровне: «Спартак» играл в полуфинале Лиги чемпионов и Кубка УЕФА, «Локомотив» – Кубка обладателей кубков.

Оценивая начало российского исторического этапа в нашем футболе, совпавшее с исходной точкой профессиональной карьеры большинства игроков моего поколения, нельзя не учитывать и общей общественно – политической ситуации – распада Советского Союза, перестройки, рождения нового государства, ломки старого так называемого социалистического строя, а значит, и мировоззрения людей, перехода к новой – старой экономической формации капитализма, который у нас не случайно окрестили диким. Идея быстрого обогащения, нередко сопровождавшаяся утратой прежних морально – этических ориентиров, овладела умами многих и не могла не затронуть футбол, издавна считающийся отражением жизненных реалий в стране. Недаром же в ходу была поговорка: «Как живем, так и играем». Усугубляли ситуацию неповоротливость, а зачастую и неправедность по отношению к футболистам, порой элементы неприкрытого стяжательства в нашем главном футбольном органе – Российском футбольном союзе, отсутствие опыта у руководителей российских клубов, в том числе и ведущих – школы футбольных менеджеров, да и профессии такой у нас не

существовало. Мы же тогда едва вылупились из так называемых «любителей» в профессионалы, еще толком не зная, с чем это звание «едят». И сладкое слово «свобода» некоторыми воспринималось как вседозволенность.

Например, в массовой футбольной среде нередко бытовало стремление побыстрее «срубить бабки», насчитывалось немало любителей ежегодно менять клубы, в каждом новом получая солидные подъемные, но смею утверждать, что элитных игроков это веяние не касалось. Кто – то, наверное, спросит: а как же известные скандалы в сборной России? Почему некоторые российские звезды отказывались выступать за сборную? Вопросы вполне уместные, но наверняка напрашиваются и другие, касающиеся, например, известной революции в моем родном «Локомотиве», как и все перевороты, едва не приведшей к краху набиравшего огромную популярность клуба. Или насчет «португализации» московского «Динамо», непосредственным свидетелем которой мне довелось стать. Детали всех этих и многих других событий переломного периода российского футбола с годами могут стереться, а сейчас еще свежи в моей памяти. И «братья по оружию» – товарищи по «Локомотиву» и сборной, знакомые журналисты не раз намекали мне: «Ты много рассказывал о том времени в прессе и по телевидению, но не все, кому это интересно, читали или смотрели твои интервью. А книжку, особенно если ее сопроводить хорошей рекламой, сможет приобрести каждый желающий. Вот и напиши». В какой – то момент на досуге, вызванном простоем в тренерской профессии, мне и самому показалось интересным изложить свой взгляд на происходившее в российском футболе, свои мысли в виде книги.

И я решился. Хотя и не без опасений, что характерная для меня и прежде честность и прямота в суждениях не всем придется по нраву. Но ничего тут не поделаешь, таким родился, и изменить себя в 39 лет уже не могу. Конъюнктурных соображений в предлагаемом повествовании при всем желании не найти. В то же время ни в коем случае нельзя воспринимать какие – то мои выводы как истину в последней инстанции, и вообще не стоит относиться к ним слишком серьезно. Если кому – то отдельные заключения в этой книге покажутся перебором, каждый волен списать их на субъективность мнения увлекшегося правдорубством автора. Цель моего повествования не вывести кого – то на чистую воду, а показать российский футбол означенного периода во всем его многообразии, рассказать, каким образом, благодаря каким замечательным людям «Локомотив» из «пятого колеса» в телеге московского футбола превратился в один из популярнейших отечественных клубов. Это

как бы взгляд изнутри, и взгляд пристрастный – человека, всей душой болеющего за судьбу как российского футбола, так и красно – зеленого клуба. Хотелось поделиться и собственным опытом легионера, пять лет проведшего на португальских «хлебах» – в ведущих клубах страны «Бенфике» и «Порту».

Перебирая десятки интервью и материалы так называемых круглых столов со своим участием в различных СМИ, обнаружил немало любопытных эпизодов, сейчас уже слегка выветрившихся из памяти, и высказанных мыслей по поводу проблем нашего футбола, российских клубов, их игроков. И решил включить самое интересное, на мой взгляд, из ранее напечатанного в свою книгу. Тем более что все это было разбросано по различным не только спортивным, но и общественно – политическим изданиям, а ведь даже среди футбольных болельщиков есть приверженцы «Спорт – Экспресса» или, наоборот, «Советского спорта». Возможно, какие – то выводы, обобщения в этой книге не совпадут с высказанным мною на ту же тему ранее. Но с годами человеку свойственно меняться, пересматривать взгляды на многие вещи, хотя своим основным жизненным принципам я продолжаю следовать так же скрупулезно, как и раньше.

Есть такой игровой термин «искусственный офсайд», когда защитники, уловив момент передачи на форварда соперников и на мгновение упреждая ситуацию, выдвигаются вперед, оставляя нападающего перед одним лишь вратарем, то есть, согласно правилам футбола, в положении «вне игры». Вратарь – единственный из всех, кто даже теоретически не может попасть в искусственный офсайд. Однако то, что было исключено для меня на поле, неожиданно настигло в жизни. Свои выступления – и за «Локомотив», и за «Динамо» – мне пришлось завершить еще полным сил и желания продолжать карьеру – не по футбольным обстоятельствам. И мой тренерский дебют в «Кубани» оборвался в силу амбиций отдельных людей, далеких в своих мыслях от интересов клуба, футбола. То есть в обоих случаях я, прибегая к футбольной терминологии, оказался в искусственном офсайде. Отсюда и название книги.

Путь к «Боссу»

Все мы родом из детства, которое у каждого начиналось с игрушек и простейших игр, с возрастом трансформировавшихся во все более сложные. И вот мне уже 39, а все играю. И считаю, что повезло в жизни тем, кто и в солидном возрасте не утратил юношеского азарта, ставшего элементом интуитивно выбранной профессии. С малых лет я был всесторонне повязан со спортом, правда, больше с зимним. Отец, Иван Кириллович, страстный болельщик московского «Динамо», сам играл в хоккей с мячом на любительском уровне. Мать, Галина Ивановна, на лыжах бегала хорошо в каком – то спортивном обществе. Но самых больших достижений на «спортивной» ниве добилась бабушка, Людмила Сергеевна Бочарова, работавшая главным бухгалтером в Центральном совете «Динамо». Так что у меня в детстве альтернативы занятиям спортом не было, наоборот, имелись все предпосылки для того, чтобы самому стать завсегдатаем какой – либо секции.

Как – то так получалось, что я никогда не нуждался в деньгах. И до сей поры спокойно к ним отношусь. Мои родители прилично зарабатывали. Мама работала начальником в так называемом «почтовом ящике». Отец был одним из лучших автослесарей Советского Союза, ремонтировал машины Брежнева, Пугачевой, других знаменитостей. Зашибал по тем временам большую деньгу. Машина у нас была, «Жигули». В общем, я благодарен своим родителям за счастливое детство. А когда вырос, и сам стал зарабатывать неплохо.

До восьмого класса я был отличником, претендовал на золотую медаль с одной четвёркой по физкультуре, которую получил за отказ прыгать через гимнастического козла. Уже тогда показывал характер, но и вправду, неудачно прыгнув, можно было обеспечить себе проблему на всю жизнь. А зачем?

Глобальную задачу сделать из меня спортсмена родители перед собой не ставили. Жили мы в районе «Войковской», на улице Академической. Рядом стадион «Наука», озеро, казавшееся в детстве чуть ли не морем. Сначала занимался плаваньем, чуть – чуть совсем, так что нельзя это назвать серьезным увлечением, потом борьбой – раньше, чем футболом, а еще пару лет, наверное, и параллельно. На «Науке» была хорошая детская школа, которую вели два заслуженных тренера СССР, олимпийских чемпиона. Одного звали Генрих Александрович, другого Александр Александрович, жаль, фамилии забыл. Играл еще в баскетбол, в хоккей, на лыжах бегал. Потом мне все это надоело. Как и все

дети во дворе, я больше всего любил футбол. На коньках кататься не нравилось, и до сих пор не любитель.

Моя «динамовская» бабушка в какой – то момент озаботилась спортивным будущим внука: «Пора тебе серьезно спортом заняться. В «Динамо». Выбирай: хочешь в теннис, хочешь в баскетбол. Куда скажешь, туда и отведу». Я понимал, пока бабушка работает в «Динамо», меня в любой секции будут держать, даже если я ничего не буду из себя представлять – в 7 лет уже уразумел, что такое «по блату», и меня это почему – то не коробило. Был уверен, что всем понравлюсь, что все у меня пойдет хорошо. Бабушка особенно хотела увлечь меня теннисом. Но это было занятие достаточно дорогое, хотя родители могли мне его позволить. Однако я сам засомневался, сказал: «Давай в футбол, что ли». Все, нет вопросов.

В 7 лет мальчишка еще не самостоятельный человек, всегда его кто – то приводит в спортивную секцию. И меня к тренеру Кесареву Владимиру Петровичу привел отец. Сразу зачислили. Но я уже в тот момент понял, что бабушка тут ни при чем. Когда блатной портит игру, коллектив сам такого отторгает. А у меня во дворе уже нормально получалось, и в своей динамовской группе оказался не худшим.

Коллектив у нас сложился дружный, особенно когда мы с шестого класса, стали учиться в специализированной школе. Играл я в поле, много забивал, но не думаю, что производил сильное впечатление. Футбольной фигурой не вышел – невысокого роста, широковатый, как бы квадратный. Для борьбы данные были хоть куда, меня туда звали еще года два после ухода. Пробовал еще баскетбол, волейбол – и сейчас неплохо играю. В теннисе силен, правда, только в паре – у сетки просто непробиваем. В настольный теннис обыгрывал партнеров по «Локомотиву», причем обеими руками.

> – Овчинников сразу обратил на себя внимание – на фоне остальных крепенький, сильный для своего возраста паренек. Его сразу выделил и самый опытный в нашей школе – капитан «Динамо» 40–х годов Леонид Соловьев, посоветовал: «Надо мальчишку впереди попробовать, чувствуется, силенки для борьбы с защитниками есть». И Сережа начал в нападении, но во время занятий его словно тянуло в ворота – встанет и отбивает мячи ногами, головой. Как он переквалифицировался во вратаря, сейчас уже не вспомню, но к этому все шло.
>
> *Владимир Кесарев, заслуженный мастер спорта,*

защитник «Динамо» и сборной СССР 50–60–х годов, тренер СДЮШОР «Динамо».

Как – то в нашей динамовской команде заболел вратарь. Тренер, а им недолго был Александр Клоков, спросил: «Кто хочет встать в ворота?» Я и вызвался: «Давайте попробую». Мне лет, наверное, уже восемь было. Встал, отыграл, и Клоков подвел черту: «Все, больше никого не надо. В воротах ты будешь играть».

Мне понравилось, тем более что отец в русском хоккее тоже вратарем был. Задатки какие – то, значит, и у меня просматривались. Поскольку я родился после августа 1970 года, то чаще всего тренировался со старшими. А год разницы в таком возрасте чувствуется острее. Приходилось играть и за 1971 год, там, как старший, я был «в авторитете», даже позволял себе кричать на поле, «душить» партнеров. Тогда – то с подачи одного из товарищей по команде ко мне и приклеилось прозвище «Босс».

Равнение на Яшина

Не скажу, что стоял всегда хорошо: никогда плохо, но чаще средне. И посильнее ребята были – Ведерников, Епифанов. С Андрюхой Епифановым, который был на год старше, лет семь мы проходили юношеский отрезок вместе, чередовались: один сезон – играл он, потом полсезона я. Не было такого, чтобы кто – то из нас был всегда первым. Андрей не стал профессионалом, хотя своей игрой много обещал, и, если бы выбрал футбол, думаю, не затерялся. Но встречаются люди, которые отдают предпочтение учебе перед спортом. В последний, выпускной школьный год Епифанова из – за этого никуда не брали, а у меня перед ним было полгода в запасе – родился после августа 1970 года – мог еще за 1971 год играть, то есть был более перспективен в возрастном смысле. За 1971 год мне было легче, всегда играл хорошо, считалось даже, что если я в воротах, победа обеспечена. Постепенно и в своей команде я стал уважаемым игроком не только по причине солидных габаритов, но прежде всего из – за преданности футболу. Ребята видели, как неистово я тренировался, порой даже ночевал в динамовском манеже. И еще я рано усвоил истину: чтобы завоевать уважение людей, надо быть честным, порядочным по отношению к окружающим. И никогда никому не делать подлостей. От старших ребят, случалось, за что – то и получал, хотя психологически сломать меня уже тогда было тяжело. Сам не любил решать какие – то вопросы силовыми методами, хотя мог вполне. Но родители учили меня доказывать свою правоту прежде всего словом, убеждением. И только если задевалось мое человеческое достоинство, без раздумий пускал в ход кулаки.

Учиться мне тоже нравилось, с удовольствием в школу ходил. Не скажу, что привлекали технические науки, все больше гуманитарные. Наверное, потому что в силу занятости спортом домашние задания по этим предметам выполнять было легче. Прочитал – и все, а тут считать, писать просто лень было, хотя мама великолепно знала физику, геометрию, химию. Но меня эти предметы не прельщали. А вот литература, история, география были интересны. Сначала я учился в общеобразовательной школе, а с 6–го класса перешел в динамовскую школу на улице Марины Расковой, неподалеку от Белорусского вокзала. Из нее вышло немало олимпийских чемпионов – пловец Вадик Куликов, хоккеисты Дарюс Каспарайтис, Саша Жамнов, фигуристка Маша Бутырская, всех и не упомнишь. Мы в своем классе так же дружили, как в обычной школе, ходили куда – то все вместе,

отмечали праздники и так далее. Из нашего класса кто – то потом играл во второй футбольной лиге, кто – то в первой и даже в высшей, например, Альберт Щукин, Арестид Панайотиди – тоже вратари, Володя Долбоносов, но он на год старше учился… Игроки хорошие, просто им в силу каких – то обстоятельств не удалось заявить о себе – в Советском Союзе отбор был очень жестким.

Кесарев тренировал наш возраст недолго. Вскоре его сменил Гавриил Дмитриевич Качалин. Был он уже в преклонном возрасте, и ему в помощники назначили Александра Анатольевича Клокова, воспитанника московского «Динамо», правда, не сумевшего подняться выше дублирующего состава. На тот момент ему было всего 33 года. Первым памятным событием детских лет стал для меня выигрыш чемпионата Москвы в 1981 году, когда наш возраст вместе с Качалиным тренировал уже Геннадий Александрович Гусаров, знаменитый форвард «Торпедо», «Динамо» и сборной СССР. Это была потрясающая школа! Даже сейчас я в своей работе использую методы, даже некоторые разговорные обороты, примеры из жизни Качалина с Гусаровым, которые навсегда впитал в себя.

Каждый раз мы приходили за полчаса до тренировки, что выглядело необычно по тем временам. Качалин заставил нас купить тетрадки и занимался нашим светским образованием. Мы записывали, как надо себя вести в обществе с женщинами, как кушать в ресторане, какое вино подается к рыбе, к мясу. Гавриил Дмитриевич старался привить нам общую культуру и еще отвращение к мату. Учил нас уважать работников клуба, чтить память заслуженных людей и не только в футболе. Рассказывал много интересного про чемпионаты мира, Кубок Европы, про Олимпийские игры. Он говорил: «Мне важно, чтобы вы стали хорошими футболистами, но гораздо важнее, чтобы выросли достойными людьми. Футболисты – лицо нашей родины за границей. Если вы будете демонстрировать в других странах необразованность, бескультурье, какое мнение сложится там о Советском Союзе?» Качалин считал, что тренер в первую очередь должен быть педагогом, а уж какой футболист из кого у него получится, решит судьба. Не без его влияния мы росли продвинутыми ребятишками, особенно по части истории футбола. Спроси сейчас любого игрока о временах всего – то 20–летней давности, и он наверняка станет морщить лоб, силясь вспомнить звезд того времени. А мы знали на память, например, состав «Динамо» 30–х годов. Гавриил Дмитриевич никогда не кричал на нас, обращался к нам, детям, на «вы», и это производило сумасшедшее впечатление. Многое из его

«наставлений» отложилось у меня на всю жизнь.

Геннадий Гусаров тоже был весьма неординарной личностью, простым в отношениях с ребятами, но глубоко понимавшим футбол специалистом. В своем еще достаточно молодом возрасте он мог исполнить любой финт. Демонстрировал и говорил: «Делай, как я». Мне показывал, как ловил мяч Лев Яшин, рассказывал, как тренировался величайший вратарь современности. Личность Яшина была великим благом для динамовских вратарей, причем она не давила на игрока недосягаемым авторитетом, а помогала ему раскрываться, оставаясь образцом. Сколько бы историй наши юношеские тренеры, а впоследствии даже Юрий Семин ни рассказывали о «Динамо», большинство из них сводилось к Яшину. Никаких параллелей с Яшиным не проводилось, сравниться с ним вообще было невозможно, но брать лучшее не возбранялось. И когда мы видели, с каким благоговением динамовские ветераны относились к Яшину, хотелось еще больше тренироваться, чтобы самому завоевать доброе расположение окружающих. Такое стремление у меня возникло еще раньше, когда лет в восемь запоем прочитал книжку о Яшине. Для меня она стала еще одной «Повестью о настоящем человеке». И подумал: если моя жизнь удастся хотя бы на один процент яшинской биографии, буду счастлив. И черный цвет вратарского свитера я предпочитал другим по примеру Яшина. Только первый сезон в «Локомотиве» я отыграл в желтом, отливавшим золотом свитере. Мне в нем везло, не было смысла менять. А первой моей футболкой в воротах «Динамо» стала черная – на пуговичках с нашитыми на ней отцом первым номером и литерой «Д». Отец радовался: «Теперь ты выглядишь как Лев Иванович». И правда, посмотрел фотографии Яшина и обнаружил полное сходство экипировки. Для меня это был человек – легенда, и, конечно, хотелось хоть в чем – то на него походить. Однажды, помню, пришел на тренировку в дедушкиной кепке. Она была мне велика и все время сваливалась на глаза. Зато в черном свитере и в этой смешной кепке 50–х годов я чувствовал себя вторым Яшиным.

– 12–летний Сережа мало напоминал вратаря – невысокий, медлительный и упитанный. Но менять амплуа было поздно. Я постоянно ставил ему в пример легендарного Льва Яшина, который никогда не уставал шлифовать мастерство. Судя по всему, мои слова подействовали – Овчинникова невозможно было выгнать с поля. Спустя три года он стал у нас первым номером.

Геннадий Гусаров, в прошлом форвард «Торпедо»,

«Динамо» и сборной СССР, тренер СДЮСШОР «Динамо».

Серьезно рассматривать футбол как род занятий я стал с первого года в организованной команде. Родители, люди достаточно образованные, понимали: учеба учебой, но если я выбрал спорт, лучше не препятствовать. И давали мне очень много послаблений. И отец, и мать, конечно, следили, чтобы я в школе не нашкодил, но в то же время карт – бланш у меня был полный. Я это понимал и учился хорошо, чтобы не создавать себе проблем. С поведением, правда, не всегда получалось, как, наверное, и у всех мальчишек, но за мою учебу родителей до 10–го класса в школу не вызывали.

Что интересно, никогда не любил смотреть футбол с трибуны, и даже сейчас не люблю. Лучше по телевизору. На трибуне слишком много отвлекающих факторов. Отец маленьким водил меня на футбол, но особого впечатления на мое воображение пребывание на стадионе не произвело, потому что ничего не видел: кругом шум, дядьки постоянно вскакивают, закрывают обзор. А по телевизору смотреть никто не мешает, да еще и повтор интересных моментов присутствует.

Любимыми футболистами в детстве у меня, естественно, были вратари. Следил за московским «Динамо», тбилисское тоже нравилось. Алексей Прудников, Отар Габелия тогда здорово играли. Николая Павловича Гонтаря в воротах московского «Динамо» еще застал. Любимым игроком был и Владимир Михайлович Пильгуй. В «Динамо» он потом открыл школу вратарей. Раз в неделю вратари каждой возрастной динамовской группы занимались у него. Наверное, Пильгуй был пионером в Союзе как тренер вратарей, первым решил попробовать. Только тогда я узнал, что с вратарями можно заниматься отдельно, специально, а то раньше на тренировке побили по твоим воротам и пошел. А тут разные упражнения, в том числе и для игры на выходах, все очень серьезно. Я тогда подумал: если Пильгуй с нами работает, значит, так давно принято за границей. Тогда это были только догадки. А когда пришел в динамовский дубль, со мной стал заниматься Николай Гонтарь. Это вообще была супершкола. Когда я впервые попал к нему на тренировку, чуть с ума не сошел от нагрузок. Николай Павлович очень воспитанный, даже я бы сказал, галантный педагог: никогда не орал, но спокойно поправлял, если я совершал ошибки. Вратари для него как дети. Тренер в принципе ведь тоже может говорить неправильные вещи, но Гонтарь говорил правильные, и это потом мне очень пригодилось. За те года два, что мы вместе работали,

он заложил мне, молодому вратарю, хорошую базу, во – первых, трудолюбия, а, во – вторых, методическую: какие – то его упражнения я выполнял до самого конца своей футбольной карьеры. Из мальчишки он создал добротного вратаря, которого смело можно было ставить и не испортить игры. Могу с уверенностью сказать, что это наш самый лучший тренер вратарей, он постоянно пользуется передовыми методиками, и не случайно из – под его начала вышло столько известных личностей.

> – Воля, целеустремленность, несгибаемый характер, сумасшедшая работоспособность сделали Сергея Овчинникова блестящим вратарем. Его технические недостатки компенсировались невероятным чувством коллективизма, стремлением во что бы то ни стало выручить свою команду. В наше время редко встретишь не только футболиста, вообще человека подобного склада.
>
> *Николай Гонтарь, в прошлом вратарь «Динамо» и сборной СССР, тренер вратарей «Динамо».*

Еще одно памятное событие юношеских лет: в 1989 году сборная Москвы, ворота которой я защищал, стала победительницей Всесоюзных молодежных игр, и нам присвоили звания кандидатов в мастера спорта, хотя обещали мастеров. Мастером спорта я стал лишь в 1991 году, когда в составе «Локомотива» сыграл в полуфинале Кубка СССР с ЦСКА. Как и многие футболисты моего поколения, да и предыдущих тоже, до сих пор горжусь этим званием. Тем более, что другого у меня нет.

Когда пришло время вступать в большой футбол, я уже ничего не боялся, уверенно работал с «основой» – спасибо Эдуарду Васильевичу Малофееву, который взял меня, единственного из нашей юношеской команды, на сборы – и не с дублем, а с основным составом еще в 1986 году, хотя мне тогда не исполнилось и 16 лет. Пригласить в легендарную команду 15–летнего мальчугана было нонсенсом, свалившимся на меня, как снег на голову. Чуть с ума не сошел, когда первый раз зашел в раздевалку, где уже находились Александр Новиков, Юрий Пудышев, Игорь Добровольский, Александр Бородюк – все динамовские премьеры. Тогда попасть не то что в основной состав «Динамо», а и в дубль представлялось чем – то нереальным.

У Малофеева вообще было особо чуткое отношение к молодым. Он меня порекомендовал потом и в юношескую

сборную СССР Александру Пискареву. Я должен был ехать на юношеский чемпионат Европы, потом на чемпионат мира, хотя первым вратарем сборной безоговорочно считался Юра Окрошидзе, а моим конкурентом Витя Гузь из Волжского. Но проблемы со сборными у меня начались как раз с тех пор.

В феврале 1986 года я собирался с «Динамо» на сборы в Алахадзе, но за день до отъезда сломал ногу, да еще как: осколочный перелом со смещением большой и малой берцовых костей. Из строя выбыл на год. После этого на мне не то чтобы поставили крест, но если человек год не играет, не факт, что он потом восстановит свой уровень. Да и перелом случился такой, что ногу можно было потерять, если случится рецидив. А тут еще, месяц провалявшись на койке, я достиг 120 килограммов веса – вставать – то не разрешали. Мое счастье, что к 16 годам я почти перестал расти: если бы прибавлял в росте и дальше, одна нога оказалась бы короче другой, и пришлось бы пользоваться стельками для обуви. А так как я не Гарринча, мне бы это мешало. Травму спровоцировало заболевание коленей, возрастное, встречающееся у многих, но у меня была его разновидность, при которой запрещалось играть на синтетике. А я, невзирая на запрет, вышел на ковер манежа ЦСКА. Сделал шаг в сторону, и показалось, словно кто – то камнем мне попал в ногу, хотя какие же в манеже камни? Наверное, просто всем весом сел на ногу и получил перелом на ровном месте.

А Гусаров в меня особо не верил, отдавая предпочтение Андрею Епифанову. Фактура моя, наверное, тренера к себе не располагала, с юных лет был полноват, да еще и год пропустил из – за травмы – для юного возраста это очень большой срок. Родители даже сомневались, стоит ли мне оставаться в футболе. Но уже тогда полагались на мое собственное решение. А я хотел и опять начал играть. Гусаров оценил мою настойчивость, стал уделять мне много внимания, больше доверять, помогая вернуться в строй. И я, видя такое отношение, стал на поле еще злее, больше тренировался, играл и за 1970–й, и за 1971 год – везде, где был нужен. Хотя даже о динамовском дубле уже разговора никакого не было, Гусаров в это время меня очень сильно поддерживал, и понемногу стал замечать прогресс в моей игре.

Динамовские университеты

С начала 1988 года я начал тренироваться попеременно – то в дубле «Динамо», то в родственной команде низшей лиги чемпионата СССР «Динамо–2» – вратари по ходу первенства переходили туда – сюда в зависимости от полученных карточек и важности матчей. Пришел во взрослое «Динамо» одновременно с Сашей Смирновым, Валерой Зубовым, но за дубль практически не играл, там постоянно стоял в воротах Саша Уваров, потом Андрей Сметанин пришел. Выглядел он плохо, но Гонтарь слепил из него настоящего вратаря. С Андреем мы и сейчас друзья, правда, видимся редко, а раньше много общались. Он вырос в очень хорошего голкипера, но удача не всегда ему сопутствовала. У него потрясающие физические данные – рост под два метра, высокий уровень надежности, в том числе и человеческой. И по манере игры мы были близки. Во – первых, вместе работали под руководством Николая Павловича, и он много общего заложил в нашу игру. Во – вторых, по физическим данным почти одинаковы.

Но в основном составе «Динамо» господствовал и в то время из всех вратарей меня больше всего привлекал Алексей Прудников. У него была потрясающая школа, слабостей не замечалось вообще. Анатолий Бышовец потом зачем – то решил его «разменять», отдал в «Торпедо», но там был свой сильный вратарь Валера Сарычев. А «свой» для тренера всегда лучше. Леха делал попытки заиграть еще где – то, но в конце концов решил закончить. А это был суперсильный вратарь, каких у нас мало. Это не только мое мнение, но и всех динамовцев, которые играли с Прудниковым. Особое уважение они к нему испытывали за то, что в 1985 году он спас команду от вылета в первую лигу.

Уваров при Прудникове довольствовался ролью запасного, хотя при его данных не мог не вырасти в крупную фигуру. Он вообще большой работяга. Но его «прорвало» годам к 30. Считаю его самым недооцененным у нас голкипером. За те два – три года, что Уваров поиграл на высшем уровне, он достиг большего, чем другие вратари за десять лет. И с Прудниковым, и с Уваровым у нас сейчас хорошие отношения, хотя, к сожалению, видимся, общаемся мало. Это два вратаря, которые оставили след в моей карьере.

Многое из памяти о юношеском периоде уже постиралось. Но вот был у нас такой правый защитник Дима Добров. Его Бесков в 16 лет забрал в «Спартак». А парень выбрал институт, посчитав спорт несерьезным занятием. По молодости выделялся и центральный защитник Дима Хелем, выросший на три головы

выше всех и вообще обладавший прекрасными физическими данными. Потом, когда все подросли, он стал выделяться мышлением, левая нога у него очень хорошая была, скорость. Но не заиграл в силу своего характера. Не хочу углубляться в причины, но жизнь его потрепала, не каждый даже сильный человек может справиться с некоторыми вещами. Был такой Вася Зюзин – один в один Дмитрий Сенников в молодые годы. Стал машинистом, поезда водит. Хорошим нападающим был Дима Смирнов из Подольска – играл потом во второй лиге, не знаю, чего там у него не получилось по большому счету. Лидером команды был Вова Долбоносов, человек очень коммуникабельный, с детства обладавший европейским мышлением, очень хороший парень, правда, физическими данными не слишком одаренный, поэтому, может быть, большого мастера из него и не вышло. Но у него и другие ценности были в жизни: больше хотелось петь, заниматься шоу – бизнесом. Своим годом мы однажды заняли 5–е место на юношеском первенстве СССР, выиграв стыковой матч у ЦСКА.

Был период, когда я тренировался со своей юношеской командой, а параллельно по утрам с командой мастеров. Мне даже в школу разрешали не ходить. Я был третьим вратарем после Лехи и Сашки. Потом Малофеев за что – то взъелся на Уварова и даже хотел его куда – то сплавить. Эдуард Васильевич взял тогда в «Динамо» много молодых ребят, собирался создавать новую команду, в составе которой видел и меня. Может быть, у меня и не получилось бы, но жизнь вообще распорядилась по – другому.

Позднее Малофеев некоторое время возглавлял тюменское «Динамо – Газовик». А мне по молодости казалось, что все тренеры, с которыми я имел дело, должны были меня помнить. В 1994 году, когда уже выступал за «Локомотив», мы вместе с Малофеевым летели из Тюмени, и я подошел к нему: «Эдуард Васильевич, вы меня не помните?». Он замялся: «Н – нет» … Ну и что? Подумаешь, был мальчик, которого он хотел взять в команду в 1986 году, и пропал куда – то. Моим дальнейшим продвижением Малофеев не интересовался. Конечно, забот у него, тренера, было побольше, чем у нас, игроков, и все – таки стало немножко не по себе: я надеялся, что он меня не забыл.

Искренне преданный футболу, фанат своего дела Эдуард Васильевич в 1986 году был на пике карьеры. Чего мы только не вытворяли в тренировочном процессе: работали над акробатикой, очень сильно у него была поставлена физическая сторона подготовки, и, приходя домой, я падал от усталости. А потом еще Голодец в дубле и «Динамо–2», заложил мне такой физический

фундамент, что играл на нем до последних дней карьеры.

Солдат срочной службы

С малых лет я был уверен, что стану профессиональным футболистом, даже планы себе строил: в 1988 году попасть на чемпионат Европы. Понимал, что это нереально, но уже тогда усвоил, что надо стремиться к максимальным высотам. А когда впервые попал в дубль, сделал вывод: если уж на меня обратили внимание, то средним – то вратарем всегда стану. Решил поступить в институт и поступил бы, но из приемных экзаменов, которые были отмечены сплошными «четверками», не сдал только. специализацию – один из всех спортсменов. Подозреваю, что неспроста: в московском «Динамо», чтобы я никуда не ушел из команды, в 1988 году задумали призвать меня в армию. Если бы я поступил в институт, получил бы отсрочку от службы, и мог выбирать для себя команду. А так: улица Подбельского, Внутренние войска, полк, который охраняет следственные изоляторы № 1 и № 2. 45 дней я там карантинил, хотя мы, футболисты, должны были принять присягу и через неделю уйти. Но случились какие – то неприятности у полковника, который отвечал за директивы, он взял месячный отпуск за свой счет, и отпустить нас оказалось некому.

45 дней проходил курс молодого бойца. Не слишком приятные воспоминания. Дикая скукотища и сволочной дебилизм. Для меня эти полтора месяца вычеркнуты из жизни. Как – то зимой заставили долбить ломами траншею. Идет полковник: «Вы что, дебилы, делаете?» – «Так капитан приказал». Полковник за голову схватился: «Там кабель под напряжением тысяча вольт!» Мы ломы побросали и бегом оттуда. Или другой эпизод. Подходит лейтенант: «Видишь бочку с битумом? Чтобы не застыл, надо развести огонь». «Где дрова найду?» – спрашиваю. И слышу гениальный ответ: «Прояви солдатскую смекалку». Ушел. Смотрю – рядом деревянный забор. Ну я его весь и спалил. Вскоре лейтенант возвращается. По сторонам оглядывается, затылок чешет: «Чего – то не хватает. А забор где?» «Проявил солдатскую смекалку», – рапортую. Тот в шоке: «Как ты мог?» Потом подумал: «Ну и хрен с ним, с забором. И с битумом тоже». Ну не маразм? Кому нужна такая служба?

А как мне сапоги 47–го размера вручили! Икры у меня здоровые, и сапоги выше них не поднимаются. Резать нельзя – только дембелям позволено. Мне говорят: «Возьми сапоги 47–го размера, и от тебя все отстанут». При том, что у меня 44–й. Еле ходил.

Правда, «деды» не обижали, у нас, спортсменов, своя рота

была – кто ж нас обидит? Ну, скажут помыть пол – помою. Все моют, и ты идешь. Удовлетворишь самолюбие старослужащего. Тебя же в конце концов не тряпкой по морде бьют.

Приезжал Гонтарь, как мог, поддерживал, но я все равно звонил, требовал: «Заберите меня отсюда».

Призвали меня 6 декабря 1987 года, а «на волю» вышел 18 января 1988–го, сразу попал в «Динамо–2» и в следующих двух сезонах сыграл за команду почти во всех матчах.

В 1987 году я восстанавливался после травмы, выступая за школу, а на следующий год играл за «Динамо–2» у Олега Долматова и пару матчей провел за дубль, когда Сметанин набирал желтые карточки и сменял меня в «Динамо–2». Во второй динамовской команде, цвета которой защищали в основном солдаты срочной службы, тогда собрался интересный состав – Смелов, братья Морозовы, Лукин. Со Смеловым, вратарем сильным, прыгучим, с которым мы вместе потом отбыли в Сухуми и который играл еще в Камышине, я дружил. Во второй динамовской команде я подружился и с Андреем Семиным, хотя познакомились мы раньше, выступая друг против друга за школы «Динамо» и «Спартака». Жили обычно в одном номере, бывал я и у него дома, не раз видел Юрия Павловича Семина. Он тогда, наверное, и во сне не мог себе представить, что этот мальчишка, приятель сына, будет играть в его команде. «Динамо–2» в отличие от дублеров выступало в серьезном турнире – второй лиге – против настоящих мужиков, многие из которых имели за плечами школу высшего уровня. В нашей западной зоне собрались матерые соперники – куйбышевские «Крылья Советов», воронежский «Факел», саратовский «Сокол», ивановский «Текстильщик», вологодское «Динамо», костромской «Спартак». И хотя в их составах порой встречались известные имена, почти со всеми мы играли на равных. Это была суровая школа. Долматов поставил меня, еще пацана, в ворота с первого матча, ни разу не подвергнув сомнению свой выбор. Но вскоре Олег Васильевич пошел на повышение, принял команду первой лиги сухумское «Динамо», а я еще год играл в «Динамо–2» под руководством Адамаса Соломоновича Голодца. Капитаном «Динамо–2» при Долматове был Женя Громов, 32–летний футболист, москвич, большая часть карьеры которого прошла в ставропольском «Динамо». Для нас он служил как бы дядькой – наставником. Потом у него случилась серьезная травма, и капитанскую повязку надел я.

Везло мне с тренерами. Голодец – это вообще легенда, и его ассистентами работали тоже незаурядные личности Евгений Байков и Владимир Федин. Тому, кто прошел их школу, ни в

футболе, ни в жизни ничего не страшно. С вратарями занимался Байков, постоянно «успокаивавший» меня: «Сереж, ты никогда не сыграешь в воротах успешнее, чем я». Отвечал ему: «Евгений Федорович, вы же полузащитником играли». А ему только этого и надо было. Байков сразу начинал в сотый раз рассказывать, как в финале Кубка СССР 1955 года судья удалил с поля Льва Яшина, и его, полузащитника, но с длиннющими, чуть не до земли руками, поставили в ворота. Евгений Федорович тогда не пропустил и с гордостью заявлял: «Я – единственный в мире «сухой» вратарь!» «Вратарь – тот же пианист, каждый день должен тренировать свои пальчики», – убеждал меня этот на редкость добрый, несмотря на мощные габариты, человек, знавший много и по части вратарской специфики.

А Голодец учил меня не только стоять в воротах, но и жизни, морали, командному патриотизму. Запомнился такой случай. В то время каждый год юношеская сборная Центрального совета «Динамо» выезжала на традиционный турнир во Францию. Впервые меня пригласили в эту сборную, составленную из игроков 1968 года рождения. Но не срослось, не отпустили из школы. Через год снова получил приглашение. Но моя тетя тогда работала в Кремле, по причине чего я, как оказалось, имел статус невыездного за рубеж – мои документы без объяснения причин завернули. И вот в разгар выступлений за «Динамо–2» мне опять выпал шанс наконец – то выбраться во Францию, на турнир, где побывали, набрались незабываемых впечатлений многие мои товарищи. Уже предвкушал долгожданную поездку, как вдруг меня вызвал Голодец. «Вижу, что ты очень хочешь во Францию, я там был, поездка и впрямь шикарная, – издалека начал он. – Приоденешься и вообще увидишь, как люди живут. Но я не пойму, у нас – то в команде что творится, почему неважнецки мы сыграли последние матчи. А ты – капитан команды. И как мы поправим дела, если очередные соперники у нас «Крылья Советов» и «Сокол», занимающие первое и второе места, а вместе с тобой еще шесть человек из нашей команды собираются во Францию. Календарные игры нам никто не перенесет. Вот я и подумал: ну ладно, пусть защитники уезжают, но как может уехать капитан команды? Или ты считаешь, что может?» И смотрит на меня испытующе. Вздохнул я: «Адамас Соломонович, конечно, мне очень хочется во Францию. Но я капитан команды, тем более вратарь, и было бы непорядочно с моей стороны поставить ее в тяжелую ситуацию. Пусть ребята едут, а я еще успею». Голодец обрадовался, как ребенок: «Сережа, ты принял правильное решение, и должен сказать, что тебе со мной никогда не будет трудно». А я вышел от него и чуть не плачу: «Ну вот,

блин, опять Франция накрылась!»

Самаре мы все равно проиграли – 0:5 – вся защита уехала, и соперники меня просто расстреливали, а с «Соколом» сенсационно сыграли 0:0. Голодец не преминул посыпать мне соль на рану после этой ничьей: «Вот видишь, а если бы ты уехал, мы бы и от «Сокола» пять получили. И меня сняли бы с работы. А ведь я 40 лет в московском «Динамо». Теперь и благодаря тебе тоже». С тех пор он прощал мне все, даже подчеркивал при ребятах: «В нашей команде все можно только одному человеку, да, Сереж? А вы идите, тренируйтесь». По молодости ведь, бывало, загуляешь где – нибудь, девчонки, то, другое, пропустишь тренировку или вес наберешь. На сборах в Алахадзе взвешивал нас Голодец каждое утро, приговаривая: «Сначала мне мелочь подгоняйте – кильку, салаку». Когда же появлялся я или такой же упитанный защитник Андрей Алексаненков, он изрекал: «Ну, вот рыбка и покрупнее пошла». Достал он нас этими весами, и однажды мы украли с них плиту, на которую ступали. Голодец собирает нас утром и торжественно, что он умел делать по поводу и без повода, объявляет: «Произошло ЧП мирового масштаба. Какая – то сволочь украла плиту с весов. Даю две минуты. Не вернется плита, все выходите на «тропу Адамаса Голодца». А этого жуткого кросса по песку, по лесу даже основной состав «Динамо» боялся. Многие падали не в силах преодолеть всю дистанцию, рассказывали, что Валерий Газзаев в кустах прятался, чтобы не выходить на дистанцию. Основные игроки могли себе такое позволить, а мы – то солдаты, в часть загремели бы как нечего делать. Не успел Голодец закончить свой монолог, как плита уже стояла там, где ей положено, хотя все футболисты вроде бы оставались на местах.

Однажды мы с ребятами рванули в Пицунду отдохнуть от голодцовских тренировочных мытарств. Езды автобусом всего минут десять, и мы, не скрывая эмоций, по ходу поездки обменивались впечатлениями: «Да замучил нас этот Адамас, сам свою любимую рыбу целыми днями трескает, а у нас даже выходных нет». А Голодец действительно предпочитал рыбу остальной пище. Выходим на своей остановке и видим, как из этого же автобуса появляется и наш тренер, который, как оказалось, оставаясь каким – то образом незамеченным, сопровождал всю компанию. Подзывает меня: «Сереж, иди – ка сюда. Слушай, рыбка – то, она полезная, в ней фосфора много». И на следующий день как дал нам нагрузочку. А с режимом у меня всегда было нормально, тем более в юношеском возрасте. С режимом плохо у тех, кто, расслабившись накануне, потом не может играть. А не расслабляться тоже вредно. Не буду называть

фамилий, но знал многих известных футболистов, которые, если не позволяли себе отдохнуть в хорошей компании, начинали хуже играть. Да и как люди менялись не в лучшую сторону. А слегка выпьет человек, и сразу возвращается в нормальное состояние, и на поле у него все получается.

Ярких эпизодов за время выступлений в «Динамо–2» было много.

А во Францию я потом все – таки съездил. Набрал с собой несколько банок черной икры и ходил с ребятами по барам, продавал ее. Заработал 1200 франков – сумасшедшие по тем временам деньги! Домой вернулся нарядный, во всем фирменном. В то время почти все везли за границу что – то на продажу. Однажды в Камбодже какому – то туземцу загнал за шесть долларов два кипятильника. Был безумно доволен, так как ящик пива стоил два доллара. Как раз на три ящика хватило. В начале 90–х из Сингапура зараз пять телевизоров притащил, а некоторые прихватили и больше. Два родителям отдал, остальные оставил себе – чтобы в каждой комнате по телевизору было.

Из выступлений за «Динамо–2» запомнилось еще первое знакомство с знаменитым кемеровским бомбардиром первой лиги Виталием Раздаевым. В том сезоне он выступал за тверскую «Волгу». Смотрю, его команда разминается, а он стоит в облезлых кедах у раздевалки, покуривает. На тот матч собрался народ, многим интересно было посмотреть на Раздаева. Мы повели 3:0, Раздаева в игре не видно, бродит себе в районе нашей штрафной и знай, отвешивает мне комплименты: «Серега, да ты молодец, я же слежу за тобой». У наших ворот угловой, а он: «Слушай, ну как же тебе удалось в предыдущей игре отбить пенальти? Как я тебе завидую». Пока я внимал его басням, счет как – то незаметно стал 3:3. И тут послышался голос Голодца, обращенный к администратору команды: «Львович, заказывай автобус, после игры в часть поедем». Слышали его, наверное, все. А играть оставалось минуты полторы, и все эти 90 секунд «Волга» отбивалась чуть ли не от своей вратарской, но мы все же додавили ее, забили победный гол. И слышим с трибуны: «Львович! Автобуса не надо». Когда я впоследствии рассказал об этом эпизоде Юрию Семину, он вспомнил, что и Эдуард Стрельцов по ходу матча не скупился на комплименты по его адресу: «Ну, ты меня сегодня просто съел». Только заслушаешься, а он – раз и забил!

Или играли последний матч чемпионата в Орехово – Зуеве. «Знамя труда» во главе с Раисом Гильмановым было сильной командой, и поле у них великолепное, любил я там играть. Голодец наставлял: «Ребята, нам надо не проиграть. Если даже

сыграете вничью, в часть не пойдете». А военнослужащих тогда на время отпуска забирали в часть, чтобы не болтались по Москве. И мы бились, как панфиловцы. В конце игры судья назначил в наши ворота левый пенальти. Я его взял. Арбитр заставил перебить. Проиграли – 1:2. Дикая несправедливость, некоторые пацаны в слезы, обреченно думаем про себя: ну в часть так в часть. Наш тренер, прощаясь, объявляет: «В десять утра всем в военной форме быть на «Динамо». Наутро приезжаем в шинелях, сапогах – кирзой за версту несет. Мимо шагает Голодец: «Почему вы здесь? Странно, вы же вчера хорошо играли, зачем приехали? Отправляйтесь по домам». И тут мы его просто обоготворили. По жизни Адамас Соломонович многому нас научил, и впоследствии я очень сожалел, что мало пришлось с ним общаться – играл за «Локомотив», потом уехал за границу, а он до последних дней жизни оставался в «Динамо».

Как нету моря без волны, так у меня есть только ты, Сухуми!

Заголовок я взял из прекрасной песни о Сухуми в исполнении Игоря Саруханова. За год, проведенный в столице Абхазии, влюбился в нее.

В 1989 году мы со Смеловым играли за «Динамо–2», а в 1990 году оба уехали в Сухуми. По распоряжению Анатолия Бышовца. Ко мне подошел Николай Гонтарь, обрадовал: «Готовься, поедешь в Сухуми к Олегу Долматову». А я чувствовал уже сам, что заметно прибавил, играл неплохо и думал, что вот – вот подключат к основному составу. Но Бышовец в придачу к Александру Уварову взял в команду Диму Харина, Прудникова сплавил в «Торпедо», а меня потребовал удалить из команды. Ему возражали, все – таки я динамовский воспитанник, но Анатолий Федорович стоял на своем. Хотелось с ним поговорить, но с дублерами Бышовец не общался, даже не здоровался. Возможно, на его отношение ко мне повлиял и досадный эпизод на стадионе «Торпедо», когда «Динамо» играло с хозяевами поля на Кубок Федерации футбола СССР, и меня взяли в запас. В компании известных игроков я почувствовал неловкость, смущение, скованность, в раздевалке, неуклюже пробираясь к своему месту, сумкой задел и опрокинул поднос с горячим чаем, что усугубило мое состояние. А тут еще Бышовец медленно, язвительно так произнес: «Будем надеяться, что это к удаче. Да, молодой человек?» «Динамо» выиграло – 2:1, Уваров взял пенальти от Гречнева, и я подумал, что моя репутация спасена. Но нет, Бышовец решил все – таки от меня избавиться.

Поначалу я наотрез отказался покидать Москву: «Никуда не поеду, хочу играть только здесь». Гонтарю долго пришлось меня уговаривать, доказывать, что перспектив в московском «Динамо» у меня нет, первые роли отведены Харину и Уварову, есть еще и Сметанин. «Бышовец так решил, к тому же ты военнослужащий, приказам обязан подчиняться», – убеждал меня Гонтарь. Обиделся я тогда, конечно, но пришлось ехать. А с Бышовцем мы лет через десять в Португалии вспомнили те времена – он собирался подписать контракт с «Алверкой», в которой я тогда играл, потом еще с кем – то. Пошли с женами в ресторан. Не знаю, насколько Анатолий Федорович был искренним, но сказал: «Я хотел, чтобы ты играл. Не видел тебе места в своей команде, но чувствовал твой потенциал и был против того, чтобы ты сидел на скамейке. Поэтому и отдал тебя в Сухуми». А закончил он вдруг

любопытной фразой: «И даже если я так не думал, все равно у тебя получилось очень хорошо. Поэтому ты должен быть мне благодарен». Как человек воспитанный, я промолчал: получилось, как получилось, винить его мне было не в чем.

Вместе со мной и Смеловым в Сухуми отправились и другие динамовские дублеры: Смирнов, Сабитов, Чижиков, Добашин, Тункин. Уезжал из Москвы в жутком настроении, но получилось так, что сейчас вспоминаю о сезоне, проведенном в столице Абхазии, как об одном из самых ярких в своей жизни. Команда у нас сложилась очень приличная, одно время даже претендовавшая на выход в высшую лигу. Олег Долматов дал мне полный карт – бланш еще в «Динамо–2», полностью доверял и в сухумском «Динамо», хотя в плане соблюдения дисциплины, проявлений характера ему, наверное, не очень легко со мной было, приходилось на многое закрывать глаза. Характер у меня к тому времени уже окреп до уровня строптивости, на любую несправедливость реагировал моментально. Хотя у каждого человека свои представления о том, что справедливо и несправедливо, и мои, понятно, не были идеальными. Но если я постоянно играл, значит, и при всех своих принципах Олега Васильевича устраивал. Не устраивали его только мои длинные волосы, еще без хвостика. У меня там была такая же прическа, как сейчас. Волосы я не собирал в хвостик, а мочил перед игрой. В матче с «Пахтакором» они упали мне на глаза, потерял мяч из виду, и Шквырин забил нам гол. После чего Долматов заставил меня подстричься. Я уже не сопротивлялся. Пропустив гол из – за своей гривы, понял: тренер прав.

Многие ребята приехали в Сухуми из Очамчиры, Гудауты, других абхазских городов. Жили мы сначала, почти все, на базе сборной страны в Эшерах. А потом глава Абхазии и большой поклонник сухумского «Динамо» Владислав Григорьевич Ардзинба отдал в наше распоряжение расположенную в очень живописном месте дачу Совета министров с отличным спортивным комплексом, правда, без футбольного поля. На балконах у нас рос виноград, а красного вина было хоть залейся. Пили вино, закусывали виноградом, вот и весь досуг. Развлекались, как могли. Однажды на спор с Сашкой Смирновым я съел сотню хинкали, запив их трехлитровой банкой яблочного сока. Выиграл 50 рублей. На мою игру эта трапеза повлияла только в лучшую сторону. Весил я уже тогда около ста килограммов. И вот в каком – то матче игрок соперников выходит со мной один на один и пускает мяч мне между ног. Думаю: «Ну все, гол». Выручила объемная «корма», мяч под ней застрял. Ребята смеялись: «А ты собирался худеть, видишь, не надо».

Такой же эпизод случился с Зауром Хаповым во время матча «Алании» в Дортмунде с «Боруссией». «Бьют – мяча не вижу, думаю, гол, – рассказывал он. – А во мне 101 килограмм, и вдруг чувствую, что мяч где – то здесь, в складках тела застрял, нашел его под собой».

Чемпионат между тем шел своим чередом. Играли мы с «Локомотивом» в Москве. А Семин уже взял с меня слово, что по окончании сезона перейду в его команду. Железнодорожники двигались по турнирному пути со скрипом, еле держались в лидирующей группе. Юрий Павлович намекнул: мол, у тебя с нами уже предварительный контракт, ты не должен играть. Но я вышел, да еще и пенальти взял от Милешкина. Валерий Филатов, в том сезоне ассистент Семина, стоявший за моими воротами, не удержался, закричал: «Серега! Ты что творишь, мы же так в высшую лигу не выйдем». Сыграли – 0:0. После игры звоню Юрию Павловичу, он бросает трубку. Перезваниваю и слышу: «Как ты мог, мы же за выход в высшую лигу боремся, а ты у нас очки отнимаешь!» На что я ответил: «Если бы я поддался настроению помочь «Локомотиву», вы бы потом до конца карьеры сомневались, можно ли мне доверять. Я должен был играть и играл честно, в полную силу». Последовала пауза, и он согласился: «Ты прав, конечно». Но я пообещал ему, что в Сухуми против «Локомотива» играть не буду. И не играл. Но когда железнодорожники к нам приехали, предупредил, чтобы они не обольщались: мой дублер Смелов в прекрасной форме. И Серега сыграл еще сильнее, чем я в первом круге, просто потрясающе. «Динамо» обыграло «Локомотив» – 2:1, и Семин только руками всплеснул: «Уж лучше бы ты играл!»

Когда мы выигрывали домашние матчи, премиальные получали прямо в раздевалке. Снималась выручка со стадионных касс, и могучая женщина – кассир, килограммов под двести весом, приносила две хозяйственные сумки с деньгами. Как – то спросили кассиршу: «А вы не боитесь?» И когда она мужским басом прогрохотала: «Я ничего и никого не боюсь», уже нам стало страшновато. А после первой победы над владикавказским «Спартаком» идем с поля, и один местный футболист говорит мне: «Выпусти рубашку из трусов». «Зачем?» – спрашиваю. «Сейчас поймешь». Выпускаю свою фиолетово – малиновую рубашку – подарок Димы Харина, а она, как простыня, аж по колено, и болельщики мне как начали кидать деньги в этот подол – четвертные, полтинники, даже сотни. При премиальных за победу четыреста рублей (тогда даже «Локомотив» столько не получал), иной раз в подоле набиралось и по пятьсот. А за победу на выезде мы получали так называемые президентские – по 800

рублей от Ардзинбы. Тратить деньги нам было некуда, даже хранить негде. Сложим их под матрас и думаем: какие же мы богатые. Да и не давали нам тратиться.

Ездили на рынок за фруктами, арбузами. Для торговцев наши визиты становились событиями, и без полного мешка с рынка мы не возвращались, все получали бесплатно, люди отказывались брать с нас деньги. После каждой игры местные болельщики забирали команду в горы, а там столы ломились. Думал, что сезон в Сухуми я при таком режиме не доиграю. Но доиграл, что до сих пор считаю достижением в своей карьере. Вести себя по – другому, отказаться от угощений там было невозможно, нас бы просто не поняли, страшно обиделись – такой у людей менталитет. И все это шло в удовольствие: игра – отдых, отдых – игра. Может быть, поэтому и команда наша показывала веселый, заводной футбол – в Абхазии любят красивую игру, и болельщики были нами довольны.

Как – то выходим на матч, вижу, в проходе трибуны стоит отец. Как, откуда? «Вот, на денек приехал, соскучился, хочу посмотреть, как ты здесь живешь, как играешь, – отвечает. – А завтра – домой». Его сразу провели в ложу почетных гостей. После матча приехали на базу, наш администратор Валентин Сурков выделил ему отдельный номер. Проходит неделя, отец никуда не уезжает, хотя днем его почти не видно – постоянно куда – то возят, представляют: «Это отец нашего вратаря Овчинникова». Он загорел, поправился. Через три недели интересуюсь: «А как же твоя работа?» «Нормально, – говорит, – не волнуйся, на работе я сам себе голова». Наконец, звонит мама: «Отправляй его домой, сколько можно гулять». А отцу у нас очень понравилось. «Так с тобой и жил бы здесь», – сказал он на прощание.

Однажды меня никто не встретил в аэропорту с московского рейса. Доехал на такси до базы и на пороге наткнулся на начальника нашей команды Владимира Делбу, доброго, веселого и вообще замечательного человека. Увидев меня, он вспомнил, что надо было послать за мной кого – то в аэропорт, начал убиваться, каяться по поводу своей забывчивости. «Неужели ты приехал на такси? Что, и деньги таксисту заплатил?» – чуть ли не с отчаянием горячился Делба. «Да какие деньги, всего – то 15 рублей», – постарался я охладить его пыл. Он, однако, продолжал неистовствовать, достал из кармана 50 рублей и не успокоился, пока не всучил их мне.

А Владислав Ардзинба настолько любил футбол, что приезжал и на наши тренировки, иногда ломая все планы Долматова. Брал стул, садился возле поля и требовал

двустороннюю игру: молодые, к которым относился и я, против ветеранов. Говорил нам: «Если выиграете у стариков – 3:0, плачу вам по сто рублей». Но мы быстро смекнули, что к чему. Договаривались со старшими, они проигрывали нам сколько надо, а премию потом делили поровну между обеими командами. Долматов хохотал, но секрет наших побед гостю не раскрывал. А Ардзинбе так нравились эти игры, что он стал приезжать по два раза в неделю.

Олег Васильевич жил с нами на базе. Тренер он строгий, но с трудом справлялся с нашей братией. Русских держал в узде, да мы и сами старались его поддерживать. Ведущими игроками команды были Александр Смирнов, Равиль Сабитов. Столпом обороны, вокруг которого формировались наши часто неприступные для соперников бастионы, являлся Сабитов. Смирнов – конструктор наступления, они с Романом Хагбой здорово взаимодействовали. Саша уже тогда был сильным игроком, каких мало, о чем в один голос утверждали и Малофеев, и Бышовец, и Бесков, и другие тренеры.

> – С Овчинниковым мы знакомы почти с детства, и сейчас продолжаем общаться. Он – замечательный вратарь, совершенно не «звездный» человек. Лидер по натуре, он обязательно должен состояться как тренер.
>
> *Александр Смирнов, один из лидеров «Локомотива» 90–х годов.*

Капитаном в сухумском «Динамо» был опытный Рома Хагба, поигравший в Тбилиси, в Кутаиси, а с харьковским «Металлистом» выигравший Кубок СССР, успевший еще и в чемпионате России побаловать своим присутствием на поле сочинскую «Жемчужину». Игроков с лучшей скоростной техникой я до тех пор не встречал. Если бы не проблемы с режимом, Хагба стал бы настоящей звездой. Пару игр довелось капитанить и мне, 19–летнему. Выделялись также Заур Ахведиани из тбилисского «Динамо», Саид Тарба, центральный защитник Гена Бондарук, правый защитник Андрей Чекунов.

Мы вполне могли претендовать на путевку в высший эшелон, причем по праву. Сухумское «Динамо» было сильной командой, но, к сожалению, со своим неизбывным кавказским колоритом. Когда наши абхазцы приезжали в крупные мегаполисы – Москву, Ленинград, Кишинев, то сразу куда – то пропадали, в команде их не видели почти до самого отъезда. Огни больших городов манили их до потери всяких тормозов, и футбол отходил на второй план. Еле наскребали состав на игру, приходилось биться

за результат остальным, что не всегда получалось. Если бы не южный менталитет большинства игроков, очков у нас набралось бы гораздо больше, могли бы претендовать на что – то серьезное.

Война в Абхазии случилась до нашего прибытия, а в то время наблюдалось определенное спокойствие. Возобновился конфликт, уже когда мы уехали. А тогда все прекрасно уживались вместе, грузины ходили смотреть на нас, хотя создали свою команду «Цхуми», абхазцы, да и русские тоже – на их матчи. По окончании игр обе команды «крепили российско – грузино – абхазскую дружбу» в неформальной обстановке.

Мой период в сухумском «Динамо» получился удивительно интересным, солнечным, как и сама замечательная столица Абхазии, добавил много незабываемых впечатлений. Почти в каждой команде, с которыми нам приходилось встречаться, были яркие футболисты – Игорь Шквырин, Дмитрий Радченко, Андрей Пятницкий, Искендер Джавадов, Евстафий Пехлеваниди, Александр Воробьев… Но и мы держались на уровне, даже таких гигантов, как «Кайрат» и ростовский СКА, «грохнули» на выезде.

С Олегом Васильевичем у меня сначала все складывалось замечательно. Он сразу поставил меня в ворота, и я его не подводил. Пришелся в команде ко двору, срок службы приближался к концу, в Сухуми получил предложение перейти на сверхсрочную, но отказался.

В конце сезона мы проиграли – 1:3 в Кемерове «Кузбассу», за который вновь играл Раздаев. Вернулись, как обычно, в раздевалку, как вдруг ни с того ни с сего Долматов обвинил меня в сдаче игры, при всех прямо так и бросил в лицо: «Ты взял от Кемерова деньги!» А у меня вообще в голове ни тогда, ни сейчас не укладывается, как можно пропустить гол нарочно. Даже когда в нашу команду проникали слухи, что кто – то там где – то, я отказывался верить. Сдать матч значило покрыть себя позором на всю жизнь, было равносильно предательству, расстрельной статье! Как потом смотреть в глаза товарищам по команде, да и слава о тебе пойдет в футбольном мире, где все тайное рано или поздно становится явным, хоть стреляйся. И вдруг продажу матча инкриминируют мне! От неожиданности, от такой вопиющей несправедливости я потерял дар речи. А когда обрел его вновь, меня понесло так, что было не остановить. Разговор с обеих сторон получился очень жестким. Черту под ним подвел тренер: «У меня ты больше никогда не будешь играть, а по возвращении домой отправишься в часть». Служить мне оставалось еще месяца три. Поспешил в Москву, сразу – к Голодцу, все ему рассказал. Мы по – прежнему поддерживали дружеские отношения, которые только и могут быть между футболистом и тренером. Адамас

Соломонович сильно повлиял на меня, оставил заметный след в моей карьере не только как специалист, но и как человек. Многие его считали строгим, в каких – то вопросах даже жестоким, а для меня не было добрее тренера. Хотя, может быть, он только ко мне так относился. Голодец и отдал мне листок, означавший, что я вольная птица. А сначала не хотел отпускать, пытался уговорить: «Оставайся в «Динамо», я побеседую, с кем нужно, и мы заберем тебя в основной состав». Но когда узнал, что иду к Юрию Семину, что уже подписал с «Локомотивом» контракт, дал свое добро, вручил все документы по дембелю и напутствовал: «Иди отсюда быстрее, не мозоль мне глаза, я ведь на тебя рассчитывал».

Кстати, однажды, на заре выступлений уже в высшей лиге, какие – то знакомые попросили меня сдать игру. Отреагировал так, что за всю оставшуюся карьеру никто ко мне с такими предложениями больше не обращался.

> – В том, что мы пропустили минимальное количество мячей, огромная заслуга вратаря Овчинникова. Чуть ли не все матчи он провел на «пятерку».
>
> *Олег Долматов, главный тренер сухумского «Динамо». Еженедельник «Футбол». 1990 год.*

С Долматовым наши отношения восстановились лишь в 2006 году, когда Семин пригласил его помощником в сборную России. Я давно выбросил из головы тот злополучный сухумский инцидент и не держал зла на Олега Васильевича, который тоже много мне дал как футболисту, предоставил шанс проявить себя в первой лиге чемпионата СССР. В конце сухумского сезона, благодаря, конечно же, Долматову, меня кто только не хотел видеть в своих рядах: к осени набралось 18 приглашений, из них 11 из клубов высшей лиги. А останься я в динамовском дубле или в «Динамо–2», может быть, и не заслужил бы столь лестных оценок своей игры. Хотя думаю, что и я Долматову в Сухуми здорово помог.

Высшая лига

«Локомотив» окончательно вышел на меня туров за десять до конца первенства. До этого существовала лишь предварительная договоренность о возможном переходе. С детства я болел за «Динамо», но где – то на подсознательном уровне всегда испытывал симпатию и к «Локомотиву». Может быть, потому что всегда переживал за слабых, во время хоккейных чемпионатов мира, например, за сборную Финляндии, которая в те времена ничего существенного не добивалась. Нравился мне и еще старый черкизовский стадион, да и тренер Семин. Поэтому серьезных переговоров о переходе из сухумского «Динамо», кроме «Локомотива», ни с кем не вел, тем более что железнодорожники вышли на меня первыми. Разве еще только с «Торпедо», уж очень авторитетным выглядел в моих глазах старший тренер автозаводцев Валентин Иванов. Правда, никаких благ он не обещал, что и неудивительно: в «Торпедо» была мощная вратарская группа – Александр Подшивалов, Валерий Сарычев, Владимир Пчельников. Зачем они приглашали еще одного вратаря, так и осталось загадкой. Однажды, наверное, чтобы раззадорить меня, Валентин Козьмич сообщил: «Вот ты все никак не решишься, а к нам Александр Филимонов уже готов перейти». Но реакцию он вызвал обратную. «Вот и берите Филимонова, а я к вам не пойду», – было мое последнее слово.

Хотя с начала осени я твердо вознамерился стать локомотивцем, с переходом вышло маленькое недоразумение. Меня, можно сказать, перекупил владелец московского «Асмарала» Хусам Аль – Халиди. Как говорится, бес попутал, хорошо, что вовремя спохватился. Я тогда как раз женился, квартирный вопрос стоял очень остро. Узнав об этом, Аль – Халиди предложил мне хорошую квартиру, солидные подъемные и зарплату, о которой в других командах высшей лиги, в том числе и «Локомотиве», только мечтали. Накануне вылета железнодорожников по окончании сезона–1990 на Бермудские острова, назначенного на пять утра, я не спал всю ночь, размышляя, куда податься: с «Локомотивом» за границу или на утреннюю тренировку «Асмарала», на которую меня уже пригласил работавший с командой Владимир Федотов. Выбрал второе, поскольку днем раньше щедрый президент «Асмарала» успел вручить мне ключи от новой квартиры. Правда, это было не мое самостоятельное решение, а семейное: жена ни за что не соглашалась упускать из рук попавшую к нам синицу. Испытывал ужасные душевные муки, представляя, что теперь обо мне

подумают люди. И на первой же тренировке в «Асмарале» порвал заднюю мышцу бедра. В мозгу сразу мелькнуло: выходит, все – таки ошибочка вышла, вот она, расплата за некрасивый поступок! Узнав о моем переходе в «Асмарал», неожиданно вознегодовали и родители, стали убеждать, что все материальные блага в моей жизни еще будут, не стоит из – за сегодняшних посулов очертя голову рыпаться головой в омут. Кстати, родители и сейчас всегда рядом со мной. У нас очень доверительные отношения, которыми мы дорожим. Я каждый день им звоню из любой точки света. Они с детства приучили меня к какой – то патологической честности. Даже не знаю, чего в этом больше – плохого или хорошего. Родители мне говорили: «Будь честным, в первую очередь перед собой. Себя – то не обманешь. Все мы допускаем ошибки, но жить надо так, чтобы тебе потом любому человеку не стыдно было смотреть в глаза».

А точку в той «асмараловской» эпопее поставила жена Семина Любовь Леонидовна. С семьей Семиных я был знаком уже года три, поскольку дружил еще со времен «Динамо–2» с Андреем, их сыном, часто бывал у них дома. Теперь я думаю, что и это обстоятельство способствовало моему приглашению в «Локомотив». Андрей был добротным защитником, но таких тогда было много, и ему не посчастливилось заиграть в высшей лиге. Но сей факт нашей дружбе не мешал. Он много рассказывал мне о локомотивских проблемах, и мы, учитывая и мое давнее расположение к команде, переживали за нее вместе. Когда я в очередной раз заглянул в гости к своему другу, Любовь Леонидовна не стала читать мне нотаций, а вместо этого отчехвостила по – взрослому, дала понять, что полностью разочаровывается в моих человеческих качествах, напоследок посоветовав не дурить, поменять решение. И я почувствовал, что обмануть надежды семьи, к которой относился с глубоким уважением, не смогу ни за какую квартиру, все нутро восставало против. По возвращении «Локомотива» из турне меня пригласил к себе Юрий Павлович, как сейчас помню, почему – то в семь часов утра, расспросил о моих проблемах и твердо пообещал решить их. А я уже и без квартиры готов был «вернуться» в «Локомотив», хотя имел на руках подписанный контракт с «Асмаралом», и Аль – Халиди занял по нему жесткую позицию. Но Палыч справился и с этой проблемой. С тех пор я ни разу не пожалел о принятом в итоге решении, о том, что тогда не разочаровал ни Семина, ни его обладающую замечательным даром убеждения супругу.

Пришел я в «Локомотив» накануне годичной командировки Семина в Новую Зеландию. Вскоре после моего представления команде Семин уехал, и стоял выбор на временное замещение

должности главного тренера между Валерием Филатовым и Владимиром Коротковым. Выбрали Валерия Николаевича.

Команда формировалась фактически заново, на первых тренировках собиралось человек по 30. Вместе со мной из сухумского «Динамо» в «Локомотив» пришли Смирнов и Сабитов, появились опытные литовцы Мажейкис, Фридрикас, Янонис – олимпийский чемпион, форвард Георгий Кондратьев из минского «Динамо», между прочим, член Клуба Григория Федотова. С Кондратьевым у меня сложились особенно дружеские отношения. Хотя за ним и водились нарушения режима, но на поле они не сказывались. В игре он и пас отдаст, и сам исполнит. Конечно, бежал Жора уже не так, как прежде, сказывался возраст, но понимание игры было потрясающим. И в человеческом плане он объединял нас, пацанов по сравнению с ним. Требовал: в каком бы состоянии ты ни был, а вышел на поле, беги, играй, никому никаких скидок быть не должно.

В начале января состоялось организационное собрание. Подчеркивалась высокая ответственность выступлений на высшем уровне, которые для многих из нас становились дебютными. А Семин после первых тренировок отправился в Новую Зеландию. Все три сбора команда провела на своей базе в Хосте, однако я почти половину из них пропустил по уважительной причине. Борис Петрович Игнатьев, надо полагать, с подачи Семина, пригласил меня в составе олимпийской сборной СССР на турнир памяти Джавахарлала Неру в Индию с участием сборных Венгрии и Румынии. Играли мы на юге страны в городе Тривандрум при 40 градусах жары. Для тренировок было отведено гаревое поле, но мы почти не высовывали носов из отеля. Меня – то жара устраивала, поскольку надо было сбросить лишний вес, а в такой раскаленной атмосфере никакая еда в горло не лезла. Каждое утро я отправлялся на взвешивание к нашему массажисту Михаилу Насибову, но результат раз за разом разочаровывал: вес застыл намертво. Уже при отъезде в аэропорту я в одежде и обуви забрался на весы для багажа и был поражен: минус восемь килограммов по сравнению с приездом в Индию! Помчался за объяснениями к Насибову, а он смеется: «Ты же не смотрел на весы, а я специально тебя обманывал, стимулировал к сбросу лишних килограммов». Заняли мы на этом турнире 3–е место, мне довелось поиграть, как и двум другим вратарям, участвовавшим в поездке – спартаковцу Гинтарасу Стауче и Александру Помазуну из харьковского «Металлиста».

Но наши индийские климатические муки оказались ничто по сравнению с тем, что ждало в Хосте: непрекращающиеся дожди, случалось и со снегом, и тяжелейшая работа под руководством

ассистента Филатова Виталия Викторовича Шевченко. А мне всегда было тяжело входить в команду выше уровнем, в том числе и в сборную. Сначала было неуютно и в «Локомотиве», хотя многих ребят знал раньше. Освоился только по ходу чемпионата где – то после 4–го или 5–го тура, в свои 20 лет стал на равных общаться и с опытными футболистами.

Помог случай. Как – то еще в Хосте один из матерых ветеранов решил немножко расслабиться. Наполнил себе тонкий стакан из бутылки, но, заметив поодаль меня, поманил пальцем: «Иди – ка сюда, молодой». И нацедил мне в стакан граненый. «Давай, пей!» – скомандовал он и опрокинул свой стакан внутрь. Я его сжал в кулаке, и он развалился на мелкие осколки. «Собутыльник» уважительно посмотрел на меня и произнес: «Да ты, парень, далеко пойдешь». И налил мне в новый стакан. Этого нашего ветерана однажды при отъезде из Чехии пришлось даже заносить в автобус. У Филатова при виде этой картины глаза из орбит вылезли. «Николаич, извини, отработаю», – заверил тренера нарушитель всех футбольных устоев, и что самое интересное, действительно отрабатывал. Наблюдая за его игрой, невозможно было представить, что он регулярно закладывает за воротник. Невольно верилось расхожей тогда поговорке: «Кто не пьет, тот не играет». Что и говорить, богатырское было поколение!

Сборы получились тяжелыми, по 20 дней каждый, я за это время успел даже пару раз серьезно травмироваться. Но Филатов работал грамотно, прекрасно знал тренировочный процесс, и команда подошла к старту чемпионата в отличной форме, что и показал первый круг, который мы, несмотря на сильное обновление состава, закончили седьмыми в таблице. Даже удивили специалистов, например, сыграв вничью со «Спартаком» в Лужниках, с «Памиром» в Душанбе, откуда очков не увозил почти никто.

Хотя Юрий Павлович, приглашая меня, твердо обещал, что буду играть, Филатов больше благоволил более опытному Хасану Биджиеву. На сборах мы играли поровну, но в первых официальных матчах тренер сделал ставку на Хасана. Биджиев, который на четыре года старше меня, был хорошим вратарем, обладал прекрасными данными, с техникой, прыгучестью у него все было нормально.

Я тоже набрал отличную форму, накануне матча с ЦСКА взял пенальти, выступая за дубль, но Филатов по – прежнему видел в воротах основного состава Биджиева. Перед матчем с армейцами на нашей базе в Баковке случился пожар (выгорел весь первый этаж), а на следующий день «пожар» произошел уже в Лужниках –

«Локомотив» «сгорел» ЦСКА с разгромным счетом 1:5. И тут Филатову из Новой Зеландии позвонил Семин. Не знаю, о чем у них шел разговор, но в конце Юрий Павлович посоветовал: «На кубковый матч с «Уралмашем» ставь Овчинникова». Филатов последовал его рекомендации, и мы выиграли – 2:0, потом в чемпионате с таким же счетом у запорожского «Металлурга». После этих «сухих» матчей я почувствовал в себе какую – то внутреннюю силу, понял, что смогу нормально играть в высшей лиге. И выходил в стартовом составе бессменно, не давая повода тренеру усомниться в правильности его вратарского выбора. Но однажды, кажется, в день матча с харьковским «Металлистом» вызывает меня Валерий Николаевич: «Хочу, чтобы ты меня понял: надо дать возможность сыграть и Хасану». «Вы – тренер, вы и решайте», – с оттенком недоумения ответил я. Дело было перед обедом, и я, уверенный, что проведу матч на скамейке запасных, съел все, что предлагалось в меню, да еще и добавки попросил, попил водички, в общем загрузил внутрь всякого разного килограмма на три. Только прилег в своем номере, как стучится в дверь администратор, опять зовет меня к себе взволнованный Филатов: «Звонил наш министр Николай Конарев, настаивает на том, чтобы в воротах играл ты». Батюшки родные! Послеобеденный сон как рукой сняло. Помчался на воздух приводить себя в порядок и вечером отстоял нормально. Наверное, покажется парадоксальным, но и в дальнейшем, если я по каким – то причинам готовился к игре не так, как надо, на поле у меня получалось даже лучше, чем при напряженной, целеустремленной тренировочной работе.

У нас складывалась интересная команда, о вылете из высшей лиги в первом круге и речи не было. Хотя о таких зарплатах, как например, в «Спартаке», у нас и не слыхивали – получали мы чуть больше рядового инженера. И то не все. Я по – прежнему входил в олимпийскую сборную СССР Бориса Игнатьева, нередко отправлялся в ее расположение, и тогда в воротах «Локомотива» меня замещал Биджиев. Игр семь чемпионата пропустил из – за отлучек в стан олимпийцев. А ближе к концу сезона надорвал заднюю поверхность бедра, и выбыл недели на три. Первый раз после выздоровления побегал на базе, как вдруг Филатов командует: «Срочно вылетай в Симферополь на решающий отборочный матч олимпийской сборной». Готовиться начали дней за пять до ответного матча с Италией. Борис Петрович увидел меня после трехнедельного «отпуска» и за голову схватился. Но тренироваться я начал неистово, и ни у кого не возникало сомнений: против итальянцев в ворота становиться мне.

– Основным вратарем олимпийской сборной остается Сергей Овчинников, в его возможностях мы уверены.

Борис Игнатьев, главный тренер олимпийской сборной СССР. Еженедельник «Футбол». 1991 год.

До этого в олимпийской сборной я играл мало, больше – Гинтарас Стауче. И тогда, и позднее в любой сборной я испытывал одну и ту же проблему, которую считаю своим серьезным недостатком: всегда и везде в душе я оставался клубным вратарем. Игра мне особенно удавалась, когда чувствовал комфорт на поле, который создавало привычное клубное окружение, своя база, свой автобус, который вез нас на матч, трибуны своего стадиона. До последнего вызова в национальную сборную ощущение психологического дискомфорта не покидало меня и на тренировках, даже в период, когда с командой работал Семин. Такой уж у меня «домашний» характер, позволявший полностью раскрываться только у родного очага. Встречать похожих людей изредка, но приходилось. Волгоградец Олег Веретенников, например. Больших волевых усилий стоило мне пребывание в сборной начиная с 1992 года – целых 13 лет, с не покидавшими ощущениями, что все кругом не мое, постоянно преследовало желание отказаться от приглашений. Вызовы в сборную для меня всегда были трудными периодами. Начиная с первых – Бориса Игнатьева в олимпийскую команду. Основным вратарем Игнатьев видел Стауче, хотя я постоянно выступал за основной состав своего клуба, а он в «Спартаке» сидел на скамейке запасных. Может быть, Борис Петрович находил в моем отношении к играм на молодежном уровне некоторую снисходительность, что ли. Наверное, что – то в этом роде у меня проскальзывало, все – таки за клуб уже на равных с мужиками играл. И он отдавал предпочтение Стауче. Хотя в Падуе с Италией должен был играть я, обрел к тому времени отличную форму, на тренировках убедил всех, что нахожусь в полном порядке, в том числе и психологическом. Все шло к тому, что выйду против итальянцев. Это был первый, очень важный матч в борьбе за поездку на Олимпиаду. Его мы проиграли – 0:1. За день до матча на предыгровой тренировке мне с метра попали мячом в руку. Врач сборной Савелий Мышалов обнаружил трещину в кости. Попросил его: «Колите, что угодно, боль – ерунда, только никому ничего не говорите. Я должен играть». Но Савелий Евсеевич меня «сдал», сообщил о травме руководителю делегации Никите Симоняну, тот – Игнатьеву, и на поле вышел Стауче, допустил ошибку, мы

проиграли, отчего я расстроился еще больше. В итоге очка нам как раз и не хватило, чтобы попасть на Олимпиаду. А я чувствовал, что в Падуе мог отстоять, как надо, что не пропустил бы, бывает такое ощущение у вратарей. Команда у нас тогда была очень сильная, и если бы в ответном матче в Симферополе не начудил очередной судья из Швеции, представители которой нанесли нашим сборным, наверное, наибольший урон на международной арене, мы вышли бы из группы. Было видно, что швед поставил своей задачей «убить» нас, и было за что: его не встретили ни в аэропорту, ни в гостинице, как всегда, в нашей федерации что – то перепутали. В кулуарном разговоре он напрямую заявил: «Ну, я этим русским устрою анти – Полтаву». Матч завершился вничью, а нам надо было выиграть. Если бы мы попали на Олимпиаду, не сомневался, что в Барселоне добрались бы, как минимум, до финала, а то и выиграли бы олимпийский турнир. Итальянцы выглядели блекло на фоне нашей команды. Тогда все ужасно жалели, что вот именно эта команда прекращает свое существование, были уверены, что мы пройдем итальянцев. Заранее закупили бутылок 200 шампанского, лишний раз доказав, что загад не бывает богат. Ребята думали, что буду играть я, но Борис Петрович вновь выбрал Стауче. Выиграть не получилось, ничья – 1:1 оставила нас за бортом Олимпиады. Посидели, конечно, после матча, откровенно поговорили, вылили друг другу наболевшее – сильный получился удар по нашему самолюбию. Засиделись допоздна, а утром разъехались по домам.

Из аэропорта меня повезли подписывать новый контракт – Валерий Филатов и наш тогдашний спонсор Виктор Дрожжин решили улучшить его условия, хотя я об этом и не просил. Потом была тренировка. В паузе я присел за воротами и. отключился минут на пять, уснул. Вечером отправились на разбор предыдущего матча «Локомотива», меня угораздило усесться в первый ряд, где я снова быстро отошел ко сну, проспав все собрание. Филатов, услышав мое сопение, сказал игрокам: «У него вчера был ответственный матч, пусть отдыхает». Хотя знал, что в Симферополе я не играл.

Начался второй круг последнего чемпионата СССР, и пошло – 0:1 и 0:1, мы стали все больше проигрывать, причем проигрывать порой подозрительно, и в конце концов вылетели из высшей лиги. Это сейчас я могу понять многие вещи, а тогда был молодой, думал: наверное, мы слабее, если уступаем соперникам. Из ворот мне тогда казалось, что не во всех матчах наш уровень соответствовал истинному, хотя что – то доказать было невозможно. И никого в чем – то заподозрить я не мог. До сих пор порядочность тех своих партнеров под сомнение не ставлю, к

каждому отношусь с доверием. Но между нашей игрой в первом круге и во втором виделась большая разница. И не только мне.

Филатов работал нормально, делал, что мог, пытался сплотить команду, но лидеров у нас не нашлось, и не его вина в том, что мы вылетели из высшей лиги. От приглашения Филатова «Локомотив» в любом случае только выиграл, вскоре он стал лучшим в России президентом клуба.

– Из пополнения надежды оправдали лишь вратарь Овчинников и нападающий Кондратьев.

Валерий Филатов, главный тренер «Локомотива». Еженедельник «Футбол». 1991 год.

Валерий Николаевич – футбольный человек, ему не надо ничего рассказывать, объяснять, любую ситуацию он разрешал за пять секунд. С деньгами Романа Абрамовича можно быть прекрасным президентом, а вот «Динамо» и с деньгами Алексея Федорычева ухитрилось пойти не тем путем. Во всем мире соблюдается преемственность традиций, и только у нас традиции великих клубов «Спартак», «Динамо» временами не ставят ни в грош. «Динамо» было флагманом нашего футбола, за границей его знали больше, чем «Спартак», ЦСКА. Меня о нем часто спрашивали, когда играл в Португалии, как о команде Льва Яшина. «Динамо» тогда еще много играло за границей и играло хорошо. Какую страну ни возьми, везде есть флагман футбола. Во Франции – «Пари Сен – Жермен», в Бельгии – «Андерлехт», в Шотландии – «Рейнджерс» и «Селтик»… А где теперь «Динамо», долгое время делавшее отечественную футбольную историю? Делает ее теперь «Локомотив», и огромная заслуга в этом Валерия Филатова, не имевшего в распоряжении ни исторических ресурсов, таких, как у «Спартака» или «Динамо», ни особых материальных. Зато обладавшего талантом менеджера, футбольной профессии, о которой в начале 90–х у нас понятия не имели.

После моего ухода из «Локомотива» мы с Валерием Николаевичем не общаемся, но я в этом плане никакого дискомфорта не испытываю. Обиделся ли он на меня за мой переход в «Динамо» в 2005 году, не обиделся, не знаю. Куда важнее, что мы тогда не стали публично поливать друг друга грязью. Если Филатов решит, что нам нужно встретиться, поговорить, всегда готов. Мне в том сезоне больше всего удались два матча: победный – 1:0 в Черкизове над «Динамо», которому я очень хотел показать, что не зря воспитывался столько лет в

школе бело – голубых, и полуфинальный кубковый матч с ЦСКА, в котором я отыграл с блеском, несмотря на три пропущенных гола.

Российский дебют

1992 год, мой второй сезон в «Локомотиве». Советский Союз канул в Лету, благодаря этому «Локомотив» остался в высшей лиге, но уже чемпионата другой страны – России. Литовцы, которых в 1991 году была целая колония, уехали, Кондратьев – тоже, ушел Милешкин. Одной из главных причин нашей неудачи в последнем чемпионате СССР стал этот проходной двор. Хотя мы не знали, какими обстоятельствами руководствовался Филатов, приглашая игроков на полгода. Но кое – что и «выросло» из 1991 года – в защите Арифуллин, Подпалый, Сабитов, в полузащите Смирнов, Саматов, Аленичев, Горьков, в нападении подавал надежды Федин. Пришли в команду и много играли в новом сезоне Фузайлов, Батуренко, Мухамадиев, Киселев. А главное – «Локомотив» вновь возглавил Юрий Семин.

На первом этапе первого чемпионата России его участники разделились на две группы, и мы в своей заняли 2–е место. Юрий Павлович взял команду в ежовые рукавицы, хотя и понимал, что имеющийся в его руках материал не в состоянии решать высокие задачи. Но он постарался объединить коллектив, зажечь игроков интересным учебно – тренировочным процессом. И его старания даром не пропали. Мы шли в лидерах своей группы. Последний матч группового турнира, который необходимо было обязательно выиграть, проводили в Находке с «Океаном», победили–3:1 и попали в финальную пульку. Нашу радость омрачил инцидент в находкинском аэропорту: опоздали на рейс, прибыли в аэропорт после окончания регистрации, забронированные для нас билеты уже успели продать. Никакие протесты не помогали, и тогда… мы захватили самолет, ворвались в него, заняли места и потребовали отправления. Администрация аэропорта вызвала ОМОН, и выпроваживали нас из самолета по всем правилам антитеррористической операции. В результате рейсовым самолетом улетел только Семин, торопившийся в сборную России, которой предстояло дебютировать в Черкизове матчем с Мексикой и в которой он был наряду с Игнатьевым помощником главного тренера Павла Садырина. Был вызван в сборную и я, но добираться до дома нам, игрокам, пришлось кому через Хабаровск, кому через Новокузнецк, целых пять суток. Деньги кончились, чтобы купить билеты на очередной промежуточный рейс, продавали с себя спортивные костюмы, кроссовки. Думаю, что Садырин с Семиным дали бы мне тайм сыграть и в день рождения сборной России, но в Москве я появился только за сутки до матча и ужасно хотел спать. Приехал на сбор, Семин

окинул меня взглядом и говорит: «Посмотри, на кого ты похож после всех этих перелетов. Иди, отдыхай». И в воротах сборной России играл Стас Черчесов, а вторым взяли Валерия Шанталосова из нижегородского «Локомотива». Я тогда понимал, что Черчесов и Харин – лучшие, другому вратарю подобраться по уровню к ним, к составу сборной было очень сложно, даже в товарищеских играх. Любой матч за сборную вратари воспринимали как хорошую практику, да и лишний раз засветиться в ее составе почетно. А я был еще молодой, и меня в играх не подпускали к воротам. Но и то, что просто взяли в сборную в 22 года, считал своим достижением.

– В классного вратаря вырастает Овчинников.

Юрий Семин, главный тренер «Локомотива». Еженедельник «Футбол». 1992 год.

В финальный – то этап первого чемпионата России «Локомотив» вышел, но очков в матчах с соперниками в борьбе за медали набрал мало. И потом до третьего места, на котором финишировало «Динамо», нам не хватило всего – то очка. Тем не менее мы впервые попали в Кубок УЕФА – задача на сезон была выполнена. Выглядели достойно, хотя и уступали в классе «Спартаку» и «Динамо». Заняли, можно сказать, свое место, на фоне предыдущих сезонов выглядевшее высоким достижением. С возвращением Семина опять наладилась дисциплина, прекратилась текучка кадров, состав стабилизировался. Действовали по принципу «порядок бьет класс», чемпионат получился для нас со знаком плюс. Соответственно и чествовали команду, как сейчас помню, шумно, выделили лучших, каждому подарили по микроволновой печи. Очень помогли команде тогда трое душанбинских новичков – Фузайлов, Батуренко и Мухамадиев, которые усилили все линии – защиту, полузащиту и нападение. Они находились в зрелом футбольном возрасте, обладали богатым опытом выступлений в союзном первенстве, оказались веселыми, компанейскими ребятами. И Семин их знал по совместной работе в «Памире», может быть, еще и поэтому они легко вписались в коллектив, ужесточили конкуренцию. Больше всего, особенно в плане отдачи на поле, запомнился Юрий Батуренко, умный, техничный, а в те годы еще и скоростной футболист, развивавший в нашей полузащите конструктивную деятельность. Мухсин Мухамадиев был одаренным, хорошим нападающим, потом и в «Спартаке» играл прилично. Ушел он из «Локомотива» сам, заявив, что ему надо расти, но почему – то остался зол на клуб. А ведь он в «Локомотиве» получил квартиру,

что для таджиков было весьма проблематично. Министр путей сообщения Николай Семенович Конарев, начальник Московской железной дороги Иван Леонтьевич Паристый быстро эти вопросы решали. И Мухсин по идее должен быть благодарен «Локомотиву», а выходило наоборот, и это не понравилось не только мне, но и другим в команде.

В целом же и за пределами поля команда была сплоченной, несмотря на то, что постоянно кто – то приходил и уходил. В игре взаимопонимания нам порой не хватало, не хватало времени узнать друг друга получше в футбольном плане. Но именно в первом российском сезоне была заложена база на три – четыре года вперед, и «Локомотив» начал стабильное движение по восходящей. Потом Семин занимался лишь точечной селекцией, усиливая отдельные позиции.

А на меня тогда вышел московский «Спартак». Врач Юрий Васильков, до перехода в стан красно – белых работавший в «Локомотиве», как – то позвонил и предложил отправиться в Тарасовку, на базу чемпионов России. А я понимал, что в «Спартак» не пойду ни при каких раскладах. Отец просто – напросто перестал бы со мной разговаривать. Но Васильков настаивал: «Николай Петрович Старостин, Олег Иванович Романцев хотели бы с тобой переговорить. Неудобно же отказывать столь уважаемым людям». Отказывать в разговоре было действительно неудобно, и я согласился, заранее зная, что из этой затеи ничего не выйдет. Машины своей еще не имел, подъехал к метро «Сокольники», где Васильков меня ждал. Спрашиваю его: «А в чем смысл моего визита, у вас же есть Черчесов, Стауче?» Он стал объяснять: «Пока начнешь в дубле.» На этом наш разговор и завершился. «Поблагодарите руководителей «Спартака» от моего имени за внимание и больше ко мне не обращайтесь», – напутствовал я спартаковского доктора. Через год спартаковцы снова попытались со мной связаться, но опять безрезультатно.

Некоторое время спустя ко мне обратились представители киевского «Динамо», но с тем же спартаковским «успехом». Из московского «Динамо» конкретных предложений не было, только заходы: «Как ты смотришь на то, чтобы вернуться?»

Во втором чемпионате России мы заняли 5–е место. До глубокой осени претендовали на медали, но неожиданно начали спотыкаться за несколько туров до финиша. Все решил последний тур. Мы обыграли «Торпедо» – 3:2, а камышинский «Текстильщик» разгромил владивостокский «Луч» – 4:0, что и позволило волжанам занять 4–е место, вместо нас попасть в очередной розыгрыш Кубка УЕФА. Тот сезон принес мне большую радость –

впервые оказался в числе 33 лучших игроков страны! В полузащите у нас появились Юра Дроздов из «Динамо», еще один динамовец Виталий Бут, спартаковец Леша Косолапов, очень талантливый футболист с высокой культурой паса. Правда, в «Локомотиве» он этот козырь подрастерял – может быть, в «Спартаке» больше внимания уделялось отработке передач. Косолапов был одноплановым игроком с Егором Титовым, а по потенциалу, считаю, даже сильнее Титова – и головой играл лучше, и бил с обеих ног, и поздоровее – по физическим данным превосходил многолетнего капитана «Спартака». Косолапов уезжал в Испанию, потом снова вернулся к нам, но уже каким – то уставшим, что ли. Наверное, в этом не его вина, просто не повезло с испанским клубом, может быть, обстановка повлияла, рядом не оказалось нужного человека, поддержки, такой, как у Юрия Семина, который любил Алексея, доверял ему и многое прощал. Одни люди вовремя спохватываются, попадают в какую – то живительную струю, а у Косолапова и с бытом что – то не ладилось, в общем, возвращение триумфальным не получилось. Хотя из «Локомотива» впоследствии его никто не выгонял, он ушел сам, по собственному желанию.

В 1993 году «Локомотив» дебютировал в Кубке УЕФА. Накануне жеребьевки мы чуть ли не в один голос заявляли: «Нам бы гранда в соперники». И сначала радовались, когда «Локомотиву» выпал туринский «Ювентус». Но вскоре призадумались: а как, чем играть – то с ним будем? Опыта европейского не было никакого. Мандраж начался страшный. Имена игроков соперника завораживали, давили на психику. Перед отъездом в Италию нас приодели для солидности, выдали малиновые брюки, синие пиджаки, галстуки. Туринский стадион был за что – то дисквалифицирован, и первый матч на европейском уровне мы провели в Болонье. Быстро поняли, что за соперника «Локомотив» там никто не считает – привезли нас на стадион на каком – то допотопном автобусе, высадили за километр от трибун. Пренебрежительное отношение завело команду, и первый тайм сумели выстоять – 0:0. Возомнили о себе невесть что, решили, что можем играть на равных со «Старой синьорой», хотя класс «Ювентуса» чувствовался с первой минуты, мы почти не угрожали его воротам. Во втором тайме Роберто Баджо быстренько объяснил нам, кто есть кто на поле, опустил с небес на землю, использовал две мои не столь уж и серьезные ошибки, каждый раз улавливая малейшее движение, пробивал в противоположную сторону. Наверное, итальянцы все равно дожали бы нас, просто счет был бы пристойнее. А то в итоге получилось 0:3. Юрий Павлович тогда при всей команде высказал

мне свои претензии. И было за что: первый и третий голы, при всем мастерстве Баджо, «мои» были. Но Семин знал мой характер: на замечания при народе могу и взбрыкнуть. Один на один я спокойно выслушиваю любую критику. А здесь Юрий Павлович спесь, что ли, решил с меня сбить. В душе я понимал, что он прав, но не возмутиться не мог и хлопнул дверью. А на следующий день пришел и нормально работал.

Несмотря на крупное поражение, мы решили, что дома «Ювентус» обыграем. В Черкизове «Локомотив» играл хорошо, практически на равных с великой командой, и в принципе не должен был проигрывать. Хотя, может быть, после Болоньи «Ювентус» в Москве не слишком упирался. Но и мы учли дебютный опыт и на ужасного качества поле выглядели очень прилично. И все же сказался класс соперников. В конце второго тайма Раванелли забил единственный в матче гол, мы опять проиграли – 0:1. Но даже поражения от «Ювентуса» дали серьезный толчок в развитии нашего клуба и каждого игрока «Локомотива». Мы почувствовали, что такое европейский уровень, что называется, на собственной шкуре.

Самый лучший коллектив – это наш «Локомотив» – 1995

В 1994 году «Локомотив» наконец выиграл первые медали российского первенства. С самого начала дела у нас пошли неплохо, команда, и я в том числе, прониклась какой – то новой спортивной злостью. Даже когда создавали приличный задел в счете, не сбавляли оборотов и добились сокрушительных результатов: тюменское «Динамо – Газовик» разгромили – 7:0, московское «Торпедо» – 8:0. После столь убедительных побед наши амбиции резко возросли, пожалуй, даже чересчур, сверх реальной командной силы. Но как раз в 1994–м у нас сложился первый настоящий, просто потрясающий коллектив, где один был за всех и все за одного. Впервые мы отметили окончание сезона все вместе – попили пивка в престижном заведении, тем более что помимо традиционных подарков получили солидные денежные премии.

Я тогда думал, что лучше микроклимата в команде, чем наш, быть просто не может. Однако на следующий год «Локомотив» поднялся еще на ступеньку – и не только в таблице чемпионата, но и по уровню игры, по уровню коллективизма. Не побоюсь утверждать, что в 1995 году наша команда по всем основополагающим футбольным качествам была выше, чем даже в чемпионских 2002 и 2005 годах! В товарищеской творческой атмосфере почти все ребята полностью раскрыли свои дарования, и до чемпионского золота нам не хватило самой малости. Всегда с удовольствием вспоминаю состав той команды. В воротах, кроме меня, несколько матчей провел Хасан Биджиев, вернувшийся к нам из – за рубежа. В обороне играли Алексей Арифуллин, Игорь Чугайнов, Саркис Оганесян, Олег Пашинин, Вячеслав Царев, Сергей Жуков, в полузащите – Александр Смирнов, Алексей Косолапов, Юрий Дроздов, Евгений Харлачев, Ансар Аюпов, Андрей Соломатин, Сергей Гуренко, Евгений Кузнецов, Владимир Маминов, Виталий Парахневич, Юрий Батуренко, Сергей Перепаденко, в нападении – Олег Гарин, Олег Елышев, Александр Катасонов, Алексей Снегирев, Александр Татаркин. Многих из нас тогда поселили в Митино, и мы уйму времени проводили вместе. Даже те, кто играл мало, были со всеми на равных и поддерживали эту животворную атмосферу в коллективе. По ходу сезона мы выдали серию по – настоящему классных матчей, «Спартак» обыграли и в Лужниках благодаря сумасшедшему голу Олега Елышева в «девятку», и в Черкизове

при полных трибунах, когда в конце решающий гол забил Андрюха Соломатин. Попортили крови и одному из лучших сейчас российских тренеров Валерию Газзаеву: сначала нанесли поражение возглавляемому им будущему чемпиону «Спартаку – Алании» во Владикавказе – 1:0, а во втором круге подвергли лидера первенства полному разгрому у себя – 4:1, приблизившись к нему на расстояние вытянутой руки. В этом матче «Локомотив» выглядел сильнее и по полету игровой мысли, и в тактике. Но, чересчур уверовав в свою непогрешимость, мы неожиданно проиграли дома середняку «Уралмашу», который спустя месяц без особого труда поставили на место в кубковом матче – 4:0, заняли в итоге 2–е место и ужасно огорчились своему первому серебру.

> – Мне очень импонирует игра бельгийца Прюдомма – лучшего вратаря последнего чемпионата мира, а также Сергея Овчинникова из «Локомотива». Они сумели найти необходимую грань, есть впечатление сбалансированности их действий в воротах, а у партнеров появляется чувство уверенности, надежности голкипера.
>
> *Руслан Нигматуллин, вратарь «Спартака» и молодежной сборной России. Еженедельник «Футбол». 1995 год.*

В том сезоне «Локомотив» всколыхнул и Европу. Как и перед дебютом в еврокубках, в ожидании очередной жеребьевки Кубка УЕФА мы мечтали попасть на топ – клуб и получили в соперники мюнхенскую «Баварию». Но если на матчи с «Ювентусом» мы выходили закомплексованными, не представляющими себе еврокубковых реалий, то теперь рвались в бой с уверенностью, что в состоянии порвать любого соперника. Перед первым матчем на Олимпийском стадионе Мюнхена Семин с Филатовым решали, какие премиальные объявить игрокам за победу. Юрий Павлович предложил по 25 тысяч долларов, как получили футболисты ЦСКА, обыгравшие «Барселону» в Лиге чемпионов. Но Валерий Николаевич умерил тренерский пыл: «Нет, давай лучше положим по пять тысяч, чувствую, эти могут выиграть, а где мы такие деньги найдем?» И оказался прав.

12 сентября 1995 года стал одним из счастливейших дней моей спортивной карьеры. Если перед «Ювентусом» мы слегка робели, то в Мюнхене дрожи в коленках ни у кого и в помине не было, испытывали даже какую – то отвагу, дерзость, в команде все время сыпались шутки – прибаутки, в автобусе по пути на игру, смеялись: «Приедем, укатаем их. Они не ждут, а мы их

сейчас и подловим». Накануне матча и я не удержался от эмоций, заявил в прессе примерно следующее: «Для меня соперник не играет роли. Когда я в форме, все равно, кто бьет по воротам. Определенный уровень для себя наработал, и все, что положено вратарю, как правило, беру. А какой – нибудь необычный или «мертвый» мяч и от игрока третьей лиги не вытащишь. Так что имя соперника – «Бавария», не «Бавария» – роли для меня не играет».

Конечно, нам пришлось больше обороняться, но при первой же возможности контратаковали, и лихо. До сих пор у меня перед глазами фантастический пас на 71–й минуте Лехи Косолапова и потрясающий рейд Женьки Харлачева. Закрываю глаза и вижу, как он обводит Оливера Кана и закатывает мяч в пустые ворота. В тот момент еще подумал: повезти – то нам повезло, а отбиться в оставшиеся минуты сумеем? Но не только отбились, а и провели несколько хороших атак. Наутро всей командой отправились в престижную мюнхенскую пивную отметить победу. Когда мы вошли и заняли столики, в достаточно заполненном зале воцарилась полная тишина, которую нарушил сначала чей – то возглас, а потом и дружное скандирование немцев: «Виват, «Локомотив»!» «Бавария» тогда первый раз за 37 лет проиграла дома в еврокубках, и за один вечер «Локо» стал европейской знаменитостью.

> – Выделил бы вратаря Сергея Овчинникова как образец хладнокровия и чувства собственного достоинства, которое своей уверенной игрой он внушал и партнерам.
>
> *Александр Бубнов. Еженедельник «Футбол». 1995 год.*

После победы ребята петушились: «Приедут они в Москву, мы и там их прибьем». Но в Москве «Бавария» преподала нам прекрасный урок: в футболе нельзя зарываться. Мы возомнили себя, как минимум, ровней великой команде, и первые 15 минут ответного матча при невероятной поддержке забитых до отказа трибун лишь укрепили нашу убежденность. Получилось, что мы оказались не готовы к неслыханному для «Локомотива» наплыву болельщиков. Перед такой аудиторией трудно было удержаться от соблазна атаковать. За первую четверть часа черкизовского матча мы имели три стопроцентные возможности поразить ворота «Баварии», а гости создали лишь одну. Если бы Гарин или Елышев реализовали хотя бы один из выгоднейших моментов, возможно, наши надежды на успех оказались не столь уж и

зыбкими, может быть, мы дожали бы «Баварию». Забив, закрылись бы, а немцам для победы потребовалось бы уже два гола. Даже пропустив в той ситуации один, мы все равно пошли бы в турнире дальше. «Локомотив» умел сыграть на ноль, тем более с форой в один мяч. Но после многообещающего начала мы забыли обо всем, да еще и Юрий Палыч завелся, со скамейки подстегивал: «Давай, давай!», стадион ревел, и команда помчалась вперед сломя голову. Опыта не хватило: бежать – то надо было «Баварии», а побежали мы. Соперники этого только и ждали. Провели три контратаки, и на табло уже светилось «0:3». Бросились отыгрываться, и получили еще два мяча. А я на одном из занятий по ходу предматчевого сбора в Хосте при исполнении элементарного кувырка сильно повредил плечо, левая рука повисла. Тренироваться не мог. Перед выходом на поле доктор Мышалов сделал мне обезболивающий укол. Помогло не очень, а соперники, как назло, били все время под левую. Был бы здоров, пару мячей отбил бы, а тут к перерыву счет был уже 0:4, окончательный – 0:5.

Как ни странно, мы не сильно расстроились, никакого трагизма ситуации не ощущалось, наоборот, состояние было – словно камень с души упал. Тем более что в раздевалке Юрий Палыч не метал громы и молнии, а наоборот успокоил: «Ничего, ребята, любой опыт полезен. Это все – таки «Бавария». Наше поражение – не катастрофа, тем более при той игре, которую вы показали». Мы же еще и во втором тайме не сдались, играли в открытый футбол и могли забить, хотя и немцы тоже. Не грех получать суровые уроки от первоклассных клубов, при грамотном анализе они тоже на пользу. Держать удар команда научилась, громкое поражение не подорвало нашу веру в свои силы, наоборот, сплотило игроков еще больше.

В том сезоне кто – то из московских журналистов подарил мне бейсболку с надписью «Boss». И я даже стал выходить в ней на матчи, которые мы, что удивительно, выигрывали. Даже Кубок выиграли в 1996 году. А потом как – то стал забывать о своем «талисмане», хотя до сих пор эта бейсболка у меня где – то лежит.

Мы по – прежнему вместе бывали чаще, чем даже дома. Столь спаянный коллектив на первый взгляд казался трудноуправляемой массой, но Семин умел с нами разбираться, в какой – то ситуации не мешал нам, а иногда сажал на базу на день раньше обычного. Мы подчинялись его указаниям, относились к нему с огромным уважением. Тогда – то я впервые прочувствовал для себя важнейший момент на тренерское будущее: чем выше уровень команды, тем труднее ею руководить. Празднуя очередной успех, мы обязательно произносили тост за

Юрия Павловича, за человека, который возвысил нас в футболе на уровень, о котором многие и не мечтали, обеспечив не только счастливую спортивную карьеру, но тем самым и прочную материальную базу, благосостояние наших семей.

На чествовании «Локомотива» в ЦДКЖ уже звучали не просто пожелания, а настоящие требования завоевать на будущий год чемпионское золото. Однако старт сезона команда откровенно провалила. Почему, трудно сказать. Особого головокружения от успехов у ребят не замечалось, работали на сборах как обычно, но начался чемпионат и в семи матчах подряд не могли забить. Но крайних не искали, стиснули зубы, старались поддерживать друг друга. И Семин на нас не давил. Первую победу одержали в 8–м туре над «Торпедо», после чего стали активно набирать очки, но наверстать упущенное, включиться в борьбу за медали нам не удалось. Итог – 6–е место.

Первые Кубки

Неудачи первенства мы в какой – то степени компенсировали первым в истории клуба выигрышем Кубка России. Турнир стартовал в 1995 году, когда «Локомотив» вел гонку за лидером чемпионата «Спартаком – Аланией», и в первых матчах Юрий Павлович варьировал состав, сберегая силы лидеров команды для решающих поединков первенства. Тем не менее мы крупно выиграли у «Зенита» и «Уралмаша». Победы на следующий год в четвертьфинале над камышинским «Текстильщиком», а в полуфинале над московским «Динамо» с одинаковым счетом 1:0 дались нам большой кровью. Запомнился потрясающий гол Игоря Чугайнова в ворота бело – голубых, который впервые вывел нас в финал российского Кубка. Тем самым мы выполнили одну из важнейших задач сезона – попали в розыгрыш Кубка обладателей кубков, поскольку наш соперник по финалу «Спартак» ранее прошел в Кубок УЕФА.

Перед финалом нас напутствовали ветераны – обладатели Кубка СССР 1957 года в составе «Локомотива», призывали не посрамить чести клуба, а нам и самим очень хотелось последовать их далекому примеру, когда в решающем матче они победили тот же «Спартак». Локомотивские ветераны по сравнению со спартаковскими или динамовскими все время оставались как – то в тени, и мы подумали: выиграем кубок, и о них вспомнят по достоинству, и нас будущие поколения тоже помянут добрым словом.

К ветеранам у нас всегда было уважительное отношение. Все мы знаем имена Виктора Ворошилова, Валентина Бубукина, Геннадия Забелина, Виктора Соколова, Виталия Артемьева. Называю только сразу пришедшую на ум пятерку не из неуважения к остальным. Думаю, что лет через 40 и кого – то из нас добрая половина болельщиков не будет помнить. Новые времена, новые имена. Локомотивские ветераны не обидятся, они – народ спокойный, не лезут с нравоучениями, не выпячивают себя, дескать, вот мы – то как играли, а вы. Не скажу, что наше общение с ветеранами слишком частое, но перед матчем подойдут, поинтересуются, как здоровье, пожелают успеха, подбодрят: «Давайте, ребятки, не подкачайте.» Посиделки, рассказы, как они играли, у нас были не приняты, да и им это не нужно. Очень трудно наложить прошедшее время на настоящее. Тем более всем известно, о чем на таких встречах говорят – о клубном патриотизме, о суровых условиях, в которых нашим предшественникам приходилось начинать. Люди воспитывались в

другой эпохе, непонятной для нынешней молодежи. Сначала я относился к отсутствию таких встреч негативно – как же так, надо изучать историю своего клуба от А до Я, а теперь считаю: слава богу, что молодые игроки многого не знают. Не каждую историю надо знать. Известно, что, например, в Германии из школьного исторического курса исключен раздел «Вторая мировая война», потому что она принесла неисчислимые бедствия немецкому народу. Лучшие страницы истории «Локомотива», что «Локомотив» – первый обладатель Кубка СССР, имена Бубукина, Ворошилова, Соколова, Лаврова, забившего первый гол чемпионатов СССР, футболисты знают. Но подробно локомотивскую историю они знать не хотят, дабы не перегружать мозги, и я считаю, что это правильно. Они не уважают не историю, а то время, которое не могло позволить, не дало возможности локомотивским футбольным талантам по – настоящему использовать свой дар на благо собственной семьи, детей и внуков. В нынешние времена они стали бы обеспеченными людьми, а не надеялись в своей нищенской старости на различные благотворительные акции.

Наша кубковая победа стала первой для «Локомотива» после 1957 года, можно сказать, эпохальной, особенно с учетом того, что после серебра чемпионата СССР 1959 года клуб ничего серьезного на внутренней арене не выиграл. Финал Кубка СССР 1990 года не считается, поскольку был проигран киевскому «Динамо».

Хотя «Спартак» находился в полном порядке, веру в успех мы испытывали сумасшедшую, даже не сомневались в победе. Похоже, что и Семин – тоже. Финал назначили на 11 мая, а 9–го, в День Победы, Палыч, заметив, что, слоняясь по Баковке, футболисты приуныли, скомандовал: «Давайте жен на базу, шашлыки устроим, расслабимся слегка». А потом отпустил нас погулять в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького, как говорится, вместе с народом отметить великий праздник. Развлекались, как могли, Андрюха Соломатин, помню, даже с тарзанки в воду прыгал, шашлычков, конечно, отведали, а на следующий день была лишь легкая предыгровая тренировка.

Я обычно не бреюсь в день игры, а тут встал пораньше, побрился – неудобно же после победы идти на банкет небритым. Выходим на поле – у спартаковцев лица постные, а мы идем – шутим, смеемся. Филимонов, вратарь «Спартака», оборачивается: «Мужики, вы что? Финал все – таки.» Сама же игра складывалась тяжело, против нас болел весь стадион – «Локомотив» еще не обрел нынешнюю армию поклонников. Начали спокойно, и минуте на 10–й наш капитан Леша Косолапов открыл счет. С

ответным голом «Спартак» не задержался, но получился он чудным: Липко попал мячом в затылок Дроздову, а я, ослепленный солнцем, не среагировал на рикошет. Потом был левый пенальти в наши ворота, реализованный Никифоровым. В тот момент мне почему – то подумалось: «Вопиющая несправедливость безнаказанной не останется». И точно, в конце первого тайма уже «Спартак» получил в свои ворота 11–метровый, который реализовал Косолапов, и на перерыв ушли при счете 2:2. Во втором тайме игра уже клонилась к дополнительному времени, но развязка наступила за пять минут до судейского свистка. Юра Дроздов, не обладавший мощным ударом, вдруг ни с того ни с сего решился пробить, и попал – то почти по центру ворот, но Филимонова что – то дезориентировало, и он пропустил мяч, решивший судьбу Кубка России.

Этот матч стал одним из самых ярких событий не только для меня, но и во всей истории «Локомотива». Кубок нам вручили сразу же после игры. Не забуду наш круг почета под оглушительный свист трибун – почти все 30 тысяч зрителей на стадионе «Динамо» в тот день ненавидели нас – болели за «Спартак». Но мы все равно чувствовали себя триумфаторами наперекор всем и всему. Вдохновленный «теплым» приемом публики, я не удержался от реплики, которую быстро растиражировали репортеры: «Как приятно за раз «сделать» тридцать тысяч человек».

«Босс всегда прав!»

Баннер фанатов «Локомотива».

Мое более позднее признание: «Больше всего на свете не люблю хлебные крошки на столе и московский «Спартак» – запомнили еще лучше. Я воспитывался в динамовской футбольной школе, и, как уже отмечал, «Спартак» для нас был словно красной тряпкой для быка, антагонизм по отношению к красно – белым цветам я впитал с детства. Хочу подчеркнуть: со многими спартаковскими игроками я в прекрасных отношениях. И болельщиков «Спартака» уважаю. Но обыграть «Спартак» для меня всегда было делом чести. При этом я никогда не поливал «Спартак» грязью. И свое личное мнение никому не навязывал. В конце концов «Спартак» ведь не женщина, почему я должен его любить?

– Я знаю, что к футболистам нашей команды, руководству клуба Овчинников относится с уважением. Что же касается бренда «Спартак», он его терпеть не

может.

Егор Титов, капитан «Спартака». «Советский спорт». 2008 год.

Такая конфронтация – нормальное явление. Мои слова – цветочки по сравнению с тем, что говорят для испанской прессы игроки «Барселоны» о «Реале» и наоборот. Футбол существует для болельщиков, и выпады в адрес принципиальных соперников – элемент шоу, которое мы разыгрываем. А что по моему адресу из спартаковского сектора неслось: «Пес», так с самого начала отнесся к этому с юмором, даже рукой фанатам в ответ помахал: я же родился в год Собаки. И вообще люблю собак. Хотя на первых порах красно – белая обструкция меня раздражала, но только на минуту – другую, а потом только сил прибавляла. Если разобраться, я ничего плохого этим людям не сделал. К тому же по отдельности они вполне нормальные ребята.

К чести спартаковских фанов, когда у меня были трудные времена в московском «Динамо», они десятками подходили на улице, желали удачи. Говорили: «Возвращайся, без тебя скучно. Нам так играть тяжело – покричать не на кого».

А хлебные крошки на столе действительно не люблю.

– Овчинников – лучший вратарь российского чемпионата.

Олег Романцев, главный тренер «Спартака» и сборной России. «Спорт – Экспресс». 1996 год.

А как мы праздновали свою первую кубковую победу! Сначала в раздевалке искупались в шампанском, не забыв сделать и по нескольку полноценных глотков из завоеванного кубка. Когда шампанское иссякло, перекрыв Тверскую, поехали отмечать успех в гостиницу «Россия» на 40 автомобилях с мигалками. Наверное, никто так не умеет праздновать победы, как «Локомотив». А ведь это тоже нужно, иначе для чего мы играем. Вместе с нами радуются родственники, друзья, болельщики – это же прекрасно. Был шикарный банкет в гостинице «Россия», за нашим столом уместилось все руководство Министерства путей сообщения, Московской железной дороги, тостам не было конца. Мы впервые познали радость выигрыша крупного турнира. И даже сейчас, став тренером, считаю: победу в большом турнире или над великим клубом надо обязательно отмечать, чтобы навсегда запомнить, закрепить обуревавшие игроков эмоции и впоследствии стараться воспроизвести их ради новых успехов.

Футбол – занятие творческое и не должен восприниматься игроками как ежедневная тяжелая работа. Праздники, отдых для души в нем обязательны. Ведь банкеты, совместные походы в рестораны, пикники на природе широко распространены и в зарубежных топ – клубах.

– Сергей Овчинников – первый номер не только в нашей команде, но и среди вратарей в российском чемпионате. Знаю его еще с детских лет, когда он играл в юношеской команде «Динамо», а я в «Спартаке». Несмотря на традиционный антагонизм этих клубов, мы уже тогда подружились и были рады стать партнерами в «Локомотиве». В быту он такой же добродушный и в какой – то степени бесшабашный парень. Но тот, кто видит его в работе, сразу понимает, почему он лучший. После каждой тренировки на смену Овчинникову выходит рабочий с тачкой земли – засыпать образовавшуюся у ворот яму. Сергей пашет на тренировках глубинно. Он – наша главная надежда и опора. Редкой надежности вратарь, человек, друг.

Алексей Косолапов, капитан «Локомотива» – 1996. Еженедельник «Футбол».

Прощание с альма – матер

В розыгрыше Кубка кубков–1996/97 соперник выпал нам послабее – хорватский «Вартекс». Выглядели мы не блестяще, в домашнем матче полчаса играли вдесятером. Забили лишь один гол, а сколько не забили! Приехав в Вараждин, повели – 1:0, контролировали игру, а за полчаса до конца расслабились. Моя ошибка на выходе, и – 1:1.

Игра на выходах – не сильная моя сторона. Я почти и не играл на выходах. Об этом знали наши защитники, тренер. Игроки нашей обороны при подаче угловых брали на себя всю ответственность, хотя если мяч летел во вратарскую, я выходил на перехват. Руководствовался принципом: неоправданный риск не нужен. Поэтому пусть лучше сыграют защитники, но все, что от них отскочит, я должен поймать. Даже если с близкого расстояния бьют головой, я обязан реагировать на мяч. Сейчас вообще единицы из вратарей хорошо играют на выходах. Мячи стали другими, летят гораздо быстрее, в полете меняют траекторию, опять же поблизости от ворот постоянное скопление игроков. Раньше Гонтарь как заорет перед выходом, и никто не пойдет в стык против 100–килограммового вратаря, а сейчас по полю носятся такие же 100–килограммовые нападающие. В прежние времена вратарей учили: «Ты выстави коленочку навстречу сопернику, он и притормозит». Это если соперник идет на тебя в лоб, а сзади – то я коленочку не выставлю, если кто – то мне в спину летит. Хорошо если судья свистнет, а если не свистнет? Ты выронишь мяч, и тебе забьют гол. А кто виноват? Вратарь. Говорят: «Вот Дасаев прекрасно играл на выходах». Но матч «Спартака» с «Вердером» мы тоже помним. Немцы тогда играли по – современному, летели на все подачи и забили шесть мячей. Это не говорит о слабости Дасаева, а лишь подчеркивает, что уже тогда трудно было играть на выходах. Считаю, что козырем Дасаева была игра на линии. Я его не очень воспринимал, как и его клуб, но однажды мы играли своим годом на зимнее юношеское первенство Москвы со «Спартаком». Я пришел пораньше и попал на тренировку мастеров «Спартака», увидел, как Дасаев тренируется. Забить ему никто не мог! А он ведь особо не прыгал, был тягучим, но как ни ударь по углам – а Родионов, Черенков, Гаврилов умели бить, он уже в этом углу лежит. Для меня это явилось настоящим откровением.

Но вернусь к нашему матчу с «Вартексом». Соперники забили нам второй гол, и последние десять минут прошли, как в лихорадке: если бы «Вартекс» увеличил счет, дальше в турнире

пошел бы он. А на следующем этапе Кубка кубков мы уступили португальской «Бенфике» – 0:1 и 2:3.

– Мы все видели, как стоял против «Бенфики» Овчинников, сколько раз он выручал партнеров.

Это счастье «Локомотива», что у него есть такой вратарь. В еврокубках от уверенности голкипера зависит очень многое.

Георгий Ярцев, главный тренер «Спартака». 1996 год.

В Лиссабоне проиграли по делу, должны были даже крупнее. А дома нас «утопил» датский судья Фискер. Едва мы повели – 1:0, как он удалил с поля Гуренко. В начале второго тайма датчанин не засчитал чистый гол Косолапова. Видимо, арбитр почувствовал, что «Локомотив» на всех парах рвется в четвертьфинал Кубка кубков, и, не приведи господь, прорвется. Он и подумал, кому там нужна малоизвестная российская команда. А «Бенфика» в те времена еще гремела, хотя по игре мне даже «Вартекс» понравился больше. И португальцы сравняли счет. Мы снова вышли вперед – 2:1, пожар в их штрафной продолжался. Но вдесятером против именитого, опытного соперника, конечно, тяжко играть. Нам надо было забивать третий мяч, понеслись вперед, и они нас в конце два раза поймали на контратаках. В итоге проиграли – 2:3. Обидно было: выглядели – то мы лучше знаменитого топ – клуба, но судья все испортил, а так вполне могли бы пройти «Бенфику». Хотя и сами виноваты – уж слишком робко играли в Лиссабоне, даже на ничью не тянули. Потом, когда я уже подписывал контракт с «Бенфикой», встретился с игравшим против нас в обоих матчах бразильцем Валдо, который как раз расставался с моей будущей командой. Он вспомнил меня – в Лиссабоне я отстоял хорошо – подошел, заулыбался и несколькими фразами на английском пожелал мне удачи в новом клубе.

В 1997 году в «Локомотив» пришли Дмитрий Лоськов, Александр Бородюк, Альберт Саркисян, но, увы, в тройку призеров мы опять не попали, остались в итоговой таблице пятыми, отстав на очко от ярославского «Шинника». Опять слабо стартовали в чемпионате. Я сыграл только первый круг, уже в январе знал, что летом уеду в «Бенфику».

– Овчинников – уникальная фигура в российском футболе. Зачастую он выигрывает матчи в одиночку. Считаю его не только лучшим вратарем чемпионата, но и

лучшим игроком сезона. Здоров Овчинников или болен – своего места в воротах он никогда не уступит. Овчинников на протяжении последних трех лет был, бесспорно, сильнейшим вратарем российского чемпионата и, как никто другой, заслужил право поиграть в солидном европейском клубе. И если он уедет – таки в «Бенфику», то уедет не лишь бы куда, как поступают многие россияне, а в команду с безупречной европейской репутацией.

Юрий Семин, главный тренер «Локомотива». «Спорт – Экспресс». 1996 год.

10 ноября 1996 года главный тренер сборной России Борис Игнатьев своеобразно поздравил меня с днем рождения – выпустил на замену в матче с Люксембургом. Я ничего не пропустил, а ребята забили четвертый гол в ворота соперника, и мы выиграли – 4:0. На матче присутствовал известный португальский футбольный агент Паулу Барбоза, который и предложил мне вступить в переговоры с руководством «Бенфики». Я обещал подумать. Так началась моя зарубежная эпопея.

Но до нее мы успели во второй раз подряд выиграть Кубок России, в финале победив московское «Динамо» – 2:0. Болельщики мне говорили: «Ты уезжаешь в «Бенфику», выиграл бы перед отъездом для команды что – нибудь». Ответил: «Могу только кубок». И мы его выиграли. Наши соперники динамовцы за весь матч всего раза три подошли к моим воротам, в обороне мы сыграли безукоризненно.

Все опять ужасно радовались второму кубковому достижению, только у меня на душе кошки скребли – ни в какую не хотел уезжать из такой замечательной команды. Но где – то через месяц, отстояв на ноль в калининградском матче с «Балтикой», я попрощался с «Локомотивом» на целых пять лет. И словно осиротел.

ОВЧИННИКОВ – 6,5. Свою последнюю игру в российском чемпионате провел с блеском.

Оценка «Спорт – Экспрессом» после матча с «Балтикой», последнего перед отъездом Овчинникова в «Бенфику». 1997 год.

Забегая вперед, замечу, что так и не смог забыть свой локомотивский коллектив, следил за делами в команде, приезжал, если появлялась возможность, на подготовительные

сборы железнодорожников, общался с ребятами, с Юрием Павловичем.

– С Сергея Овчинникова я, наверное, начал бы представление своих игроков, даже если бы он не был вратарем. Прозвище «Босс» закрепилось за ним еще со времен обучения в динамовской школе и игр за юношескую сборную Москвы. Он действительно босс. Настоящий хозяин у своих ворот, а еще – очень сильный духом человек и в футболе, и в жизни. За семь лет в «Локомотиве» вырос и как вратарь, и как личность. Он не теряется ни в каких ситуациях, очень быстро отходит от неудач. Почти каждый год его соблазняют уйти в другие клубы, но лишь однажды, по молодости, он поддался искушению. Сергей заслужил европейское признание, в последние годы в острейшей конкуренции став первым номером и в сборной России.

Юрий Семин, главный тренер «Локомотива». Еженедельник «Футбол».

Первопроходцы

Прежде чем перейти к описанию португальского этапа своей футбольной карьеры, хотелось бы поподробнее рассказать о своих партнерах по той незабываемой команде, которую я покинул летом 1997 года, подписав контракт с «Бенфикой».

Русскому человеку свойственно себя принижать, я же по жизни оптимист и считаю, что все эти стоны на тему: «Как же мы уступаем иностранцам!» – беспочвенны. Да ни в чем мы им не уступаем! А по отношению к делу и по мастерству даже превосходим. Просто так уж сложилась ситуация в стране, что реализовать футбольный потенциал после распада Советского Союза здесь было довольно сложно. Но, к чести российских футболистов, свой серьезный уровень мы не уронили. Поверьте, наши игроки по – прежнему высоко котируются в Европе. Я, например, хоть сейчас могу назвать нескольких человек, которые при хорошем пиаре уже сегодня способны стать звездами европейского футбола. На Западе ведь как звезд делают – раскрутка, имидж. А в России это не принято. Все потому, что живут еще в нас традиции советских времен: не высовывайся, иначе по башке получишь! Считаю, что тот же Андрей Аршавин задолго до перехода в «Арсенал» мог играть в лучших командах Старого Света. В «Барсе», например. Ну, ничем Андрей не хуже Деку! Я знаю, что говорю, мы с португальцем все – таки одноклубниками были. Вся разница между ними только в том, что Аршавин выступал в «Зените», а Деку – там. Меня коробило, когда говорили, что Кубок УЕФА для ЦСКА выиграли Карвалью и Вагнер Лав. А мое мнение – Акинфеев и Игнашевич, без которых бразильцы ничего бы не сделали. Тогда Карвалью признали лучшим игроком сезона. Но как можно было сравнивать его с Аршавиным? Петербуржец – глыба! Карвалью – тоже был классным игроком, но за него десять миллионов, как за Аршавина, никто не давал.

У наших журналистов есть дежурный вопрос: «Кого вы знаете в команде соперников?» И раньше мы, дураки, с придыханием произносили: «О, Дель Пьеро, о, Раванелли!» Иностранцы же на такой вопрос обычно отвечали: «Никого», хотя и они нас знают, но демонстрировали снисходительное к нам отношение, показывая, что они выше нас. А журналисты принимали все за чистую монету, делали вывод, что у нас плохой футбол, а вот у них.

Не стоит нас огульно критиковать. Какие есть в России футболисты, такие есть. Норвежцы еще хуже в футбол играют. Но

приезжает Хиддинк, говорит: «Да не все так ужасно! Что вы мне нарассказывали?!» Приехал известный словацкий арбитр Михел судить нашу игру с ЦСКА, дает интервью: «Хороший уровень.»

Что хорошего постоянно долбить, какие мы плохие? Мы не любим свой футбол, своих футболистов.

Только и разговоров про наши заработки. Включишь, бывает, приемник в машине и слышишь: «У нас в гостях пятикратный чемпион мира, семикратный чемпион Европы по. сквошу». Да кому, простите, нужен этот сквош? Всех футбол интересует, потому игроки и получают столько. А нас огульно за это хают. Как фигурист Плющенко, к примеру. Но мы – то все искренне радовались за него, когда он на коньках катался, что же вы за нас не радуетесь? Нет, все считают чужие деньги. Тема денег вообще для нас больная. На каждом шагу твердят: «Футболисты столько получают.» Отлично. Кто тебе мешал стать футболистом? Или хоккеистом? Люди не видят нашего труда.

– Сергей Овчинников – это второй Шмейхель.

Манолис Алексиу, агент греческого «Олимпиакоса». «Спорт – Экспресс». 1996 год.

И «Локомотив» дал российскому футболу целую россыпь незаурядных дарований. Семин считает самым заслуженным в клубе поколение 90–х, и я с ним согласен. Тот отряд первопроходцев фактически вывел «Локомотив» в ряды российских футбольных грандов, создал клубу высокую репутацию в Европе. Первые медали чемпионата, первые победы в Кубке России клуба, прежде служившего лишь фоном для признанных авторитетов «Динамо», «Спартака», ЦСКА, решимость команды сначала в неравной борьбе с признанными фаворитами пришлись по душе тысячам любителей футбола. Число поклонников «Локомотива» росло с каждым годом в геометрической прогрессии, и основополагающая заслуга в этом тех ребят, что защищали цвета команды в 90–е годы.

Начну с Алексея Арифуллина, с которым мы дружим, наверное, уже четверть века. Леша был очень сильным защитником, и если бы он поставил себе цель попасть в английский или немецкий чемпионат, собственный вес его не задавил бы. В английской премьер – лиге, например, до того как ее заполонили иностранцы, он очутился бы в чисто британской атмосфере простого футбола и при своей физической силе, умении играть головой выглядел бы истинно британским защитником. У нас вообще была «тяжелая» команда, ребята в основном фактурные. Кому – то удавалось справляться с весом, а

Алексею скорее всего природная комплекция не позволяла. К тому же он попал в жуткую автомобильную аварию, из – за которой много пропустил, и хотя вернулся на поле, играть ему стало гораздо сложнее. Возможно, в другое время или не случись того несчастья, Алексей еще больше раскрылся бы, Семин верил в него до упора. Но всегда кому – то чего – то не хватает, одному – терпения, другому – трудолюбия.

У нас тогда были и сильные крайние защитники, в том числе и Хаким Фузайлов. И вообще линия обороны приличная: Арифуллин – ее столп, мало кто мог его обыграть. Лишь когда мы дома проиграли – 0:5 «Баварии», Клинсманн над ним поиздевался. Хотя перед этим в Мюнхене и Клинсманна, и его партнеров наши защитники съели с соломой, хозяева даже близко к нашим воротам не подбирались.

За вес и меня гоняли всю жизнь, говорили, что вратарей с таким весом не бывает. До отъезда в Португалию я тянул под центнер, там держал около 90, после возвращения в Россию где – то 93. А если получалось чуть меньше, то и сил чувствовал в себе меньше.

С каждым годом держать норму сложнее, но к матчу я подстраивал свой вес под игровой. То есть на неделе у меня мог быть другой показатель. Но к игре я его подгонял. Хотя прекрасно чувствовал себя, даже когда весил сто килограммов. Лишний вес к концу отпуска набирают многие. В середине 90–х в «Локо» Семин первые дни на сборах мог посадить каких – то игроков за отдельный, диетический стол. Питались ребята исключительно капустой и морковкой. Правда, потом они шли в соседний бар и преспокойно заказывали сосиски, колбаски. Кушать – то всем хочется. Мне хватало двух недель, чтобы согнать лишнее. Но были и такие, кто приходил из отпуска с недобором веса, и, пока мы ели морковку, их откармливали мясом.

С Игорем Черевченко мы тоже много лет дружим, хотя вместе играли мало. Вдвоем с Арифуллиным они производили впечатление на поле. Но Игорь был очень подвержен травмам, одно колено у него просто вдребезги разбито, поэтому и закончил он, фактически не доиграв до 30 лет.

Серьезным, добротным футболистом, не нуждающимся в дополнительных рекомендациях, был Сергей Подпалый, в любой команде с гарантией с ходу попавший бы в основной состав. От нас он уехал в Израиль, хотя, на мой взгляд, мог бы успешно играть в чемпионатах Бельгии или Франции.

С Равилем Сабитовым мы вместе перешли из московского «Динамо» в сухумское, потом в «Локомотив». Суперзащитник, классный, атлетичный, он раскрылся в «Динамо» еще при

Бышовце в союзные времена. На сборах в Алахадзе он меня во время упражнений по физподготовке таскал на себе – а это 90 с лишним килограммов.

В московском «Динамо» Сабитов готовился к своему первому сезону в качестве почти бесперспективного для основного состава. Бышовец пообещал, что будет его иногда подключать, но закончилась предсезонка – и Равиль вдруг возник в основном составе, физически прекрасно выглядел. Для защитника он был еще и очень умным игроком. Среди них ведь есть просто звери, а он не только разрушал, но и созидал, подключался, забивал голы – такой футболист – интеллигент и в то же время очень жесткий. Непримиримому динамовскому сопернику «Спартаку» как – то забил, и мы сыграли – 1:1.

Юра Дроздов запомнился невероятным работягой, без которых тяжело представить любую приличную команду. Игрок, который может – не может, но в каждой игре пластается, верой и правдой служит коллективу. Плохо он не играл никогда. Не все матчи ему удавались на сто процентов, но планочку свою держал на уровне. Забивал он один раз в год, зато какие – то невероятные мячи – то «Спартаку» в финале Кубка России, а однажды на предсезонке кому – то сумасшедший гол метров с 40 в «девятку». Опорный полузащитник – очень полезное амплуа, а Юра был сверхполезным, причем и в средней линии, и в обороне мог сыграть на любой позиции – правого или центрального защитника, правого полузащитника и так далее. Такие игроки нужны, не обязательно звездные, но самодостаточные. С «Локомотивом» он прощался с тяжелым сердцем, впрочем, с легким за редким исключением тех, кто по разным причинам сам захотел перейти в другой клуб (например, Нигматуллин), никто команду и не покидал, почти все приезжают на базу до сих пор. Дроздова из «Локомотива» тоже не выгоняли, и после «Химок» и Казахстана попросили поиграть за «Локомотив–2» во втором дивизионе на хороших условиях, поддержать молодежь, превалирующую в составе второго железнодорожного клуба.

«Рабочей лошадкой» был у нас и Олег Саматов. Очень скромный парень, но с невероятной работоспособностью и интуицией, прекрасно владевший левой ногой. Полезный футболист, если он не играл, нам приходилось тяжеловато. Случались моменты, когда и вратарь уже был бессилен, гол казался неминуемым, но на пути мяча непременно оказывался Саматов. Он обладал чутьем голкипера, на тренировках любил подурачиться в воротах, а в игре прекрасно прочитывал ситуацию и не раз спасал команду от гола. Обычно мы с ним договаривались перед матчем: в такой – то ситуации я иду туда –

то, а вы, два защитника страхуете меня там – то или своих подопечных держите, чтобы мне никто не мешал. Всегда приятно играть с умными защитниками, которые мгновенно оценивают ситуацию. Саматов и был таким. В «Локомотиве» вообще игра строилась от обороны, так что в задней линии не было случайных людей, плохих защитников. Пусть не все они обладали выдающимся классом, но свою работу выполняли отменно.

Ведь даже с признанными вроде бы мастерами совместим не всякий вратарь. Например, с братьями Березуцкими в товарищеском матче 2005 года с Германией, закончившемся вничью – 2:2, играть мне было тяжело. Они работают не чисто, много фолят, хотя для защитников существует закон: в радиусе 20 метров от ворот правила нарушать нельзя, как нельзя трогать соперника, когда он получает пас в недодачу спиной к защитнику. В «Локомотиве» игроки обороны очень аккуратно действовали: если один играл на опережение, второй его страховал, все было отшлифовано. А братья из ЦСКА действовали несколько примитивно. Когда же Швайнштайгер забивал нам второй гол, я допустил ошибку, не сообразил, с кем играю. Просто привык, как у нас в «Локомотиве»: если чужой игрок шел с фланга в середину, любой наш защитник никогда не убирал перед ним ноги, не отворачивался даже на замахе – иначе его бы у нас потом оштрафовали. Защитник всегда должен быть лицом к сопернику. И я знал, что в ближний угол соперник никак не попадет, делал шаг влево, перекрывая дальний угол – в локомотивской обороне это было отработано до автоматизма. А здесь получилось так, что шаг – то я сделал, а Березуцкий отвернулся, да еще и подпрыгнул. Потом немец рассказывал журналистам, что увидел, как вратарь дернулся в дальний угол, то есть он успел даже голову поднять, значит, защитник его не прессинговал, а дал свободу в выборе цели, да еще и обзор мне заслонил. Отлаженное взаимодействие вратарь – защитник способно уберечь от многих неприятностей.

Вместе с Димой Горьковым я жил в одном номере на базе сразу после прихода в «Локомотив». Потрясающий, душевный человек, каких мало. В футболе универсал, играл в полузащите и слева, и справа, на поле жесткий, характерный. Ему уже было 28, форма с возрастом изменчива, как весенняя погода: сегодня есть, а назавтра встал с постели – как будто и не было. Ни реакции, ни скорости. И никому не объяснишь, куда все подевалось. Физиология! И я после 30 каждое утро боялся, как бы меня это не накрыло. Не хочется, чтобы тебя запомнили слабым, беспомощным, лучше уж закончить на мажорной ноте, когда чувствуешь, что роковая грань приближается.

Саша Смирнов – у нас в команде считался общепризнанным гением, да и все тренеры – от Малофеева и Долматова до Бескова и Семина были в этом убеждены. Даже в Советском Союзе немного насчитывалось таких игроков. В Сухуми Долматов говорил Смирнову: «Саша, у тебя есть 30 минут, за которые ты должен сделать игру». И он успевал за полчаса сделать результат. Вместе с Кобелевым они потом составляли мозговой центр московского «Динамо». Динамовские ветераны отмечали, что Кобелев был физически сильнее, его в команде называли машиной, но Смирнов выше по футбольному интеллекту. Никто быстрее Кобелева не бегал, дальше не прыгал, но после серии травм и он несколько утратил свои физические кондиции. Хотя в «Зените» пережил новый всплеск своей карьеры. Травмы связок, мениски – наш бич. Женька Харлачев в «Локомотиве» до травмы так носился – задом всех обгонял, а прооперировали – и все, уже не мог разбежаться. На жилах эти ребята еще играли, но поверх головы на жилах не прыгнешь. А хороший игрок минимум 20 из 30 игр как раз и держит этот уровень «выше головы», еще пяток проводит на своей планке, ну и оставшиеся – чуть пониже.

Козырем Харлачева были феноменальная скорость, природная техника. Однажды мы играли в Самаре, он вышел за «Крылья Советов» на 15 минут и «рвал» нас так, что опекавший его игрок моментально устал, как не уставал за предыдущие 75. И Женьку сразу забрали в «Локомотив». Но у нас на него обрушились какие – то нелепые травмы: то споткнется на ровном месте – и мениск, то упадет – мениск, то нескладно ударит по мячу – опять мениск, видно, природа заложила в его организм какой – то изъян. Другие – то играют всю жизнь – и хоть бы что.

Я всегда говорю, что плохих футболистов не бывает, просто некоторые ребята не сумели раскрыться у нас в коллективе в полной мере.

После распада СССР в нашем футболе не замечалось прежней россыпи талантов, отделились Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, мы варились где – то в собственном российском соку, и любой уникум привлекал к себе внимание. В 1993 году у нас появился Олег Гарин – фигура, человек не просто адекватный, не просто золотой, весьма образованный парень, но и очень сильный игрок. Он был старше многих из нас, прошел в «Океане» (Находка) вторую и первую лиги, и мы сразу прониклись к нему. Впервые довелось познакомиться с Гариным на поле, когда «Локомотив» матчем с «Океаном» открывал чемпионат 1992 года в ЛФК ЦСКА. Когда соперники вышли на разминку, мы даже немножко опешили, увидев напротив себя компанию дядек с приличными животиками. А потом опять же, к

своему удивлению, за семь минут до конца проигрывали этим дородным мужичкам – 0:1 и в итоге еле – еле вырвали победу – 2:1. Так вот первое впечатление от Гарина – одни трусы по полю бегают. Но как хромой Гарринча обладал специфической техникой, так и Олег играл на своих природных качествах, и, что самое интересное, при чаплиновском росте нередко забивал головой. А когда он уже уходил из «Локомотива», то, прощаясь с Семиным, заявил: «Юрий Палыч, больше меня за сезон у вас никто не забьет». И имел право на такое фанфаронство. Каким надо быть умельцем, чтобы при нашей оборонительной тактике забить за сезон 20 мячей – для «Локомотива» в то время фантастическое достижение! Чем еще он был хорош – забивал не четвертый или пятый мячи, а первый или второй, чтобы команда успокоилась и повела свою игру. Причем забивал стопроцентно: если у него был момент, то непременно реализовывался. Не скажу, что Олег обладал какими – то необычайными физическими данными или мог на 50–метровой дистанции убежать от защитника, но максимально использовал то, чем был наделен природой. Уверен, что и в нынешнем «Локомотиве» он играл бы одну из первых скрипок, а забивал бы даже больше, ведь сейчас команда львиную долю игрового времени проводит в атаке. Надо было ему родиться на десять лет позже, при его исполнительском мастерстве, хладнокровии порой даже в окружении пяти защитников, он оставался бы на виду. Чем раньше ценились форварды? Обыграть одного – двух соперников для них не составляло труда. А для Гарина – и трех. Ушел он раньше времени из – за лишнего веса, а может быть, ему футбол надоел, устал он от нашей кочевой жизни. Махнул рукой, попыжился где – то еще пару лет и закончил. Но если бы Олег больше за собой следил, его спортивная карьера могла сложиться намного успешнее.

И другой нападающий, Игорь Петров, тоже подавал большие надежды, но имел проблемы с режимом. Все мы не без греха. Но я знал немало игроков, которые не пили, не курили, ложились спать точно в 11 вечера, а ничего путного из них так и не вышло. В то же время такие звезды советского футбола, как Стрельцов или Численко при всем своем пренебрежении к режиму играли блестяще. Однако термин «профессионализм» включает в себя и понимание, когда что – то можно, а когда категорически нельзя. Я, как и все нормальные футболисты и обычные люди, режим соблюдал условно.

Рашид Рахимов – защитник, появившийся у нас в том же 1993 году, по сравнению с Петровым выглядел аскетом. В «Локомотиве» он играл недолго, но у нас сохранились хорошие

отношения. Это личность, хотя и запомнился он человеком эпатажным, в какой – то степени скандальным. Игроком он был прекрасно физически одаренным, но нигде особенно не прижился – эдакий волк – одиночка. Свою точку зрения всегда считал единственно верной. Не утверждаю, что это плохо, это склад натуры, такой путь он для себя выбрал. С Семиным они характерами не сошлись. С тренером тоже ведь можно ругаться, но в конце концов понять друг друга, на крайний случай есть слово «извините».

В 1994 году из московского «Динамо» к нам пришел Саркис Оганесян, известный футболист, успешно игравший еще в союзном чемпионате за «Арарат», хороший, умный, техничный, хладнокровный, в меру жесткий левый защитник, спокойный, порядочный человек. Играл в динамичный футбол на хорошей скорости, обладал потрясающей левой ногой. Но у него были серьезные проблемы с ахилловым сухожилием, долго мучился, года два играл через боль и закончил раньше времени. Если бы не эта хроническая травма, Саркис спокойно поиграл бы еще лет пять.

Воспитанник «Локомотива» Олег Пашинин долго пробивался в основной состав главной команды, по молодости ему не хватало какого – то внутреннего стержня, но со временем он достиг приличного уровня. Можно давать разные характеристики защитникам – жесткий, талантливый, техничный, хладнокровный, но самая лучшая – надежный. Это Пашинин. Он действовал просто, не допускал грубых ошибок, всегда оставался надежным и по человеческим качествам. Поэтому и играл в «Локомотиве» больше десяти лет.

Владимир Маминов с Олегом Пашининым были неразлучными друзьями с юношеских лет. Володя на редкость талантливый игрок, которому долго не позволяли раскрыться какие – то безумные травмы. Может быть, ему мешало и то, что он был воспитанником локомотивской школы, в те времена вечно одной из последних в чемпионате Москвы. Не хватало ему какой – то наглости, чтобы побороться за место в составе, хотя умения играть у него не отнимешь. Жалко, что столь одаренный футболист не смог достичь больших высот, поиграть в сборной России, например. Попади он в молодые годы в «Спартак», «Динамо» или ЦСКА, проводившие много международных матчей, наверняка получил бы дополнительный импульс. В 2001 году он впервые заявил о себе, много назабивал, это был его звездный час. Потом Маминов играл очень уверенно опорным полузащитником вместе с Лимой и вообще был полезен на любой позиции в полузащите, и даже в роли заднего центрального

защитника, что успешно продемонстрировал в 2002 году, когда у нас «сломался» Игнашевич. Ниже своего уровня он никогда не опускался в любом амплуа. Был на редкость трезвым человеком, не гуленой, как и его друг Пашинин.

С нападающим Олегом Елышевым мы дружили много лет, и хотя до «Локомотива» он выделялся в других клубах, можно сказать, что это наш человек. Сильный, умный, квалифицированный футболист. Если бы к его технике, мышлению добавить лучшие физические кондиции, он приносил бы команде еще больше пользы. Когда команда была в порядке, он играл блестяще, много и успешно комбинировал с партнерами.

Игорь Чугайнов начинал в «Локомотиве» еще в союзные времена, но потом вернулся в «Торпедо». В 1995 году он снова пришел к нам. Вообще – то он полузащитник, но у нас играл последним защитником, классно читал игру. С его головой выступать на этой ответственной позиции не было проблем. После ухода Подпалого он в «Локомотиве» сразу занял место чистильщика. Его внезапный побег в 2001 году из «Локомотива» в «Уралан» вызвал немало кривотолков. И я до сих пор не знаю, что там произошло. Может быть, они с руководством клуба недопоняли друг друга, возможно, где – то его переклинило. Бывает же: все у игрока нормально в клубе, но вдруг он ни с того ни с сего взбрыкнет. Человек Чуг непростой, возможно, сам посчитал, что уже не подходит команде, и все, и уехал, и никому ни о чем не стал говорить. Думаю, что Игорь жалел потом, что так получилось, но поезд уже ушел.

Сергей Гуренко, быстрый, физически сильный, заявил о себе в «Локомотиве» с первого матча. По технико – тактическим критериям он всегда был одним из лучших в игре, убежать от него редко кому из соперников удавалось. Такой должен быть в команде. Если его перебрасывали на левый фланг, то оттуда воротам ничего не угрожало. С тем же успехом он играл и справа, обладал хорошим ударом. Я даже удивлялся, что при этом он мало забивает. Правда, в «Локомотиве» частые подключения в атаку защитников не особо приветствовались, одним разрешалось, другим – нет.

Кто – то идет к славе прямым путем. Вот и Андрюха Соломатин был настоящим бойцом. Играл честно, достойно, но, однажды немножко что – то сымитировав, вдруг понял, что можно так еще и еще. Ему понравилось играть на чувствах тренера, изображать себя воином, выходить на поле с перевязанной головой. И многим казалось, что в игре он расшибается насмерть. Но никому не надо, чтобы ты выходил на 20 минут с разбитой головой, а потом сменялся. Ребята ему на это намекали: если

выходишь больной, то не должен никому об этом говорить, не должен получать на это никакой скидки. Лучше не выходи, честно признайся: болит, в полную силу сыграть не смогу. Новый игровой образ лимитировал его самого, он уже не прогрессировал, а игрок – то был одаренный, и мог бы достичь большего, хотя и вес его тоже тормозил. При своих потрясающих физических данных Андрей справлялся с ним, но если бы сбросил килограммов восемь, мог бы бегать в два раза быстрее и дольше. В «Локомотиве» он был в числе основных, а, перейдя в ЦСКА, играл мало.

Евгений Кузнецов выступал за «Локомотив» немного, но пользу принес существенную. Он приехал к нам из Швеции, будучи уже олимпийским чемпионом, поиграв в «Спартаке», выглядел носителем победных традиций. Он нас всегда объединял, организовывал поход куда – то, посиделки, убеждал, что играем мы не хуже других. Женя был уже в возрасте, быстро стал авторитетом для нас и даже выполнял в какой – то степени тренерскую роль – Юрий Павлович просил, чтобы он за нами присматривал, вселял в нас веру в успех. И он нам очень помог. Хотя был старше, но как пацан влился в нашу обычную компанию из 10–12 человек, а потом говорил: «Господи, да этот «Спартак» мне теперь не нужен. Вот оно – счастье! Живем, отдыхаем». Конечно, он не променял бы «Спартак» своих лучших футбольных лет на другой клуб, просто после долгого пребывания в Швеции опять окунулся в российскую компанейскую жизнь, хотя все у нас было в меру. Повторюсь: для меня самый лучший коллектив «Локомотива» был в 1995 году. Даже не по уровню игроков, а по качеству отношений между людьми. Мы все были друг за друга как один. И могли обыграть любого соперника. Та команда не проиграла бы нашим более поздним чемпионским составам. И благодаря мастерству игроков, и за счет великолепных отношений между ними мы последующую локомотивскую чемпионскую команду измором взяли бы, перебегали, перебили бы.

О Зазе Джанашия после его ухода из команды вспоминали еще долго. Мастер, но постоянно лишний вес, отсутствие большого желания тренироваться. Хотя при своем весе он, например, со «Штутгартом» резким финтом посадил на траву двух немцев, убежал и забил гол. Все знали: кинул Зазе мяч, и он его не потеряет, сохранит. Его потенциал, то, как он играл в свои лучшие сезоны, помнят до сих пор. И из сборной Грузии о нем приходили самые лучшие отзывы. С Гариным они были разноплановыми игроками, мало пересекались в одном составе, но если бы играли вместе в свои лучшие годы, это была бы

невероятная сила: Заза топтал бы защитников, а Олег мяч из – под него вытаскивал. Но Заза не захотел играть в футбол и сам ушел. Его уговаривали остаться – Семин еще год ездил, искал его.

Альберт Саркисян – хороший игрок, замечательный, добродушный парень, мягче человека я не встречал. Но на поле он как будто зверел. Играл он у нас мало, стал бродить из клуба в клуб, но своего локомотивского уровня не достиг нигде.

Александр Бородюк в «Локомотиве» тоже провел немного матчей. Он пришел к нам после выступлений в немецкой бундеслиге уже в возрасте, но очень помог в становлении клуба, привнес в него победные традиции, психологическую устойчивость, ребята смотрели на него с уважением. И на поле был очень полезен, забивал нужные голы. Бородюк многому научил ребят в плане тактики, показывал пример в нападении, да куда бы Семин его ни ставил, везде он прекрасно справлялся со своими обязанностями. При этом оказался компанейским парнем, никакой дистанции между ним и остальными игроками не замечалось. Внешне он казался как бы весь в себе, но в компании раскрывался, был общителен, коммуникабелен наравне с остальными.

Дмитрий Лоськов, прекрасно зарекомендовавший себя в «Ростсельмаше», придя к нам, вскоре получил травму и в 1997 году играл мало. Еще в строю был Алексей Косолапов, «Лося» брали ему на смену, и после его выздоровления, «Косого» продали в Испанию. Хотя я считаю, что лучше иметь в команде двух плей – мейкеров. Когда Лоськов получал очередные травмы, нам приходилось очень туго. Малхаз Асатиани мог одну – две игры провести близко к уровню Лоськова, но чтобы полностью заменить нашего лидера, ему надо было осваиваться в этом амплуа минимум год. Тем более что Малхаз – игрок другого плана. В матче, например, с «Тереком» он полностью закрыл эту позицию, но не факт, что столь же удачно у него получилось бы в игре со «Спартаком». Больше к этой роли подходили Дмитрий Хохлов или Марат Измайлов, пришедшие к нам позже.

Португальское фаду

Когда я начинал в «Локомотиве», многие уже мечтали о заграница. Меня же, честно говоря, мысли об отъезде не посещали, да и приглашений из – за рубежа в начале карьеры не было. Никуда не собирался уезжать из «Локомотива».

Когда поступило предложение перейти в «Бенфику», подумал, что это только разговоры, сначала все выглядело несерьезно. «Бенфика», конечно, великий клуб, один из самых популярных в Европе, но, даже сознавая, что в ее рядах я заработаю кучу денег, в душе противился своей продаже в Португалию, молил Бога, чтобы остаться в Москве. Но с каждым месяцем разговоры на эту тему не только не ослабевали, а нарастали: «Тебе надо попробовать, к тому же деньги там хорошие платят». И я начал задумываться. Сознавал, что и «Локомотив» получит с моего трансфера неплохую добавку в бюджет. Хотя чувствовал, что его руководители больше мне добра желали, чем хотели заработать, считали, что после семи лет в отечественных чемпионатах новый клуб даст мне толчок в дальнейшем развитии. Прекрасно понимал, что «Локо» нужны деньги, а меня одолевает блажь, но поделать с собой ничего не мог.

> – Овчинников для «Локомотива» – фигура особая. Его талант и профессионализм ощущались еще тогда, когда парню было 19 лет. Этот сезон у него, быть может, и не самый лучший. Но уже имея контракт с «Бенфикой», Овчинников ни разу себя не поберег, не боялся бросаться форвардам в ноги. На равноценную замену Овчинникова даже не надеемся – таких вратарей в России больше нет.
>
> *Юрий Семин, главный тренер «Локомотива». «Спорт – Экспресс». 1997 год.*

Из «Локомотива» я вправе был уйти свободным агентом, но пошел навстречу клубу, заключил новый договор. И «Бенфика» была вынуждена за меня платить. Продали меня, кажется, за миллион двести тысяч долларов. Перед отъездом в Лиссабон моя зарплата в «Локомотиве» была, кажется, около двух с половиной тысяч долларов. В «Бенфике» мог подписать контракт гораздо выгоднее, чем в итоге получилось. Кстати, и до, и после Португалии были у меня и другие варианты – испанские «Сельта», «Расинг», «Бетис», греческий «Олимпиакос», голландский ПСВ, шотландский «Рейнджерс», лондонский «Арсенал». Всех и не

упомнишь.

А с «Бенфикой» все как – то само сладилось. Тренер нашей сборной и большой друг Семина Борис Игнатьев был давно знаком с известным португальским футбольным агентом Паулу Барбозой. Вероятно, они втроем и решили: мол, парню пошел 28–й год, пора ехать за рубеж. Но предложение от хорошего клуба мне льстило гораздо больше, чем сам факт отъезда. И видимо Игнатьев неспроста выпустил меня на замену в матче сборной с Люксембургом, 10 ноября, в мой день рождения. После игры с Игнатьевым, Семиным и Барбозой посидели, поговорили. Португалец сообщил, что он предложил мою кандидатуру руководству «Бенфики», которой мы проиграли в октябре 1995 года на Кубок кубков. Обе игры, несмотря на поражения, мне удались, и у тренеров лиссабонской команды сложилось какое – то представление обо мне. В тот момент они хотели приобрести опытного второго вратаря к бельгийцу Мишелю Прюдомму, которому уже исполнилось 38 лет. После Нового года Барбоза мне позвонил с известием, что клубы между собой договорились: в мае надо подписать предварительный контракт и в июле ехать в Лиссабон. Контракт оказался намного выгоднее моего локомотивского. Хотя о материальной стороне я тогда как – то и не думал. Страшно переживал: приходится бросать «Локомотив», и еще неизвестно, получится у меня в «Бенфике» или нет.

Фаду, в переводе с португальского – судьба, особый стиль традиционной национальной музыки. Характеристика этого стиля выражается словом «саудади», в значении которого сочетаются понятия одиночества, ностальгии, грусти и любовного томления. Если отбросить последнее, то все остальное применимо к моему португальскому житью – бытью. Целых пять лет я выступал в Португалии, хотя, как уже отмечал, человек домашний, и ностальгия по родине в те годы меня не покидала. Я очень люблю свою страну, и при любой возможности хотя бы на день или два прилетал в Россию. Соответственно, и мыслей задержаться в Европе на всю жизнь у меня никогда не было. Четко определил для себя, что в любом случае вернусь домой.

Хотя в Португалии я чувствовал себя удивительно спокойно. Очень нравились веселые, какие – то радужные люди, окружавшие меня. Это вам не консервативные англичане или чопорные немцы.

И сама страна очень живописная. Однажды любование морскими пейзажами даже сыграло со мной злую шутку. Отправился на пляж на низком спортивном BMW и заехал на песок – красиво все – таки, море перед глазами. Погулял пару часов по пляжу, настала пора возвращаться. Сажусь за руль, а

выехать не могу: песок к вечеру намок, и машина просела. Буксовал часов шесть! По телефону через своего агента вызвал аварийку. Первая их машина тоже застряла, и только вторая меня с грехом пополам вытащила. Уехал в половине двенадцатого ночи. Пляж дикий, ни одного человека, да и от трассы далеко – так что, если бы у меня не было с собой телефона, вообще не знаю, чем бы все это закончилось. Потом узнал, что такое случается там частенько.

Особенно трудно приходилось первое время. Когда пришел телефонный счет за первый месяц, я обалдел – наговорил на шесть тысяч долларов! Родителям, друзьям звонил каждый день, не успевал мобильный телефон заряжать. Но постепенно привыкал, становилось легче. В гостиницах на выездах предпочитал селиться с Сергеем Кандауровым – соотечественник все – таки.

Когда я приехал в Португалию, мне сразу сказали: «Если через две недели не заговоришь по – португальски, играть не будешь». Застал в «Бенфике» еще местного тренера, но вскоре его сменил Грэм Сунесс, и в команде начали общаться по – английски. А у меня за плечами была только школьная программа английского языка. Со временем подтянул ее, понимал, о чем речь, хотя сам изъяснялся не особо. И с португальским было плохо, из – за командного разговорного английского потерял два года из пяти, проведенных в стране: толком не выучил ни тот, ни другой.

После перехода в «Алверку», в которой уже играл Вася Кульков, мы даже между собой для языковой практики стали разговаривать по – португальски. «Алверка» – другой уровень по сравнению с «Бенфикой», молодая команда, примерно, если сравнивать с Россией, «Химки» на фоне «Локомотива». Но команда – дебютант высшей лиги, которая одно время считалась как бы дочерним клубом «Бенфики», оказалась очень дружной. Мы с Кульковым были там самыми возрастными. За счет сплоченности, высокой самоотдачи на поле мы обыгрывали и традиционных лидеров «Спортинг», «Бенфику», «Порту». По окончании сезона меня признали вторым среди лучших вратарей португальского чемпионата, хотя «Алверка» заняла в нем только 11–е место.

Обычно мы с Васей находились в компании 10–12 человек, разговаривать на русском нам было просто неприлично. И когда я переходил в «Порту», проблем языкового плана уже не имел, мог поддержать в разговоре любую тему. Конечно, говорил, по – португальски, наверное, как грузин по – русски: «Я пришла, ушла.» Но меня все понимали, а это самое главное. Кстати,

оказавшись в «Порту», застал оригинальный обряд: новичка перед первой тренировкой окатывали в раздевалке водой из огромного чана – такое вот посвящение в члены команды. В «Локо» у нас никакого посвящения не было. Чтобы человек почувствовал себя своим в команде, мы приглашали его в ресторан, играли с ним в карты. В общем, старались уделять новобранцу побольше внимания. Хотя карты я не выношу, шахматы, по – моему, интереснее. Казино, тотализатор – тоже не для меня. В детстве с отцом покупали билеты «Спортпрогноза» – ни рубля не выиграли. И вообще не азартный я человек.

Возвращаясь к «своей» Португалии, замечу, что иностранные тренеры, по крайней мере, те, с которыми мне приходилось работать, отличаются от наших прежде всего более короткой дистанцией в общении с игроками. А в повседневной жизни ее и вовсе не ощущается. Для 90 процентов футболистов это прекрасно. Одно дело тренировочный процесс или игра – там дистанция необходима. Что же касается бытовых вопросов, ее практически нет. За границей тренер – тоже твой начальник, но только когда ты на работе. Даже сборы – это еще не работа. И в команде при этом как – то все гладко, нормальная атмосфера. За те два года, что я провел в «Бенфике», сменилось четыре одинаковых в этом плане тренера, да и в «Алверке» потом похожий был. А вот первым моим тренером в «Порту» стал португалец Фернанду Сантуш, которого все считали чрезвычайно жестким. В свое время он был звездой «Бенфики» и сборной Португалии, но тренером оказался действительно ну уж очень суровым, да еще и не коммуникабельным. Но без второй программы, прямой, честный, порядочный, словом, настоящий мужик, и это в нем подкупало. В целом же европейские тренеры отличаются от наших большей коммуникабельностью. Футболисты у них свободные люди, вольные делать любые вещи, лишь бы это не отражалось на игре. А у нас еще во многом продолжают жить стереотипы советской эпохи, и то, что происходит у игрока в семье, что у него на душе, обычно никого не волнует.

Семин – один из немногих, кто выделяется в этом отношении из общего ряда. И Газзаев, когда создает команду, своей заботой и порядочностью по отношению к футболистам обеспечивает в ней прекрасную атмосферу. В то же время есть и настоящие «церберы». И это не вина конкретного человека, просто такой у него характер. А я считаю, что тренер – прежде всего психолог, и должен быть другом футболистов, чтобы они за него шли в огонь и в воду. Или хотя бы создавать видимость их друга. А самое долгое теоретическое занятие пережил в «Порту». Накануне игры

с барселонским «Эспаньолом» на кубок УЕФА–2000/01 тренер отчего – то завелся и дал теорию на три с половиной часа. К концу у всех игроков пар шел из ушей, а тренер был как огурчик. На следующий день, когда спокойно обыграли «Эспаньол», радовалась вся команда, кроме него, нашего теоретика, который все эмоции у макета оставил.

В «Локомотиве» я сидел перед игрой по два дня на сборах, в «Бенфике» приезжал на стадион за три часа – и разницы никакой не видел. Когда тебе платят большие деньги по контракту, было бы глупо нарушать режим. А многие наши сдают в игре, уехав за границу, именно потому, что российскому человеку сложно адаптироваться к чужому стилю жизни, где не принято особенно общаться, делиться своими проблемами. Тренировка – и все по домам. Думаю, что следующему поколению будет легче. Им на Западе не придется ломать себя – они уже наполовину такие, какими надо там быть. Они, мне кажется, более меркантильны, и с точки зрения карьеры это большой плюс.

В российском футболе самым важным считается тренировочный процесс. А в Португалии – игра. Там на предсезонке дня четыре погоняют игроков после отпуска, а затем они набирают форму через контрольные матчи, работу с мячом. Кроссами и трехразовыми тренировками никто не мучает. Я, будучи игроком, кроссы ненавидел. Футболистов в Европе берегут. Оттого и играют они лет до 35.

За границей в отличие от России никого не волнует, сколько ты весишь. Главное – как себя на поле покажешь. Я играл хорошо, когда у меня и больше 100 килограммов было. И скверно – когда весил 85. Не вижу зависимости. Но на всякий случай постарался вес сбросить, не зная еще местных реалий. В Португалии худеть легко. Пища некалорийная, много рыбы, мяса почти не ел. Плюс жара. За первую неделю похудел килограммов на семь. Одно время весил 85 – на пять меньше, чем в футбольной школе! Хотя сильно не загонял себя в рамки, само собой вышло. В Москве отношусь к себе строже, но худеть удается с трудом. Когда я прошел свой первый двухнедельный сбор в «Бенфике» и приехал в Петербург на матч со сборной мира, главный тренер нашей сборной Игнатьев и помогавший ему Семин удивились: «Как ты похудел, какой резкий стал!» Но я же, когда приехал на свой первый сбор с «Бенфикой» в Голландию, сразу предупредил тренера, что через две недели мне нужно выезжать в сборную, просил заниматься со мной дополнительно.

В «Бенфике» началось с того, что пришлось бороться за место в воротах с вратарем сборной Бельгии Мишелем Прюдоммом. На Западе каждый сезон все начинают с нуля, когда приступают к

подготовке, основного состава еще нет. Случается, человек в предыдущем сезоне даже в восемнадцать для протокола матча не попадал, а в новом он царь и бог! Деку при мне в «Бенфике» не играл, и в «Алверке» – тоже. А в «Порту» заблистал, потом перешел в «Барселону» и поднялся до уровня одного из лучших игроков Европы.

Прежде конкурентную борьбу я никогда не проигрывал. Быть может, это плохо. Хотя что тут плохого? То, что я побеждал, – это не только моя заслуга, это заслуга тренеров. Тот же Семин всегда верил в меня безгранично, даже если сезон у меня складывался неудачно. А тут прошел целый год пока я смог выжить Прюдомма из ворот «Бенфики», догнать по уровню. Но бельгийцу к тому времени уже под 40 стукнуло. Было бы смешно, если бы я так и сидел под ним в запасе. Мишель – личность неординарная. Многому у него научился. Жаль, в молодости не было рядом человека, который мог на тренировках так же подсказывать.

В Португалию я приехал уже с больным правым коленом, которое постоянно напоминало о себе. Там не в связках, а в мениске проблема была. Сначала от него самого почти ничего не осталось, а потом и кости в отсутствие хрящевой ткани стираться начали. Колено было почти всегда опухшее, постоянная боль. Последствия той давней травмы, из – за которой я не попал на юниорский чемпионат мира: что – то неправильно срослось, пошли изменения в структуре костей. Под полтинник это вылезает так, что приходится делать и операцию, и вшивать искусственные суставы. А операция дорогостоящая, порядка тридцати тысяч долларов. Вопрос стоял ребром: если лягу «под нож» – год уйдет на восстановление. И мне сказали: играй, пока колено совсем не «улетит». Пятнадцать лет оно «улетало». Дай бог, чтоб еще пятнадцать протянуло. Последние лет десять или двенадцать я играл на уколах. Спасибо локомотивским врачам Савелию Мышалову и Александру Ярдошвили – подобрали мне нужный препарат из разряда так называемых протекторов, выполняющих роль смазки для коленного сустава, чтобы он не стирался. Двух курсов – шесть уколов в начале сезона и шесть на финише – вполне хватало. За всю карьеру, может быть, пять матчей из – за травм не сыграл. Из – за дисквалификаций и то больше пропустил. Когда появился в «Бенфике», португальцы руками всплеснули: с игроком, у которого такое колено, контракт не стоило подписывать. Но их разубедила статистика матчей в России, где пауз у меня почти не было.

Прюдомм говорил мне: «Сергей, ты не поверишь: я 22 сезона в профессиональном футболе, и ни одной серьезной травмы – все кости целы. А с теми микротравмами, которые случались, можно

было играть». Но карьера Прюдомма – вообще целая наука. Он и меня учил, как восстанавливаться, где паузы брать после 30 лет, какой режим тренировок соблюдать. Причем я его никогда об этом не спрашивал. Просто сидели вместе в автобусе с ним и его тренером Люсьеном Хутом, разговаривали. Хут был тренером вратарей, причем не только главной команды, но и молодых, раз в неделю, как Пильгуй в «Динамо», собирал юных голкиперов.

До Португалии я корявенько играл. Но все можно исправить. Переучивать не надо – только немножко шлифануть, чтобы «острые углы» в глаза не бросались.

Но шлифовать должен мастер. Им и стал бельгиец Люсьен Хут, можно сказать, личный тренер Прюдомма, прошедший с ним за почти 20 лет многие клубы, а в «Бенфике» работавший со всеми вратарями. Энергичный, несмотря на свои 60 с лишним, он и мне уделял достаточное внимание и многое дал. Впервые я столкнулся со специфической работой на тренировках.

Хотя на второй мой сезон в «Бенфике» наши отношения с Прюдоммом разладились.

> – Где бы ни было мое место – в воротах или на скамейке запасных, – в ближайшие полтора года я останусь вратарем. Буду усердно тренироваться, чтобы опять стать первым голкипером, но сделать это нелегко, потому что Сергей в последних играх стоит просто блестяще.
>
> *Мишель Прюдомм, вратарь «Бенфики» и сборной Бельгии. 1998 год.*

Когда Мишель сел на лавку, у меня прекратились товарищеские отношения и с ним и с его тренером. Бельгиец переживал, что какая – то русская шпана выбивает из состава лучшего вратаря мира, вел себя странно. Мог сесть на трибуну, вместо того чтобы помочь мне размяться. И я решил: не хотят со мной общаться, ну и не надо. Иной раз доходило до смешного. Случалось, Прюдомм не садился на общую скамейку, к началу матча в свитере шел на трибуну, демонстративно показывая, что вот, мол, он не играет. Ему все прощалось, капризничал, как – никак 40–летний ветеран. Хотя я пытался ему объяснить, что от меня же ничего не зависит, все решают тренеры. Но он и в 40–летнем возрасте считал себя лучшим вратарем мира, по отношению к себе часто употреблял термин «респект» – «уважение», говорил: «Мне надо доиграть, а ты еще успеешь». Приходилось возражать, что мне тоже уже не 20, а 29 лет, и как – то сказал ему: «Ты решай свои проблемы, а я буду свои, выбирать

из нас тренеру. В газетах мы можем друг друга поливать, но на личные отношения это не должно переходить». Признаюсь, я тогда на него обижался, но чем становлюсь старше, тем понятнее мне та его реакция.

Во второй мой сезон в «Бенфике» Прюдомм сломался в матче с «Порту», я вышел в конце первого тайма. Тогда у нас началась беспроигрышная серия, которая длилась 12 матчей. Мы догнали возглавлявший таблицу «Порту», ликвидировав отставание в 11 очков. Играли в Лиге чемпионов, победили «Кайзерслаутерн», с ПСВ вничью на выезде сыграли.

> – За пост вратаря «Бенфика» может быть спокойна. В этом матче Овчинников показал себя достойным преемником Прюдомма. Надежен на выходах и безупречен в игре на линии ворот. Высший класс!
>
> *Португальская газета «Jomal de Noticias» после матча «Бенфики» с «Кайзерслаутерном».*

Португальские газеты писали: «Овчинников – новый символ «Бенфики»!» Но после нелепого поражения в Кубке страны на мне в какой – то степени поставили крест: сколько бы я ни работал на тренировках, место в составе все равно снова доставалось Прюдомму. Это было очень неприятно.

Когда же голландский ПСВ предложил за меня 3 миллиона долларов, «Бенфика» ответила отказом, подчеркнув: «Овчинников не продается», хотя за вратаря такие деньги дают редко.

> – После перехода Прюдомма в ранг международного советника команды, его свитер с первым номером достанется Овчинникову. Это выражение доверия русскому голкиперу, показавшему свое мастерство в последних матчах «Бенфики».
>
> *Жозе Вале Азеведу, президент «Бенфики». 1998 год.*

Но тренером в «Бенфику» пришел немец Юпп Хайнкес и привел с собой двух вратарей – соотечественника Энке и аргентинца Боссио. Вскоре Хайнкес заявил, что особо не нуждается в моих услугах. За что ему огромное спасибо: мог ведь, как говорится, на всякий случай целый год мариновать меня на скамейке запасных. А так мы по обоюдному согласию разорвали трехлетний контракт, и я подписал новый – с «Алверкой».

Когда же Прюдомм закончил, мы дружески общались,

смеялись, психологический пресс конкуренции в наших отношениях исчез. У меня сохранялось уважение к нему, и он, чувствовалось, испытывал ко мне симпатию. Все – таки два года мы с ним прожили бок о бок, и неплохо. Сейчас Прюдомм тренирует бельгийский «Стандард», до этого был там спортивным директором. Хозяин клуба – его друг. Прюдомм приезжал на матч «Локомотива» в Лиге чемпионов с «Брюгге». Тепло встретились, сейчас у нас хорошие отношения.

– Сергей – очень амбициозный человек и интересный собеседник. О нем до переезда в Португалию мало кто знал. Думаю, из российских футболистов именно он сделал в Португалии наиболее успешную карьеру. В «Порту» Сергей смотрелся очень солидно и у местных специалистов пользовался большим авторитетом.

Мишель Прюдомм, вратарь «Стандарда», «Мехелена», «Бенфики» и сборной Бельгии, обладатель приза имени Льва Яшина «Лучшему вратарю чемпионата мира» 1994 года. «Спорт – Экспресс». 2005 год.

Играя в Португалии не первый год, я успел сделать себе кое – какое имя. В 1998 году был признан местной прессой вторым вратарем чемпионата страны. Первым стал голкипер из «Лейрии», третьим – бывший игрок «Манчестер Юнайтед», в дальнейшем защищавший ворота «Спортинга» датчанин Петер Шмейхель. Приятно обойти легендарного футболиста, пусть и в заочном споре. Я не коллекционирую вратарские свитеры, обычно не обмениваюсь ими с соперниками по окончании матчей. Но со Шмейхелем и еще с Буффоном все – таки поменялся, когда в «Порту» играл. Шмейхель, к которому я отношусь с огромным уважением, сам предложил. А Буффона я попросил: очень хотел иметь в своей коллекции свитер вратаря, стоящего 50 миллионов.

Недостатка в приглашениях от других европейских команд я не испытывал. Предлагали контракт несколько испанских клубов, среди которых могу выделить «Расинг» и «Сельту». Однако было одно «но»: из – за перебора в составе легионеров они не могли гарантировать мне место в основе. Поэтому я предпочел провести сезон в португальской «Алверке», после чего последовало приглашение из «Порту».

«Алверка» когда – то была своеобразным фарм – клубом «Бенфики». Играла в третьей лиге, затем начался сумасшедший прогресс. Клуб возглавлял грамотный президент, который брал только молодых футболистов, выходивших на поле не столько за

деньги, сколько из любви к футболу. Кадрами помогали «Бенфика», «Порту», «Спортинг», создался добротный дубль. Команда вышла во вторую лигу, в первую, в высшую. Она напомнила мне «Локомотив». Алверка находится неподалеку от Лиссабона, поэтому многие в городе болеют за другие клубы. Но тысячи по три болельщиков на наши матчи приходило. Когда же приезжали «Спортинг», «Бенфика» или «Порту», собирался полный стадион, а это 15–20 тысяч. В 99–м в «Алверке» было всего три «взрослых» игрока – Вася Кульков, Милинкович и я. Остальные – ребята 20–22 лет. Обыграли лидеров – «Бенфику», «Спортинг», с «Порту» дважды сыграли вничью, и «Алверку» назвали главной сенсацией сезона. Через год почти всю команду распродали по хорошим клубам.

– Овчинников и Кульков были ключевыми игроками «Алверки». Во многом благодаря им команда сумела занять достаточно высокое для себя 11–е место.

Фелипе Азеведу, нападающий, перешедший из «Алверки» в «Локомотив». «Спорт – Экспресс». 2000 год.

Дальше у меня был «Порту», а тренером вратарей в нем Силвинью, бывший голкипер этого клуба, а также «Бенфики» и сборной Португалии. Потом он работал с Моуринью в «Челси». У каждого из тренеров вратарей было что – то приемлемое и неприемлемое – национальные школы – то разные. Как и вратари. Каждый голкипер сам должен осознавать, что ему подходит, исходя из собственных антропологических, физических данных, а что нет, отбирать для себя самое полезное. Учитывается и возраст: те нагрузки, что требуются 18–летним, запредельны для 30–летних. Подобная регулировка – не каприз. Если я «умру» на разминке, каким буду в игре? Прюдомм говорил: «После 33–34 лет надо больше отдыхать и меньше тренироваться. Но меньше – только по времени, зато интенсивнее». После очередного матча у всех был один выходной, а ему давали три.

Если уж зашла речь о работе с вратарями, продолжу ее, чтобы больше не возвращаться. В московском «Динамо» с нами работал бразилец Сангой. Предлагаемое им на тренировках для меня было не ново. Это португальская школа, делающая упор на физическую подготовку. Все вратари выполняют одну и ту же работу, исключений ни для кого не делается. В его арсенале накопилась масса интересных, полезных упражнений. Нагрузки приличные, но скрашивались юмором, который присущ ему, да и сами мы веселились, как могли.

Но не каждая школа подходит российским вратарям, как и не всем иностранцам – наша. Однажды мы обсуждали эту тему с Петером Шмейхелем и сошлись во мнении, что габаритным вратарям тяжело постоянно выносить мощные физические нагрузки, которые предлагает португальская школа. Для нас больше приемлема «ударная» работа – с разных позиций, под разными углами, с кувырками, с упражнениями на реакцию, не обязательно с командой – и тренер, и мы сами можем бить друг другу. В ней я чувствовал себя намного комфортнее, чем с Сангоем в «Динамо». В «Локомотиве» с вратарями работал один из динамовских преемников Льва Яшина Александр Ракитский – достаточно гибкий специалист. Недаром голкиперы «Локомотива» постоянно были в числе лучших, а это самая объективная оценка работы тренера. Его методика более приближена к игре, и он принимал во внимание желание самих вратарей. Мы же не требовали пробежать пару кругов и на том закончить. Никто не будет беречь себя от нагрузок – мы готовимся к играм и хотим пройти их на ноль. А перестраиваться на предлагаемые Сангоем упражнения мне было тяжело. Но каждый тренер видит работу по – своему, и тут я должен заметить, что работал Сангой очень квалифицированно, и очень многое мог дать вратарю. Португальцу Нуну, в то время еще одному динамовскому голкиперу, очень нравилось все, что предлагал бразилец, потому что это его национальная школа. Система подготовки Сангоя очень эффективна и для молодых вратарей. Если не брать в расчет индивидуальную полезность этой работы для каждого из нас. Направленность его тренировок – в большей степени физическая. Но он так ее видит. Он же не только у нас работал, и наверняка это где – то оправдывало себя. Но методика, например, Гонтаря мне ближе.

– Овчинников не нуждается в рекомендациях. У него колоссальный опыт.

Сангой, тренер вратарей «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2006 год.

Я никогда не рвался в тренеры вратарей, но если что, подход у меня был бы иным – индивидуальным. Даже упражнения давал бы разные для различных вратарей. Правда, в своей практике ни с чем подобным пока не сталкивался.

Познакомившись, помимо российской, с бельгийской и португальской вратарской школой, я вывел для себя тот алгоритм, который позволял мне готовиться с наибольшим КПД. И переубедить меня, перекроить мои взгляды на тренировочный

процесс было уже невозможно.

За время пребывания в Португалии я успел получить несколько достаточно серьезных травм и даже попасть в автомобильную аварию. Никто в ней не был виноват, просто так получилось: вечером несколько машин на автобане шли друг за другом на скорости и не успели притормозить перед уже случившейся аварией. Получил перелом ребра и несколько ушибов. Недели полторы провалялся, пропустил три игры. И еще больной поехал играть с «Маритиму», а «любимый» арбитр Лусилиу Батишта показал мне в том матче очередную желтую карточку, и следующую игру с «Бенфикой» я пропускал. Этот горе – рефери, а по – другому я не могу его назвать, за что – то невзлюбил меня. Почти в каждом матче португальского чемпионата он находил для меня желтую карточку. Человек, который в интервью сказал: «Не люблю русских, они у меня всегда будут получать!» Как назло, жизнь меня чаще всего с ним сталкивала. В марте 2004 года Батишта судил ответный матч 1 /8 финала «Локомотива» с «Монако», назначил пенальти в наши ворота, но я его взял, потом засчитал гол при наличии активного офсайда у соперников, а до этого ни за что ни про что удалил с поля Лоськова. Спустя полтора года в московском стыковом отборочном матче чемпионата Европы сборной России с Уэльсом, когда я высказал валлийцу Марку Дилейни все, что думаю по поводу его удара по моим воротам после свистка, португалец достал традиционную желтую карточку, оказавшуюся для меня второй в матче. В Португалии он дважды удалял меня с поля, однажды я даже сцепился с ним. Целых пять лет Батишта мстил мне, а фактически моим командам, матчи которых обслуживал.

В своем последнем полном португальском сезоне я отыграл за «Порту» в 33 матчах чемпионата из 34, став вместе с командой вице – чемпионом страны, в июне выиграл с ней Кубок Португалии, отстояв на ноль финальный матч, а в августе и Суперкубок. В «Порту» мне достался 55–й номер. «Если бы у этого голкипера был 99–й номер на спине, ему никогда не пришлось бы сомневаться в своем месте в основе», – писала португальская газета «A Bola», намекая на ожидавшееся возвращение в строй после травм Витора Байи, выступавшего под двумя девятками.

– Я не могу давать советы тренерам сборной, но если Овчинников и дальше будет играть так же, как сейчас, он наверняка вернется в национальную команду.

Дмитрий Аленичев, полузащитник португальского «Порту». «Спорт – Экспресс». 2000 год.

Семин, да и все окружение в «Локомотиве» – администраторы Анатолий Машков и Сергей Гришин, врачи Савелий Мышалов и Александр Ярдошвили, массажисты Александр Гасов и Владимир Ткаченко, видеооператор Владимир Конюхов для меня за годы совместной работы стали как родные. Анатолий Егорыч – легенда «Локомотива», душа – человек. Когда я пришел в команду, подумал, что он у нас ветеран. Теперь прошло 20 лет, а он все такой же. В любой ситуации эти люди приходили на помощь футболисту, создавали нам максимальный комфорт. Я, например, пил, и в перерыве матча тоже, только газированную воду. И для меня всегда находилась пара бутылочек холодного «Боржоми». Думал, что без поистине отцовской локомотивской заботы мне в Португалии придется туго. Но, к счастью, ошибся. В «Порту» доктора ставили для меня в туалет раздевалки бутылочку «Кока – колы», клали сигаретку с зажигалочкой.

«Кока – кола» у спортсменов популярностью не пользуется, но меня, если так можно сказать, свел с ней один случай. В «Бенфике» у меня в разгар тренировки вдруг сильно заболел живот, видимо случилось какое – то пищевое отравление, проявившееся на фоне тренировочной нагрузки. Сел на траву, подбежал доктор, дал мне таблетку и баночку «Кока – колы». Я попросил чистой воды, но доктор, человек авторитетный, поработавший и со сборной Португалии, настаивал: «Делай, что я говорю, и через пять минут все пройдет». Запил таблетку полбанкой «Кока – колы» и через две минуты болей как не бывало. Доктор объяснил мне потом, что «Кока – кола» обладает свойством ликвидировать дисбаланс в желудке, и ее применение в европейских командах – обыденная практика.

И у нового тренера «Порту» Отавиу Машаду я тоже начинал в основном составе, но в сентябре травмировал на тренировке колено и после выздоровления перестал попадать в основу, хотя моей игрой были довольны и тренеры, и партнеры по команде. Вернулся Байа – культовая фигура, любимец всей Португалии. После приезда из «Барселоны» он долго залечивал травмы, восстанавливался. К его появлению «Порту» имел четырех вратарей: Педро Эшпинью был в составе сборной Португалии на чемпионате мира 2002 года, Руй Корреа тоже выступал за национальную сборную, тогда еще молодой Илларио сейчас в составе «Челси», я и еще два парня, привлекавшихся в молодежную сборную. По большому счету «Порту» в услугах Байи не нуждался. Но этот клуб отличается от многих других тем, что всегда приходит на помощь своему игроку, если у него на новом месте проблемы. У Байи не складывались отношения в «Барселоне» ни с руководством, ни с партнерами по команде, и

руководители «Порту» протянули ему руку помощи, вернули его домой.

Мы поехали на сбор во Францию, в живописное местечко под Парижем, где нередко готовилась национальная сборная этой страны. Условия аскетичные: в номере кровать, тумбочка и больше ничего – камера – одиночка, вратарей поселили по одному, как обычно в «Порту». Питание среднее, зато поля, тренажерный зал – сумасшедшего уровня. Первую контрольную игру провели через два дня после приезда со знаменитым некогда клубом «Ред Стар», ныне обретающимся в четвертой лиге, но, несмотря на это, обладающим шикарным стадионом на 30 тысяч зрителей. Народу собралось тысяч десять. Выиграли – 5:0. Байа вышел в стартовом составе, сам себе надел капитанскую повязку. Спорить никто не стал. Я сменил его после перерыва. Следующим нашим соперником был «Селтик» из Глазго. Тут Байа сказался больным, что для него было типично перед матчами с сильными командами. А «Селтик» начал готовиться на неделю раньше нас и выглядел неплохо. Дима Харин находился в его составе, но против нас вышел другой вратарь. Я отыграл все 90 минут, мы победили – 1:0. Тренер Отавиу Машаду остался доволен моей игрой. Третий матч мы проводили с французским «Осером». Тогда этот клуб еще тренировал Ги Ру, колоритнейшая личность. Он поражал тем, что подходил к каждому игроку команды соперников, обменивался с ним какими – то фразами – всех знал! Байа заявил, что будет играть, но Машаду твердо возразил: «Нет, играть будет Сергей». Об этом тренере стоит сказать отдельно. У нас он не смог бы работать даже в команде второго дивизиона. Игроки характеризовали его однозначно: «Полный дятел». В футболе он мало что понимал, только ругался со всеми: один не так бутсы зашнуровал, другого заставлял гетры повыше подтянуть. Главным для него была дисциплина, а все остальное он считал ерундой. Но по отношению к Байе тренер занял принципиальную позицию. И я сыграл очень хорошо, некоторые португальские газеты даже написали, что на Байе теперь поставлен крест.

Но сдаваться Байа не собирался, перед следующим матчем заявил, что окончательно выздоровел, но играл опять я. По возвращении в Португалию мы провели пару контрольных игр с местными командами, по традиции предваряющих открытие сезона. На матч с «Салгейрушем», клубом уровня нашего «Терека», собралось 50 тысяч зрителей, хотя играли два тайма по 25 минут. Но и это была ерунда по сравнению с таким же матчем, когда я защищал еще цвета «Бенфики». На два тайма по 15 минут игры между двумя составами команды собралось 80 тысяч

человек, которые разошлись где – то только через четыре часа.

> – В межсезонье руководители «Порту» могли беспокоиться о чем угодно, только не о надежности тыла. Выбывшего из строя Витора Байю блестяще заменил Сергей Овчинников, представитель славной российской вратарской школы. Он хорош как в игре на линии, так и на выходах, умело выбирает позицию и подстраховывает защитников. У Овчинникова, пожалуй, только один недостаток – он родом из страны, которая не входит в Европейское Сообщество, и поэтому считается в Португалии иностранцем.
>
> *Газета «Expresso» перед началом чемпионата Португалии–2001 /02.*

Официально мы открывали сезон, как обладатели национального Кубка, матчем с чемпионом «Боавиштой» за Суперкубок. Выиграли – 1:0, я был в отличной форме и отстоял очень здорово. Чемпионат мы начали с побед, обыгрывали соперников под ноль, и в одном из матчей я порвал приводящую мышцу. Травма оказалась очень серьезной, тренироваться не мог. Доктор вынес вердикт: «Все, финита». На что тренер возразил: «Какая финита, у нас матч с «Бенфикой» в Лиссабоне». Доктор объясняет, что тренироваться я не могу, выбивать мяч – тоже, даже ускориться невозможно – остается только стоять. На что Машаду заявил: «Ничего, он русский, как – нибудь выйдет». И попросил меня сыграть: «Поймаешь пять мячей, а больше от тебя ничего не требуется». Ответил, что совершенно не представляю, как это будет выглядеть. И дня четыре я не тренировался, только ходил к доктору на уколы. Перед игрой меня еще раз укололи, растерли бедро так, что горело, замотали бинтом. Договорились с защитниками, что мяч я не выбиваю – не мог ни с рук, ни с земли. Кидал им мяч рукой, в общем, после матча народ смеялся: «Порту» поставил больного вратаря и не проиграл. Сыграли 0:0 при полных 80–тысячных трибунах. Минут за пять до конца матча я отбил три удара подряд в упор. Понятно, что случайно, просто в меня попадали, но Машаду после этого момента чуть с ума не сошел. А на последней минуте последовала подача в нашу штрафную, я вышел на перехват, и мышца опять треснула. Кое – как доиграл, но нога сильно вздулась. А из Лиссабона мы летели играть в Лиге чемпионов с норвежским «Русенборгом». Из плюс 25 прилетели в минус восемь – в сентябре Норвегию накрыло неожиданное похолодание. Португальцы все замерзли, стали натягивать на себя рейтузы, шапки, перчатки. Я опять не

тренировался, только посидели на коврике с тренером вратарей, а перед матчем обрезал на футболке рукава, вышел на поле в трусах. Партнеры на меня смотрят, пальцем у виска крутят: мол, совсем этот русский одурел, мороз же на улице. Объяснил им: «Норвежцы сейчас на меня посмотрят, подумают: ну и звери к нам приехали, соперник должен нас бояться». Это один из методов психологического воздействия на противника. Я и в «Локомотиве» так выходил в любую погоду, и в сборной. Отчасти под влиянием отца, утверждавшего, что Яшин никогда не играл в рейтузах, если на синтетике или гаревом поле, тогда другое дело, отец был не против. А Руслан Нигматуллин, наоборот, постоянно играл в рейтузах, но у него тонкие ноги, и в шортах он выглядел несколько комично. Помню еще в «Спартаке» ему выдали трусы минимального размера, но на нем и они казались огромными. Стас Черчесов тоже предпочитал рейтузы, хотя сезон в «Локомотиве» отыграл в трусах. На Западе вратари стоят в рейтузах только в очень холодную погоду.

С «Русенборгом» я играл весь перебинтованный, но выиграли – 2:1, хотя у соперников тогда была приличная командочка.

> – Русский вратарь доказал, что его не зря считают в «Порту» основным. Овчинников играл с вдохновением и спас партнеров по меньшей мере в пяти случаях. Для команды он просто бесценен.
>
> *Португальская газета «Record» после матча «Порту» в Лиге чемпионов с «Андерлехтом». 2000 год.*

Всего я провел в Лиге чемпионов пять матчей. Последний – с «Ювентусом» – оказался на редкость неудачным. Я не мог из – за травмы даже поддерживать форму, месяца полтора на эмоциях еще что – то удавалось в играх, но долго так продолжаться не могло. Я предупреждал Машаду: «Без тренировок мой уровень будет падать». А он в ответ: «Вот когда упадет, тогда и пойдешь лечиться». С «Ювентусом» мы повели 1:0, и тут Дель Пьеро забил метров с 30 в «мой» угол. Мяч летел как – то непонятно, меняя направление, но в команде привыкли, что я ловил такие мячи. В двух других голах моей вины не было. Проиграли – 1:3. Президент клуба меня подбодрил: «Ничего страшного, все равно мы вышли из группы Лиги чемпионов. Мы тебе полностью доверяем». Но в очередном матче чемпионата на выезде мне забили два гола со штрафных. Мы выиграли – 3:2. После матча я подошел к тренеру, сказал: «Все. Мне надо лечиться». А у меня еще и колено разболелось, как говорится, до кучи. Уже здесь, в

Москве, врачи «Локомотива» определили, что скорее всего дело было в надрыве мышцы, который к тому же усугубился сильным растяжением. Короче, постоянно играл на уколах. После того как меня посадили на скамейку, еще два месяца лечился, но даже в «Локо» приехал не совсем здоровым. Только благодаря мастерству Ярдошвили и Мышалова встал на ноги. Потрясающие доктора!

– Овчинников с первого знакомства поразил меня профессионализмом: контроль веса по несколько раз в день – до тренировки, после тренировки, невероятная работоспособность – тренировке отдавался полностью. Очень легкий пациент. Даже когда у него случались такие травмы, при которых другие встают с кровати только на обед, пару процедур проведет – и опять в работу. Еще до отъезда в Португалию у него начались проблемы с коленным суставом, посещение доктора Фройлиха в Германии лишь снизило их уровень. Иной раз я пробовал освободить его от очередной тренировки, но он – ни в какую: шел на поле. При своем сильном характере он страшно боялся уколов. Однажды мне пришлось делать ему пункцию колена. К концу процедуры он был весь мокрый. «Теперь тебе пару дней придется отдохнуть», – предписал я Сергею. «Еще чего! – возразил он. – Нет, я буду тренироваться». Осталось только развести руками.

Савелий Мышалов, заслуженный врач России, врач «Локомотива» с 1994 года.

Где – то месяц я восстанавливался, и вдруг раздался звонок от Юрия Павловича с приглашением вернуться в «Локомотив». Руслан Нигматуллин уезжал в итальянскую «Верону», и Семин подчеркнул, что очень на меня рассчитывает. Локомотивское предложение оказалось не первым, на меня уже претендовали голландский «Аякс» и итальянская «Фиорентина». Но, во – первых, Семину и Филатову я доверял, как самому себе, а во – вторых, получил возможность вернуться домой, о чем давно мечтал.

В расположении «Локомотива» я, играя в Португалии, появлялся при малейшей возможности. В марте 1998 года, например, получил вызов в сборную России, приехал в Черкизово к концу матча «Локомотива» с греческим АЕК на Кубок кубков при счете 1:1, который не устраивал нашу команду. Поднялся в ложу, встал за спиной Филатова, во всем облике которого

читалась обреченность. Подбодрил его: «Не волнуйтесь, на последней минуте наши обязательно забьют». Некоторые обернулись, посмотрели на меня как на ненормального. А тут угловой, и Чуг (Игорь Чугайнов. – *Прим. автора)* забивает решающий гол, «Локомотив» – в полуфинале. Филатов бросился ко мне: «Вовремя ты приехал, иначе нам была бы труба!» «А вы почаще меня вызывайте», – поддержал я шутку.

В Португалии мне назаписывали кучу ярких моментов матчей с моим участием. Их просмотр помогал и в дальнейшем лучше настроиться на тот или иной поединок, подкидывал дополнительных силенок. Смотрел на себя частенько и, случалось, поражался: ну как умудрился отбить? Не меньшее удовольствие получаю от классных действий других вратарей. Никакой зависти здесь и в помине нет.

За четыре с половиной сезона в Португалии я сыграл около двух третей всех матчей. Для вратаря в профессиональном футболе это приличный показатель. Лишь единицы играли постоянно – Касильяс, Буффон, Канисарес, Бартез. Но они и стоили соответственно. Я же себя отношу к средним вратарям, каких немало. За то время, что прожил в Португалии, поиграл в Лиге чемпионов, увидел много классных команд, приобрел массу знакомых, язык освоил, узнал, что такое жизнь на Западе, – словом, расширил мировосприятие. И Прюдомм, и Байя – кумиры сотен тысяч людей. Преодолеть стереотип мышления болельщиков очень трудно. Но мне удалось это сделать – и в «Бенфике», и в «Порту». На какое – то время. Для того чтобы затмить западных звезд, нужно, наверное, быть Львом Яшиным. Байя – это символ «Порту». И человек он хороший. Любовь к Байе у болельщиков заложена чуть ли не на генном уровне. Когда ты пропускаешь гол, на трибунах говорят: «Витор взял бы». А вообще – то два года в «Порту» я играл до ошибки. Допустил ее – меня убрали. За границей вратарь – иностранец должен быть на две головы сильнее местных. Иначе целесообразнее купить легионера в нападение. Но когда уезжал, подходили болельщики и просили: «Оставайся, не покидай клуб». Кстати, у меня и с болельщиками «Бенфики» хорошие отношения остались. Казалось бы – человек ушел в стан «Порту», непримиримого соперника, но меня всегда встречали аплодисментами. Сейчас переживаю и за «Порту», и за «Бенфику». Может быть, в чем – то мне не повезло – удача в футболе не последнее дело. Возможно, в каких – то моментах должен был поступить иначе, поменять клуб, страну.

Покидал Португалию со светлыми чувствами: и страна нравилась, и болельщики «Порту» успели полюбить меня. Да и с Дмитрием Аленичевым, ставшим моим партнером по «Порту»,

грустно было расставаться. Мы дружили семьями, поддерживали друг друга.

– Я жалел, что Овчинников уехал, не хотел его отпускать. Но и понимал Сергея – чтобы попасть на чемпионат мира, нужна практика. А в «Порту», как бы он ни играл, номером один всегда оставался Витор Байя, пусть даже годом раньше лучшим вратарем чемпионата признали Овчинникова.

Дмитрий Аленичев, полузащитник «Порту» и сборной России. «Спорт – Экспресс». 2002 год.

Но вскоре счастливые воспоминания омрачились. В начале следующего года португальские налоговые органы отобрали у меня дом в Лиссабоне. Дом был сказочный, на берегу океана. Когда в Порту играл, запросто мог вечером рвануть поужинать в Лиссабон, а это 350 километров в один конец, настолько мне в этом доме было уютно. Вложил в него половину того, что там заработал. Потерял полмиллиона долларов.

Я не единственный футболист, пострадавший от португальских налоговиков, и своей вины тут не вижу. Просто в этой стране принята такая практика – раздевать по полной программе уезжающих из Португалии легионеров. Не я один пострадал. Если легионер уезжает, стараются отобрать его недвижимость. Мне выставили счет за то, что якобы не платил налоги. Но я их платил. Спортсмен платит налог 22 процента, бизнесмен – 44. Когда я уехал, мне посчитали именно 44. Ныне покойный венгр Фехер так попал, Кульков, Кандауров… Аленичева едва коснулось, он, нашим примером наученный, спохватился. Требовалось подавать какие – то декларации. Мы не подавали, но за это полагается всего – навсего штраф. Тем паче вина не наша, а наших агентов. Никто в Португалии с налоговой полицией не связывается. Те живут по своим законам. Я тридцать три суда прошел – и, кстати, их не проиграл. Все говорили, что прав, но дело не рассматривали: «Раз первый суд так решил, значит, мы присоединяемся». Только и остается говорить, что жизнь на этом не заканчивается. Жив – здоров – и слава богу. Можно было обратиться в Европейский суд, но мне отсоветовали: «Бесполезно – на адвоката еще больше денег выкинешь». Обидно было – не передать. Этот случай смазал отношение к стране. В знак протеста я даже выкинул вид на жительство в Португалии, не хотел, чтобы меня что – то связывало с ней.

– Когда на последнем собрании «Спартака» в

прошлом сезоне Станиславу Черчесову объявили, что клуб в его услугах не нуждается, он сказал президенту Андрею Червиченко: «В России есть только один вратарь сильнее меня. Если я не нужен – возьмите его. Этот вратарь – Овчинников.

«Спорт – Экспресс». 2002 год.

До 2002 года, когда мы с «Локомотивом» заняли первое место в чемпионате, меня иногда посещали мысли, что, возможно, я так и не успею выиграть золотые медали. Мог, конечно, остаться в «Порту». В этой команде рано или поздно стал бы чемпионом. Неважно, в каком качестве – первого или второго номера. Но когда в начале 2002 года Юрий Павлович позвонил и позвал обратно, у меня была глубокая убежденность, что мы именно в этом году и выиграем чемпионат. «Локомотив» уже тогда выглядел сильной командой, был достоин «золота». В итоге так и получилось. Та медаль, кстати, – самая ценная в моей карьере.

– Из «Локомотива» ушел хороший вратарь, а пришел очень хороший – Овчинников.

Юрий Семин, главный тренер «Локомотива» – 2002. «Спорт – Экспресс».

Золотое возвращение

Я уже отметил, что комфортнее всего мне было в «Локомотиве» 1995 года. В клубе работали, играли порядочные, добрые, отзывчивые люди. И по прошествии полутора десятков лет, мы, игроки той команды, по – прежнему держимся вместе.

Возвращаясь же в Москву зимой 2002 года, я испытывал даже определенное чувство неловкости. Состав «Локо» заметно поменялся, хотя многие появившиеся в команде после моего отъезда в Португалию футболисты меня наверняка знали. И все же заново начинать в родной команде тоже непросто, старые заслуги в футболе роли не играют. Но все проблемы были сняты на первом же сборе, во время которого я полностью освоился. Увидел, что «Локомотив» – дружная, веселая команда, признал в ней прежний локомотивский дух, появилось ощущение, что вернулся домой. Оно усилилось, когда на церемонии награждения «Локо» серебряными медалями меня приветствовал огромный транспарант, принесенный болельщиками: «С возвращением, Сергей!» Не скажу, что я сентиментальный человек, но тут мурашки пробежали по телу. Видимо, это комплекс из детства – когда откровенно хвалят или оказывают повышенное внимание, испытываю неловкость.

> – Приглашая Овчинникова вместо лучшего на тот момент голкипера страны Нигматуллина, Семин сделал сильный ход. В команду пришел настоящий мужик, и «Локо» пережил смену вратарей безболезненно. Кстати, считаю, на чемпионате мира Нигматуллину не хватало конкуренции. Решение поберечь его психику было ошибочным – если бы в Японию поехал Овчинников, для нашей команды все могло бы сложиться по – другому.
>
> *Александр Прохоров, в прошлом вратарь «Спартака», минского, киевского «Динамо» и сборной СССР. «Спорт – Экспресс». 2003 год.*

В каком – то интервью своего португальского периода я назвал себя гражданином мира, утверждал, что мне везде хорошо. А дома все – таки лучше! Наверное, словосочетание «гражданин мира» придумали люди, живущие за границей, чтобы как – то бороться с ностальгией. Но домой тянет всех и всегда.

По сравнению с 1997–м, годом моего отъезда в Португалию, полностью сменился состав «Локо», требования стали намного

выше, команда прибавила в тактическом мастерстве. Каждый прекрасно понимал, что от него требовалось, ясно представлял задачи, поставленные перед ним тренером. В мою бытность игра строилась на отдельных личностях – Косолапове, Чугайнове, Елышеве, Оганесяне, Гарине. Со временем появились новые лидеры – Измайлов, Лоськов.

Вернувшись в «Локомотив», я сразу добился лучшего в карьере коэффициента непробиваемости – 0,45 гола за матч в чемпионате страны и вновь стал основным в национальной сборной. Меньше голов за сезон я никогда не пропускал. Хотя и раньше случались удачные отрезки в чемпионатах. 2002 год для «Локомотива» выдался чемпионским, а чемпион и не должен много пропускать. На «отлично» сыграл весь наш оборонительный альянс: защитники, полузащитники. Впрочем, вся команда продемонстрировала невиданную прежде надежность, уверенность в себе. У меня, конечно, не обошлось без удачи, которая для вратаря играет не последнюю роль. Было несколько игр, в которых нам явно везло, например, на выезде с «Ураланом», «Зенитом», «Шинником», «Аланией», когда то в меня мячом попадали, то в штангу, то мимо ворот с метра били, как, например, Попов в матче первого круга с ЦСКА. Приятно было чувствовать, что удача тебя любит, это здорово придает уверенности, сил. И что любят болельщики – к золотому матчу они вдохновляли меня баннером: «Овчинников – номер один навсегда!»

Интереснее, счастливее года в моей карьере не было. На встрече с болельщиками перед началом сезона я сказал, что главная мечта моей жизни – выиграть с «Локо» звание чемпиона России. Потому что «Локомотив» для меня – гораздо больше, чем футбольная команда. Это мой второй дом. Лучшие годы моей жизни прошли в «Локомотиве» в окружении замечательных людей. А наша победа в чемпионате – не только футбольный, но, наверное, и мой жизненный пик.

> Овчинников – 7,5. Не допустил ни одной ошибки. Парировал несколько опасных ударов. Отразил в добавленное время опаснейший удар низом Гусева с близкого расстояния.
>
> *Оценка «Спорт – Экспрессом» игры Сергея Овчинникова в золотом матче с ЦСКА. 2002 год.*

Находиться в «Локомотиве» 2002 года было счастьем для каждого из нас. Атмосфера потрясающая! В этом было наше маленькое преимущество перед ЦСКА, которое и позволило

завоевать первенство. Я когда – то мечтал завоевать с «Локомотивом» золотые медали, потому что клуб никогда их не выигрывал. И пусть после чемпионского мы завалили следующий 2003 год – весь сезон праздновали! – зато люди узнали, как это бывает, какие это праздники.

Самый тяжелый момент в моей карьере – золотой матч с ЦСКА. Поражение в тот зябкий вечер 21 ноября стало бы для меня, для всех нас катастрофой. Прежде «Локомотив» никогда так близко не подбирался к чемпионству. И если бы мы не воспользовались представившимся шансом, у игроков пропала бы вера. Не убежден, что потом мы сумели бы выйти на уровень, который принес нам успехи в Лиге чемпионов. А после победы в главном для некоторых из нас матче всей жизни мы стали гораздо сильнее духом.

– Удар армейца Гусева в компенсированное время притянули, как магнит, руки блестящего Овчинникова.

Александр Просветов. «Спорт – Экспресс». 2002 год.

– Наш голкипер в очередной раз показал свой высокий класс. Он начинал свое восхождение с «Локомотивом», а сегодня принес нам золото.

Юрий Семин, главный тренер «Локомотива». Пресс – конференция после золотого матча–2002.

– А еще «Локо», мне кажется, победил потому, что Овчинников не мог проиграть Нигматуллину.

Мощь овчинниковской натуры подавила несколько рефлексирующего Нигматуллина, на котором, полагаю, лежит доля вины за пропущенный гол.

Игорь Рабинер. «Спорт – Экспресс». 2002 год.

К золотому матчу мы подошли, не побоюсь этого сравнения, с европейским уровнем игры, который постепенно набирали, третий раз стартовав в Лиге чемпионов. Особенно запомнился матч первого группового турнира в Стамбуле с «Галатасараем». Неделей ранее мы проиграли «Барселоне» на «Ноу Камп» – 0:1, но игру показали классную. Юрий Семин, перед началом барселонского матча мечтавший о ничьей, после поражения воскликнул: «Какая ничья, мы должны были победить!». И тренер каталонцев Луи ван Гал расщедрился после матча на

комплименты в наш адрес, которых досталось и на мою долю. «Мне очень вратарь Овчинников нравится», – сказал он.

В Стамбуле мы поселились в шикарном отеле «Кемпински», и вечером Семин собрал нас. «Главное, не бойтесь, сыграйте в свою игру, держите свою марку», – начал он свою речь. Тут мой взгляд упал на недоуменное лицо Вадика Евсеева. «Юрий Палыч, что вы такое говорите? – удивился он. – Да мы завтра выйдем и выиграем». «Ладно, готовьтесь как следует», – смутился Семин. Назавтра приехали на стадион, а он уже битком, публика ревет, чего – то уже подожгла, вывесила плакат на русском языке: «Добро пожаловать в ад!» «Они еще не знают, что такое ад, – изрек Евсеев. – Через два часа узнают». Мы выиграли – 2:1 и довольно легко. Повели 1:0, турки сравняли счет, мы забили второй гол. А в конце, конечно, мы отбивались. Но случались матчи и посложнее. После игры шли навстречу Семину веселые, радостные: «Мы же говорили.» Тогда у нас была очень сильная команда, никого не боялись. С этой победы мы начали свой первый путь во второй групповой турнир Лиги чемпионов.

Удался мне тогда и матч с «Брюгге» в гостях, в паре – тройке серьезных эпизодов удалось выручить команду. Бельгийцы нас сильно прижали, упарился даже время тянуть. Но я люблю играть, когда на трибунах много болельщиков, а сами трибуны расположены близко к воротам. Матч в Брюгге был из этой категории.

> – Овчинников чуть ли не в одиночку вытащил матч Лиги чемпионов в Брюгге.
>
> *Игорь Рабинер. «Спорт – Экспресс». 2002 год.*
>
> – В Брюгге Босс был непробиваем.
>
> *Юрий Бутнев. «Спорт – Экспресс». 2002 год.*
>
> – «Локомотив» более рационален, он делает ставку на железную дисциплину и мощную оборону. Плюс Овчинников. Его великолепная игра против «Брюгге» лишний раз подтверждает крылатую фразу о том, что вратарь – полкоманды.
>
> *Егор Титов, капитан «Спартака». «Спорт – Экспресс». 2002 год.*

В компании звезд мирового уровня

В чемпионате–2002 я установил свой сезонный рекорд – 20 «сухих» матчей. А в декабре того же года получил приглашение сыграть за сборную мира в прощальном матче форварда сборной Объединенных Арабских Эмиратов Аднана Аль – Тальяни, который блистал в 80–90–е годы и считается лучшим арабским игроком всех времен. Матч состоялся 3 января 2003 года в Абу – Даби и стал событием в моей карьере – майка, в которой играл, хранится в музее Ивана Кирилловича Овчинникова – моего папы. Там же, где и все премии «Стрелец».

В аэропорту Дубая меня забрали прямо с трапа самолета. На шикарной машине мы проехали сто километров до Абу – Даби без остановок за 35 минут. Всех игроков и тренеров команды поселили в шикарном отеле Emirates Palace, в котором для нас было все бесплатно. Нашим соперником был туринский «Ювентус», проводивший в ОАЭ подготовительные сборы ко второму этапу национального чемпионата. В его составе против сборной вышли звезды мирового уровня Буффон, Феррара, Дзамбротта, Давидс, Недвед, Дель Пьеро, Трезеге…

В сборной мира были представлены действующие знаменитости, игроки старше 30 лет – аргентинец Батистута, итальянец Синьори, либериец Веа, хорват Сольдо, австриец Херцог, нигериец Уэст, турок Бюлент… Настолько простые ребята! Я поражался – невероятное уважение к личности! Кто для них вратарь Овчинников? Ну, по Лиге чемпионов они меня немного знали. А тут чувствую: ни тени сомнения в моем мастерстве. Если ты в сборной, значит, уже в порядке. Ощутив доброжелательность звезд, понял: чем выше классом футболист, тем проще с ним общаться. И наоборот: чем он слабее, тем больше из него дерьма лезет.

На вечернюю тренировку накануне матча я опоздал со своего рейса, а в полдень следующего дня нас собрали всех вместе, тренеры – француз Брюно Метсю, возглавлявший на чемпионате мира–2002 сборную Сенегала, и хорват Томислав Ивич объявили состав. Метсю – оказался большим оригиналом. Его установка на игру выглядела предельно лаконичной: «Здравствуйте. Я, кроме Батистуты и Веа, никого из вас не знаю, так что амплуа выбирайте себе сами».

Футболисты «Ювентуса» вышли из кратковременного отпуска, были в приличной форме, а в нашей команде ребята возрастные, и после паузы им тяжело было. Первый тайм еще продержались – 0:0. В створ моих ворот попало ударов пять –

шесть. Без везения не обошлось, да и партнеры здорово помогали. Во втором тайме меня на полчаса сменил грек Никополидис, а остальное время играл арабский вратарь Мусабах, который в конце встречи отразил пенальти, но в итоге мы проиграли – 2:4. Матч получился веселым, и вообще было интересно пообщаться с иностранными звездами. А в перерыве Милене Домингес, жена знаменитого Роналдо, демонстрировала дриблинг, чеканила мячом. По окончании матча ко мне подошел шейх, которому понравилась моя игра, попросил майку и удвоил мой гонорар. А я и сам не ожидал, что так прилично сыграю, все – таки в отпуске находился больше месяца, слегка поправился и вообще не тренировался. Тем не менее три – четыре раза за тайм команду выручил, отбил трудные мячи после ударов Дель Пьеро и Недведа. Пришлось нам тяжеловато, я старался страховать оборону, держал паузы перед вводом мяча в игру, в общем, как мог, облегчал игрокам жизнь. Ребята в перерыве поднимали в раздевалке по моему адресу большие пальцы. А потом «Ювентус» еще прибавил, и силенок им не хватило. В перерыве матча Джузеппе Синьори, которого тоже заменили, пригласил меня выйти покурить с ним. Покурили, поболтали, прекрасно понимали друг друга, хотя он говорил на итальянском, а я на португальском. Синьори оказался настоящим футбольным фанатом, знающим все лучшие европейские команды и даже их игроков. Он поинтересовался, как там «Локомотив», и стал называть имена наших ветеранов, спрашивать, чем они сейчас занимаются. Он просто поразил меня. Я не знал, где в данный момент, например, Игорь Яновский, вообще забыл о нем, а итальянец всех помнил и поставил меня в неловкое положение. Рассказал, что следит за «Локомотивом», знает, что мы впервые стали чемпионами, назвал даже вехи моей карьеры, чем сразил меня наповал. Удивил он и сообщением, что в Италии есть люди, увлекающиеся российским футболом, которые собираются вместе, обсуждают что – то, спорят.

Во время ужина вечером после матча к нам за столик подсел Джордж Веа, выступавший за лондонский «Арсенал», первым вопросом которого ко мне был: «А не хотел бы ты поиграть в «Арсенале»? Подумай». Вопрос оказался не праздным, последовало и продолжение.

В 2003 году «Арсенал», которому требовался опытный второй голкипер, в том числе и для Лиги чемпионов, сначала рассматривал четыре кандидатуры – вратаря сборной Германии Леманна, испанской «Валенсии» Канисареса, какого – то аргентинца и мою. В итоге остались две фамилии: я и Леманн. Те, кто подешевле. Тут, к сожалению, а может быть, и к счастью,

случился злополучный эпизод по окончании матча «Локомотива» с «Зенитом», когда я повздорил с питерским тренером Боровичкой. Агенты Леманна мне тот эпизод в пику и поставили. Арсен Венгер, главный тренер «Арсенала», на совете, когда решалось, кого «канонирам» покупать, меня или немца, высказал свое решающее мнение: «Слишком уж этот Овчинников вспыльчивый, а нам сумасшедшие не нужны». Однако признаюсь, я и сам – то не горел желанием ехать в Лондон, говорил: «Если «Локо» решит – уеду. Но быть вторым вратарем даже в «Арсенале» не хочу». Возможно, и эта информация дошла до Венгера, и он подумал: зачем приглашать игрока в команду против его воли? Знаю, что переговоры с «Локомотивом» велись два – три дня, «канониры» очень хотели меня взять. Но купили немца, который оказался еще и дешевле, стоил два миллиона долларов, а за меня «Локомотив» четыре просил. Я тоже «одобрил» кандидатуру Леманна, порядочного, добродушного парня, заводилу в любой компании, который характером сродни мне: может и вспылить в ответ на какую – то несправедливость или если его не ставят в состав. Осенью 2003 года «Локомотив» встречался с «Арсеналом» в групповом турнире Лиги чемпионов, и тренерам «канониров» представилась наглядная возможность сравнить двух бывших кандидатов в их команду. Не знаю, какие выводы они сделали, но отклики британской прессы оказались комплиментарными по отношению к нам обоим.

– Отличную игру в матче с «Арсеналом» продемонстрировал Овчинников.

BBC, Англия.

– Овчинников сыграл выше всяких похвал, отразив удары Пиреса и Коула.

Sky Sports. Англия.

Нам стало все равно с кем играть

Болезненным оказался для нас 2003 год, когда «Локомотив» остался без трофеев, а я пропустил 25 мячей в 25 матчах и схватил пятиматчевую дисквалификацию. Поразительно, что ни тогда, ни потом Юрий Палыч не попрекал меня этим. И он, и клуб своих игроков, наоборот, всегда защищали. Да, один на один Семин говорил много резких слов, но о том кроме нас с ним больше никто не знает.

> – У нас Овчинников и характером, и работой, и игровыми качествами прочно держит за собой первый номер. Ему не привыкать выносить главную нагрузку.
>
> *Юрий Семин, главный тренер «Локомотива». «Спорт – Экспресс». 2003 год.*

Тот год «Локомотив» начал удачно – с выигрыша Суперкубка России в матче с ЦСКА, который в игровое время завершился вничью – 1:1. Но я отбил все четыре послематчевых пенальти, и приз достался нам.

Но в чемпионате дела у нас не заладились. Зато здорово выступили в Лиге чемпионов.

Семин лучшим матчем «Локомотива» в еврокубках называл московский с «Миланом», а потом опять же московский с «Реалом» весной 2003 года. Оба раза мы проиграли с одинаковым счетом 0:1, в первом получили гол с пенальти, во втором играли потрясающе, созидали лучше, чем «Реал», имели много выгоднейших моментов, а гол пропустили в результате единственной грубой ошибки. Оба матча по содержанию, по накалу действительно получились прекрасными.

Годом раньше мы в Москве обыграли «Реал» – 2:0, что любая команда посчитала бы историческим достижением. Однако многие тогда принижали значение победы «Локо», утверждая, что москвичи обыграли мадридских дублеров. Но, во – первых, у таких грандов нет разделения на основной состав и резервный. В том же «Реале» на каждую позицию есть три – четыре равноценных кандидата, которые спят и видят себя на поле. Когда им дается шанс, они выкладываются на полную катушку. Во – вторых, в Лиге чемпионов платят большие деньги, и ни один тренер не станет выставлять состав, который заведомо обречен на поражение.

Мне же запомнился и матч с «Реалом» на «Сантьяго Бернабеу»

– последний, декабрьский матч сезона–2002. Мыслями мы уже были в отпуске, иначе наверняка грохнули бы этот «Реал». Хотя команда у них была очень сильная. Нам в паре моментов на первых минутах повезло, и все равно мадридцы свой гол забили. Но мы его отквитали, потом еще раз добились успеха, а в ответ получили нелепый гол с подыгрышем рукой от Рауля. Думаю, правда, что они все равно забили бы нам не этот гол, так другой. При счете 2:2 они нас поприжали, но мы выстояли, а финальный свисток прозвучал, когда Джеймс Обиора убегал с центра поля к воротам Касильяса. Не факт, что наш нигериец вышел бы один на один с вратарем, но английский судья Барбер подстраховался, свистнул на несколько секунд раньше окончания добавленного времени. Все были рады и ничьей – 2:2, все – таки уровень «Локомотива» и «Реала» был несопоставим. Хотя и хваленый удар Роберто Карлоса оказался не таким уж разящим, как его расписывали. Пару раз он шмякнул, я поймал. Достойно мы выглядели.

> – Этот вратарь с «хвостом» на голове больше всего напоминал вышибалу из дискотеки, который жестко пресекал все попытки хулиганов разгуляться в его владениях.
>
> *Газета AS. Испания.*

Понравился мне и наш московский матч с «Шахтером» в августе 2003 года, прежде всего по накалу. Семин тогда еще назвал его самым важным в своей тренерской карьере. Палыч тогда почему – то излишне нервничал, что было для него нетипично, от него какое – то напряжение передалось и нам. Тем более что в Донецке мы уступили – 0:1, причем «Шахтер» не использовал несколько стопроцентных моментов.

> – Эпизод из первого тайма, когда мне удался удар головой в падении после подачи с фланга, целиком «на совести» Овчинникова. У него потрясающая реакция! Если бы не Овчинников, все решилось бы уже в Донецке.
>
> *Алексей Белик, нападающий «Шахтера». «Спорт – Экспресс». 2003 год.*

Но ничего, в Черкизове выиграли. Вели – 2:0, и тут «Шахтер» один гол отквитал, а 2:1 нас совершенно не устраивало. И когда на 86–й минуте судья показал на «точку», а Игнашевич пошел исполнять пенальти, я думал только об одном: чтобы Сергей

попал в ворота, отразить его удар невозможно. А он как дал Плетикосе в самую «девятку»! Ну, все, выиграли.

– Об игре Овчинникова с «Шахтером» – исключительно с восклицательными знаками! Страж ворот чемпиона и на выезде выручал, и в Черкизове, помимо всего само собой разумеющегося, вытащил «мертвый» мяч от Бахарева.

Юрий Иванов. «Спорт – Экспресс». 2003 год.

Против «Интера», когда выиграли в октябре того же 2003 года на черкизовском стадионе 3:0, мы выглядели просто командой – машиной. Приходилось слышать, что, мол, «Интер» приехал к нам в гости не в порядке. Но и мы в период матчей с «Миланом» были не в порядке, но ни о каком снисхождении к «Локомотиву» тогда и речи не было. А «Интер» играл боевым составом, как он мог быть не в порядке? Тем более что потом он обыграл «Арсенал» в Лондоне. «Арсенал» тоже, что ли, был не в порядке? Почему, когда наша команда выигрывает, мы начинаем искать оправдание соперникам? Главным для нас должно быть, что мы в порядке, играем так, что соперник выглядит плохо. Как раз на этом воспитывается психология победителей.

– Лучшим игроком нашего чемпионата я бы назвал голкипера «Локомотива» Сергея Овчинникова. И мое мнение основывается отнюдь не на впечатлении, которое произвела на меня игра с «Интером». Считаю, Овчинников на протяжении всего сезона демонстрировал стабильную игру и был лидером своей команды, которая на данном этапе, на финише сезона, является сильнейшей в нашей стране. Вспомните, какие результаты показывали железнодорожники, когда Овчинникова не было в воротах. Уверен, если бы не пятиматчевая дисквалификация Сергея в самом начале первенства, «Локомотив» составил бы реальную конкуренцию ЦСКА в борьбе за золото.

Александр Бубнов, в прошлом защитник «Динамо», «Спартака» и сборной СССР. «Советский спорт». 2003 год.

Первые минуты не предвещали «Интеру» крупного поражения, в его составе были сильные игроки, вначале создавшие у наших ворот несколько голевых моментов. Но мы

сыграли очень грамотно, выполнили все, что Палыч нам наказывал, вскрыли слабые стороны соперника, все, что тренер предлагал, реализовали на поле. А Дима Хохлов забил фантастический гол – с угла штрафной головой в дальнюю «девятку». Через пару дней мы смотрели видеозапись матча на базе, снова радовались, и видели, с какими каменными лицами защитники «Интера» уставились на своего вратаря Тольдо: мол, как можно пропустить после удара головой с такой дистанции. Но и с моей точки зрения взять этот мяч было просто нереально.

– Знаю Сергея Овчинникова, который уверенно играет не только за «Локомотив», но и за сборную России.

Альберто Дзаккерони, главный тренер миланского «Интернационале». «Спорт – Экспресс». 2003 год.

Очень хорошим получился и ответный наш матч с «Интером».

Весной, направляясь из раздевалки стадиона «Сан Сиро» на первый матч с «Миланом», мы испытывали некоторое волнение – ведь ступали на газон одной из самых престижных европейских арен. А выход на матч с «Интером» уже получился для нас будничным – привыкли. Ни стадион, ни громкое имя соперника уже не будоражили воображение. С какого – то момента нам стало все равно с кем играть. Хозяева, как им и полагается, нас немножко придавливали, но мы все равно пребывали в полной уверенности, что не проиграем. Такая уверенность характеризует класс команды: ну, давят и давят, потерпим, а будет момент, забьем. Наши ребята очень надежно сыграли в обороне. Команда высокого класса, такая, как «Интер», умеет выжимать голы из минимума выгодных ситуаций. И то, что мы пропустили в матчах с ним всего один мяч, лучшая характеристика действий «Локо» в обороне. Но мы не прятались в глухую защиту и не сбивались на навал, продолжали играть на контратаках и были вознаграждены: Лось шваркнул метров с 35 – рикошет и гол. Нас это устроило. Сильным везет.

– В тех редких случаях, когда нападающий «Интера» Кристиан Вьери оказывался на убойной позиции, блестяще играл вратарь железнодорожников Сергей Овчинников. В середине второго тайма Вьери расстреливал его метров с десяти. Босс парировал не только первый удар, но и повторный.

«Спорт – Экспресс». 2003 год.

– При каждом удачном действии Сергея Овчинникова итальянские журналисты, сидевшие неподалеку от бригады «СЭ», качали головой и поднимали вверх большие пальцы. То же самое они сделали, даже когда Вьери попал в перекладину. «Ваш голкипер заколдовал свои ворота!» – сказал мне один из итальянцев после финального свистка. И он был недалек от истины. Все, что голкипер «Локо» вчера мог отбить, он отбил.

Юрий Бутнев. «Спорт – Экспресс». 2003 год.

– Отдельных похвал от испанских журналистов удостоился Сергей Овчинников, которого пресса называет «великолепным».

«Спорт – Экспресс» после матча с «Интером» в Москве. 2003 год.

Запоминающейся получилась победа над киевским «Динамо» спустя месяц после «Интера». Прежде всего тем, что решающий гол забил самый техничный в кавычках наш футболист Паркс. Киевский вратарь Александр Шовковский на последних минутах вместо того, чтобы кулаком выбить из штрафной верховой мяч, начал его ловить. А Паркс стоял рядом. И опускаясь на траву, вратарь стукнул костариканцу по голове мячом, который выпустил из рук, и стал кричать судье: мол, нарушение правил. А какое нарушение, если Паркс просто стоял. Два защитника бросились на защиту ворот. Нормальный форвард щечкой легонько ударил бы в створ, и один из защитников, понимая это, занял оптимальную позицию на линии ворот. Но Паркс обладал столь «своеобразной техникой», что мяч угодил ему в голень и залетел в сетку по совершенно непредсказуемой траектории.

– Мне очень понравился вратарь Овчинников. В какие точки ни били бы наши нападающие, он всегда оказывался именно там. Это высший показатель вратарского мастерства. А как он руководит обороной! Просто молодец!

Йожеф Сабо, вице – президент ФК «Динамо» (Киев). «Спорт – Экспресс». 2003 год.

В 1/8 Лиги чемпионов весной 2004 года мы, считаю,

проиграли «Монако» еще дома, хотя матч завершился нашей победой – 2:1. Игра нам не удалась, потому что своего большого преимущества мы не реализовали. Надо было забить еще хотя бы один мяч, и мы прошли бы в четвертьфинал, даже проиграв в гостях – 0:1. Хотя по содержанию первый тайм матча в Черкизове с нашей стороны был просто превосходным. Но во втором пропустили обидный гол, который нас и «похоронил». За отбитый пенальти в ответном матче с «Монако» меня превозносили. Тем более что и в чемпионате России я отразил 11–метровый от Парамонова из «Амкара». Но сам я за собой никакого героизма не ощущал. Прыгнул, отбил – ну и слава богу. Забитый или отраженный пенальти – не заслуга бьющего игрока или вратаря, а чистой воды лотерея.

Вылет из Лиги чемпионов от «Монако» считал тогда самым большим разочарованием в своей жизни. До сих пор убежден, что «Локомотиву» по силам было дойти до финала Лиги чемпионов. А в итоге туда попал «Монако», который в Черкизове мы превосходили на три головы. Да и в Монте Карло, играя полтора тайма вдесятером, сражались на равных. Если бы не судейство. Ох, уж этот треклятый Лусилиу Батишта!

Из пяти матчей, признанными прессой самыми неудачными для Юрия Семина в «Локомотиве», я играл только в одном – домашнем с «Баварией».

«Локомотив» 2002 года сильно напоминал команду 1995–1996 года, прежде всего человеческими качествами игроков. Позже этого уже не было. Мы были объединены одной целью – стать чемпионами, удивительно совместимы друг с другом, нам было интересно в общей компании, играли и праздновали вместе, дружили даже наши семьи. У нас был прекрасный тренер, замечательный президент клуба, шикарный стадион, не хватало только чемпионского золота. Но мы к нему стремились. И Семин тоже ценил эту обстановку, понимал нас. Уже став тренером, я говорил футболистам «Кубани», что гораздо приятнее вспоминать не победы, не завоевание титулов, а счастье пребывания в прекрасной командной атмосфере. Для меня время 1995–1996 и 2002 годов самое счастливое. И наша задача, говорил я им, создать такую атмосферу, чтобы и вы спустя годы вспоминали о ней с теплотой.

Сто матчей на ноль

Мы были настолько спаяны, что и выделять кого – то нет никакого желания. Никого из 20 футболистов не могу вычеркнуть из общего списка. Всем понятно, что Дмитрий Лоськов был видной фигурой не только как капитан команды. Его лучшие игры выпали на 2002 год. Он забивал самые нужные голы, в том числе и в «золотом» матче с ЦСКА. Дима проявлял великолепные организаторские способности, являлся проводником идей тренера на поле, вносил креативность в игру команды.

– В 2004 году никто не верил, что мы победим в чемпионате. Один Серега Овчинников говорил, что «Локомотив» станет чемпионом. Слушайте умных людей!

Дмитрий Лоськов, полузащитник «Локомотива» и сборной России. «Советский спорт». 2007 год.

Потрясающим парнем был Бобо Лекхето, которому надо было родиться белым и русским. Оборона вообще выглядела настоящим монолитом. Я досконально знал манеру поведения своих защитников, они – мою, понимали друг друга с полуслова. Даже сейчас Дима Сенников говорит мне: «Тебя в воротах не хватает. Ты все время подсказывал, что мне делать, а теперь некому». Шутит, конечно, но защитникам приходится легче, когда вратарь постоянно координирует их действия, предвидит развитие атаки соперниками на два – три хода вперед.

– Овчинников – настоящий лидер. И на поле, и в жизни. По сути своей он победитель, проигрывать ненавидит, его возвращение в «Локомотив» во многом предопределило наше чемпионство в 2002 году. Многим кажется, что Овчинников слишком часто кричит на защитников. Но это – не крик, а своевременные и нужные советы. Мне его подсказки очень помогают. В обычной жизни он гораздо мягче, а если на поле от него кому – то ненароком достается, после матча наш вратарь всегда пытается извиниться. Человек он компанейский, хочет сплотить команду сильнее, чтобы мы были единым целым. И у него это получается.

Дмитрий СЕННИКОВ, защитник «Локомотива» и сборной России. 2003 год.

Гена Нижегородов у нас в центре обороны тогда здорово играл, это были его лучшие годы, Сеня (Дмитрий Сенников. – *Прим. автора)* – тоже, Игнат (Сергей Игнашевич. – *Прим. автора)* пришел и сразу закрыл брешь, образовавшуюся с уходом Чугайнова. С ним мы начали играть в линию. Он был помоложе и побыстрее Чугайнова, постоянно рос как футболист. Милан Обра – дович, хороший футболист, уверенно закрывал правый фланг обороны. Вадим Евсеев – это целая легенда, мало того, что первоклассный защитник, привнесший в наш коллектив частичку победного спартаковского духа, так еще из его «речей» можно было составить целый сборник афоризмов. После каждой нашей победы, например, Вадик влетал в раздевалку и своеобразно поздравлял всех: «С «капустой» вас, мужики!»

В атаке здорово играли Руслан Пименов и Джеймс Обиора. Пима был хорошим форвардом, но в футболе не все звезды долго горят – кто – то «светит» десять лет, а кто – то год. Руслан в молодости задал себе сразу высокую планку, которую, к сожалению, потом снижал, а не повышал. Хотя, зная его как человека, не могу предположить, что он подвергся звездной болезни. Думаю, что держать уровень ему помешали травмы, предрасположенность к набору веса. Да и характер у парня непростой. Но человек он прекрасный, и очень жалко, что он выпал из обоймы. Я хотел пригласить его в «Кубань», но по независящим от меня причинам не получилось. А если бы взял, может быть, он заиграл бы опять на своем уровне, я знал, как найти к нему подход.

– Вы прекрасно понимаете, что значит Овчинников для «Локомотива». Полкоманды минимум.

Дмитрий Хохлов, полузащитник «Локомотива» и сборной России. «Советский спорт». 2003 год.

А вот Обиора был тяжелым человеком, ни с кем особо не общался, все больше сидел дома, но пользу приносил существенную. Без него «золота» мы не взяли бы. И хотя Семин как – то отрекомендовал нигерийца как «очень нежного» игрока, на тот момент он был нам необходим. Дмитрий Хохлов приехал назад, в Россию, поиграв и в Голландии, и в Испании, и у нас он держал настоящий европейский уровень. И головой, и ногами – мысль и техника превалировали в его игре.

Многие из той команды могли бы играть в Европе, хотя мне кажется, что в топ – клубах не заиграл бы никто. После локомотивской атмосферы в топ – клубе любому было бы очень трудно адаптироваться. Хотя по уровню мастерства того же

Лоськова можно было ставить в состав самой сильной команды. Как и некоторых других. Косолапов не смог заиграть в Испании, не выдержал и вернулся. И я в Португалии первые полгода по – настоящему страдал от отсутствия рядом своих друзей – одноклубников. В то же время Марат Измайлов играет и хорошо себя чувствует в лиссабонском «Спортинге». Марат – необыкновенный, на самом деле очень сложный человек, всегда остававшийся для меня загадкой. Но игрок классный, одаренный и техническими, и физическими данными, помимо роста. Как говорится, все при нем.

– Не зря его прозвали Босс. Он – душа команды, настоящий лидер, который в трудную минуту может завести партнеров и повести их за собой, несмотря на то, что позиция вратаря, вообще говоря, этому не способствует. Овчинников – ветеран «Локомотива», он прошел с командой долгий путь от становления до серьезных высот и внес большой вклад в достижения клуба. Вне поля это – добрый, отзывчивый человек, который многим помогает – и советами, и делами. К нему всегда можно обратиться и непременно получишь надежную поддержку.

Сергей Гуренко, полузащитник «Локомотива» и сборной Белоруссии. 2003 год.

В 2002 году мне многое удавалось, но не стал бы однозначно говорить, что тот сезон стал лучшим в карьере. Гораздо более успешным для себя считаю сезон–2004, мне он больше понравился с профессиональной точки зрения. И если в 2002–м была большая разница между «Локомотивом» и остальными командами, мы были на ходу, защитники порой даже не подпускали мяч в мои владения, то, как для вратаря, 2004–й для меня ценен намного больше.

– Лучшим игроком матча «Локомотив» – ЦСКА, по моему убеждению, стал Сергей Овчинников: именно благодаря спокойствию и мастерству своего вратаря «Локо» без потерь пережил ужас первых 20 минут. Поставим эту встречу в один логический ряд с ответным поединком против «Монако» – и придем к обнадеживающему выводу: вдохновение вратаря номер один в сезоне–2004–й совпадает с главными матчами.

Игорь Рабинер. «Спорт – Экспресс». 2004 год.

В 2004 году я сыграл на ноль сотый матч в чемпионате. Хотя в газетах и было что – то по поводу 99–го, после него я в трех матчах пропускал. Не придавал своим цифрам особого значения и забыл, что очередной «нулевой» для меня матч – юбилейный. А ближе к концу игры с «Крыльями Советов» Лось (Дмитрий Лоськов. – Прим. автора) крикнул: «Идешь на сотню, держись!» Удачных матчей в том сезоне для меня выпало немало – с «Зенитом» в Петербурге, например.

> – Один только бросок Овчинникова под удар Власова чего стоил. Но дело даже не в этом. По ходу всей встречи от Босса исходила такая уверенность в своих силах, что она невольно передавалась всей команде. Глазом со стороны этого не увидишь. Это надо прочувствовать. Так что, на мой взгляд, эту победу сделал наш вратарь.
>
> *Дмитрий Хохлов, полузащитник «Локомотива» и сборной России о матче с «Зенитом». «Советский спорт». 2004 год.*

В конце 2004 года клуб провел акцию: «Забей пенальти Овчинникову» в рамках борьбы за зрителя. Считаю, что в этом направлении «Локомотив» вел правильную политику, практиковал новые формы привлечения болельщиков. Популяризация клуба входила и в мою обязанность. Тогда была переиздана знаменитая книга Льва Кассиля «Вратарь республики» с моей фотографией, я эту книгу должен был представлять. К нам в Баковку приехали ребятишки, мы пообщались, а потом они били мне 11–метровые. Сам я был бы на седьмом небе, если бы в юном возрасте довелось пробить пенальти Льву Яшину или Ринату Дасаеву.

Осенью 2004 года по пути в Ярославль на заключительный матч первенства с «Шинником», победа в котором обеспечивала «Локомотиву» второе чемпионское золото, мы посетили церковь. Не для того, чтобы выпросить себе расположение фортуны, а получить благословение. У нас тогда очень сильная команда была – удачу мы доставали сами. «Локо» в Ярославле выиграл и стал чемпионом.

> – Овчинников с «Локомотивом» три жизни прожил. В команде, ежиком сворачивавшейся, по – футбольному бедноватой и грубоватой. Потом в команде, действовавшей по принципу ответной реакции на силу сильных. И в нынешней – свободной и прихотливой в самовыражении. Это ведь поискать надо, кто из простых

смертных, не только в футболе, осилил подобные перемены участи и роли!

Юрий Цыбанев. «Советский спорт». 2004 год.

Обычно футболисты в интервью любят говорить: «У меня все впереди». После 2004 года я так сказать о себе не мог. Лучшим, наверное, был год, когда вернулся в «Локомотив», Лига чемпионов, когда мы удачно сыграли с мощными европейскими командами.

В 2005 году «Локомотив» по сравнению с 2002–м сильно обновился. Избежать смены поколений невозможно, а тут еще Игнашевич ушел в ЦСКА. Я уговаривал его остаться, но было видно, что он уже все для себя решил. Что нам оставалось делать: отнеслись к такому его шагу с пониманием. На смену прежнему поколению в «Локомотив» приходили замечательные ребята – Динияр Билялетдинов, Дмитрий Сычев. Динияр на базе поселился в смежной с моей комнате и лишил меня дневного сна: на всю мощь включал музыку, и молодежь собиралась у него. Однажды я зашел к ним: слушают какой – то рэп, спросил, неужели им нравится эта белиберда. «Ты ничего не понимаешь в современной музыке», – отчитали они меня. Тогда я скомандовал: «Чтобы после десяти вечера не включать!» – и ушел. Динияр – парень открытый, очень порядочный, с ним у меня сложились прекрасные отношения, и очень рад за него, слежу за его успехами в английском «Эвертоне». Все с самого начала понимали, что он многого добьется в футболе. Думаю, он еще вернется в «Локомотив».

– Есть в «Локомотиве» человек, который никогда не унывает. Его зовут Сергей Овчинников. Он не дает ребятам раскиснуть, даже если все очень плохо. Хотя не сомневаюсь, что в душе Овчинников переживает не меньше других игроков. Просто виду не подает. Вот бы и мне научиться так переносить неудачи!

Динияр Билялетдинов, полузащитник «Локомотива» и сборной России. «Спорт – Экспресс». 2004 год.

Дима Сычев – более замкнутый, но тоже очень хороший человек и прекрасный футболист, которому выразить себя в футболе мешала тренерская чехарда в «Локомотиве». Уверен, при Семине он покажет себя форвардом европейского класса.

– Овчинников – не только вратарь, а и человек, к которому невозможно относиться равнодушно. Его можно не любить, даже ненавидеть, но большинство его уважает, а некоторые просто обожают. Потому что Овчинников – сильная личность, в чем нет сомнений даже у его врагов. Он давно всем все доказал и в игре, и за пределами поля.

Дмитрий Сычев, нападающий «Локомотива» и сборной России.

Без Палыча

Наша бронза в чемпионате 2005 после ухода в сборную Юрия Семина была расценена как неудача, и возглавлявшему команду Владимиру Эштрекову предложили должность спортивного директора в клубе. При Семине Эштреков был «угрюмым министром», которого и предполагает роль второго тренера, выполнял свою работу на «отлично». В любой момент мог подменить Юрия Павловича в тренировочной работе и в игре. Когда же представилась возможность самостоятельной работы, Владимир Хазраилович не смог проявить себя по субъективным причинам: был сильно зависим от президента клуба, от его окружения, да и председатель совета директоров клуба Липатов уже вовсю влиял на ситуацию. Эштреков не стал полным хозяином в команде, как раньше Юрий Павлович. И его новое «независимое» отношение к Семину отразилось на команде: он лишился доверия игроков. «Если он так поступил с Семиным, что же тогда про нас говорить», – рассуждали многие из них. И у меня во втором круге чемпионата–2005 начались неприятности, в мой адрес посыпались какие – то странные обвинения. Не мог понять, откуда ветер дует, но почувствовал, что от меня хотят избавиться. Было ощущение, что на команду надвигается каток, ломающий все прежние локомотивские устои с целью расчистить поле, чтобы все построить заново. Я тоже считал, что какие – то вещи надо менять, но зачем же рушить целое современное здание, выстроенное по замечательному проекту. На этой базе еще лет пять можно было штамповать медали, не вылезая из Лиги чемпионов. Отношение в клубе к Палычу сильно сказалось на команде. За десять туров до финиша мы уже могли считать себя чемпионами, лидировали с огромным отрывом, а в результате заняли только третье место, имея меньше всех поражений и пропущенных мячей.

На смену Эштрекову пришел сербский тренер Славолюб Муслин. Но и он не проработал с командой и сезона.

Муслин – хороший специалист, и его работу можно оценивать только со знаком плюс. Как при нем команда играла! Из недостатков – некоторый перебор иностранцев. Но это опять – таки на мой взгляд. А насчет увольнения. Не думаю, что поражение от полулюбительского бельгийского «Зюлте Варегем» в Кубке УЕФА все перевесило. Это пустяк! Одна игра, которая уже завтра забудется. Скорее всего, поражение от «Варегема» стало просто предлогом. Возможно, там были какие – то противоречия в клубе, еще что – то. Сменил его на финише сезона Олег

Долматов. Я к нему как к человеку отношусь с огромной симпатией, и тренер он замечательный.

Специалист очень высокого уровня, в России недооцененный. Но Долматов с топ – клубами никогда не работал, у ЦСКА в 98–м году такого статуса еще не было. Может быть, поэтому у него и не получилось в «Локо». Для многих людей «Локомотив» по – прежнему ассоциировался с Семиным. Лучшим выходом из ситуации стало бы возвращение в команду Палыча.

В сборной – как на чужбине

За сборную России я сыграл 35 матчей. Наверное, мог бы и больше. С 1992 года по 2006–й присутствовал почти на всех сборах, за исключением романцевской сборной, которая не вышла на чемпионат Европы в 2000 году.

Впервые в сборную России меня пригласили в 1992 году, когда главному тренеру Павлу Садырину помогали Борис Игнатьев и Юрий Семин, но дебютировал я в ней только 17 февраля 1993 года во время турне сборной по США. Первую игру в Лос – Анджелесе против сборной США ворота нашей команды защищал Черчесов, во второй – с Сальвадором – я, а в третьей, снова с американцами, Стас. Сальвадор мы победили – 2:1. Игра выдалась тяжелой, проходила в сильную жару. Сальвадорцы оказались техничными ребятами, но наша сборная посерьезнее была. Уверенно вели – 2:0, потом они один мяч отквитали. Конечно, очень волновался, но ребята – Витя Онопко, Дима Радченко поддержали: «Не робей, надо же когда – то начинать». Было очень приятно. Вышел, сыграл, все оказалось не так страшно. Осенью в Саудовскую Аравию поехал экспериментальный состав сборной. Жара стояла жуткая, во время разминки чуть сознание не потерял. Первый тайм отыграл прилично, несколько раз выручил команду. Наши открыли счет, но с непривычки быстро задохнулись и встали, судорожно глотая воздух, стали пропускать выходы соперников один на один, пришлось отражать удары в упор. В конце тайма мне забили с необязательного пенальти – с судейством там все понятно было. 1:1. После перерыва игра продолжалась в том же ключе, счет стал 2:2, и тут в один из моментов я столкнулся с игроком соперников и захромал – на голени вздулась огромная шишка. Я бы доиграл, но Семин сказал: «Чего ты будешь мучиться?», и меня заменили торпедовцем Александром Подшиваловым. Ему тут же забили два просто чумовых гола – в «девятки», и – 2:4. При счете 2:3 Сергей Юран не реализовал пенальти, а то сыграли бы – 3:3, минут семь до конца оставалось. Однако помню, что никто не расстроился.

Я присутствовал на всех сборах и во время отборочного турнира к чемпионату мира 1994 года, хотя в матчах не участвовал. Сборная России завоевала путевку в США за тур до окончания квалификации и в случае победы над Грецией выходила в финальный этап с первого места. Но грекам 17 ноября в Афинах она проиграла – 0:1, и это поражение стало поводом сначала для громкого скандала, а потом и знаменитого «письма четырнадцати». Я находился тогда в раздевалке и был

непосредственным свидетелем всех происходивших событий. Главный тренер сборной Павел Садырин по окончании матча просто кипел, Юран, другие игроки – тоже. Когда в раздевалку вошел президент РФС Вячеслав Колосков, досталось и ему. Сначала я не мог понять, что происходит, настолько жесткий разговор шел. Сидел себе и помалкивал, понимал, что молодой парень и авторитетом еще не вышел, чтобы высказывать собственное мнение: никакой роли в жизни сборной я не играл. И особо ни во что не вникал, хотя на всякий случай в тот момент позицию имел четкую: я – игрок, и вступать в дебаты с тренерами, с руководством РФС не мое дело. О подводных течениях извне, разъедавших сборную, не догадывался. Лидеры сборной правильно рассудили: чего молодого дергать, тем более что помимо меня в команде достаточно известных личностей, значащих, решающих гораздо больше. Андрей Канчельскис заглянул было к нам с Димой Радченко в номер с тем самым злополучным письмом, но скорее всего по ошибке, только и сказал: «Вам не надо в этом участвовать». И закрыл за собой дверь. Как дальше развивались события, точно не знаю, я сидел в своем номере, неинтересно мне все это было. Не понравилось, конечно, что потом футболисты вынесли сор из избы в прессу. Думал, что печальная история не получит продолжения – ну побузят, и на том, как всегда, все закончится. В какой команде такого не бывает? Но зашумела пресса. В любой ситуации надо быть интеллигентными людьми, все проблемы решать тактично, с помощью диалога с главным тренером. А там все получилось как – то топорно. Я бы так себя никогда не повел. Перепалка, взаимные претензии нарастали снежным комом. Тогда наши первые легионеры почувствовали свободу, свободу слова и дела вне поля и начали ее вовсю эксплуатировать. Может быть, они и были правы, хотя и у руководства сборной имелась своя правда. РФС не обладал такими возможностями, как, скажем, «Интер», в котором играл Шаля (Игорь Шалимов. – *Прим. автора),* и это тоже надо было учитывать. Не могу сказать, кто был инициатором мятежа, не вдавался в подробности, тем более что нормальные отношения у меня были и с бунтовщиками, и с Садыриным. Если люди так решили, то Бог им судья. А моя позиция была четко очерчена: лезть ни во что не надо, тем более что Садырину и Семину абсолютно неинтересно было выслушивать мнение третьего вратаря. И подумал, что для меня лучше соблюдать нейтралитет. Это не было трусостью, я ничем не рисковал, просто решил, что меня все это не касается. И таких, как я, в основном молодых, которые не знали подробностей конфликта и не хотели в них вникать, оказалась треть команды.

По – человечески было очень жаль Садырина после поражения нашей сборной в Греции, и потом, когда появилось на свет «письмо четырнадцати». Понимал: ребята что – то не то делают. Но все молодые, неопытные, может быть, им подсказывали в каких – то корыстных целях. А Садырин – то был ни при чем, просто он оказался заложником обстоятельств. Как потом выяснилось, виноваты в тех событиях были руководители нашего футбола. А пострадал тренер. Конечно, не все плохо было в деятельности первого президента РФС Вячеслава Колоскова. За многие вещи мы можем сказать ему спасибо. Но если взять только российский футбол, негатива все – таки больше.

В феврале 1994 года сборная поехала в Мексику в рамках подготовки к мировому первенству, но я накануне в динамовском манеже в очередной раз повредил заднюю поверхность бедра, выбыл из строя на месяц. А так надеялся поехать на чемпионат мира хотя бы третьим вратарем. Но в Америку тогда взяли только двух, хотя, думаю, не получи я травмы, Семин обязательно включил бы меня в состав. Остался в Москве заявленным условно: вызвали бы в США, если бы произошло ЧП с кем – то из двух основных вратарей. Хотя у меня тогда случилось недоразумение с Семиным. Ему не понравилось, как я тренировался, между нами произошел неприятный диалог. И когда я получил травму, он сказал: «Это тебе в наказание».

У Садырина существовали свои вратарские привязанности – Черчесов, Харин. А я считался как бы третьим, «на подхвате», но отношения с тренером были прекрасные. Он верил в меня как в молодого вратаря, словом, никаких трений между нами не возникало. Да и какие сложности могут возникнуть у третьего вратаря с тренером сборной? Он взял меня в команду, а это уже немало. Понятно, что взял больше под давлением Юрия Павловича, его тогдашнего помощника, но в памяти о нем осталось только хорошее.

По окончании чемпионата мира последовала отставка Павла Садырина и его штаба, два с половиной года сборную возглавлял Олег Романцев, и меня в ее составе не было. Хотя моя фамилия постоянно фигурировала в списке кандидатов, но честно признаюсь: приезжая в Тарасовку, я чувствовал себя словно на чужбине. Не знаю почему, но неуютно мне было там находиться. Может быть, из – за того, что это спартаковская база. Вообще – то я человек не депрессивный, мало что меня может выбить из колеи, и со всем могу совладать, но аура тарасовской базы меня угнетала. Главное же, я понимал всю ненужность своего там пребывания. Не то чтобы обижался, что меня не ставят – чего обижаться, если играют нормальные вратари, просто не мог взять

в толк, зачем меня вызывают – возьмите третьим кого – то из «Спартака» на случай чрезвычайной ситуации. Тем более в сборной я чаще всего был единственным представителем «Локо», поговорить – то толком было не с кем, и меня все время тянуло к своим ребятам. При этом я присутствовал в сборной на многих играх, хотя на какие – то не ездил из – за травм.

Только в 1996 году я сыграл за сборную пять минут в Дохе с Катаром, заменив Харина. Не знаю, зачем меня выпустили, объявили ведь, что на поле не выйду. И я тренировался полтора часа до игры, 15 минут в перерыве матча, уже снял бутсы, как вдруг услышал от Романцева: «Иди, вставай в ворота». Пока одевался, до конца матча осталось минут пять. Встал в обычном послерабочем состоянии, какой – то чудак ударил по воротам и попал в «девятку». Вместо 5:1 мы выиграли 5:2. Подумал: «И зачем я вышел? Да еще гол пропустил».

Основным вратарем сборной России я стал после того, как национальную команду по окончании Евро–96 возглавил Борис Игнатьев, а Юрия Павловича пригласил помощником. Основным вратарем команды был опытнейший Черчесов, но со временем я его сменил. Для начала минут 15 я провел на поле в последнем матче сезона сборной с Люксембургом 10 ноября в свой день рождения. Ничего не пропустил, голевой пас еще Андрюхе Канчельскису рукой выдал, он подал, и Валера Карпин забил.

1997 год в воротах сборной начинал Черчесов, но не очень удачно. А потом я стал регулярно появляться в составе, даже когда, перейдя в «Бенфику», сидел на лавке за спиной Мишеля Прюдомма. В Лужниках мы проиграли сборной мира – 0:2, я стоял в первом тайме, когда счет не был открыт, потом Черчесову забили два мяча. До этого я видел знаменитый «Матч века» 1963 года с участием Льва Яшина спустя много лет по телевидению, а тут сам вышел против сборной зарубежных звезд. Матч запомнился. Собралось много зрителей, против нас выступали игроки с именами – Субисаррета, Маттеус, Джоркаефф, Папен, Эффенберг, Андрей Шевченко, приятно было играть.

Как я уже отметил, случалось, что я не играл в «Бенфике», но выходил за сборную. И вдруг на матч с Францией, который Россия выиграла 1:0, поставили не меня, а Сашу Филимонова. Я болезненно воспринял тот выбор, хотя и не привык сомневаться в Семине, да и в Игнатьеве тоже. Если бы на их месте оказались другие наставники, реакция моя была бы. не знаю, какой, но явно не спокойной.

Профессора кафедры «Сборная России»

Не знаю, имею ли я право судить об Игнатьеве, при котором стабильно начал играть за сборную, как о тренере, не зная многих вещей и будучи гораздо моложе? Все же считаю, что главное тренерское предназначение Бориса Петровича – руководить юношескими и молодежными сборными, все его успехи связаны с ними. Сильнее специалиста, который многое может дать игрокам этого возраста, я не видел. Он более десяти лет занимался с молодежью, вывел на звездный уровень массу дарований, и, наверное, ему стоило продолжать начатое. Перейти в достаточно солидном возрасте на более высокую ступень, столкнуться с проблемами, которых не знает молодежный уровень, Игнатьеву оказалось очень сложно. Хотя по квалификации, тренерскому мышлению, жесткости он никому не уступит. В тактике – просто ас, буквально ежедневно совершенствует свою квалификацию, вникает во все нюансы. Несмотря на всем известное добродушие во внешнем облике, Романцеву он проигрывал только в одном: отношение к Борису Петровичу со стороны футбольного руководства не всегда было адекватным, по инерции его считали прежним сотрудником РФС, то есть подчиненным. Но это не его вина. И ему было тяжело реализовать себя на высшем профессиональном уровне. Он старался и хорошо делал свою работу, но каких – то звездных всплесков у его команд не наблюдалось. По складу своего характера он в футболе не лидер, хотя, может быть, обстоятельства, прежняя должностная привязка к высшим футбольным инстанциям не позволяли ему стать таковым.

> Овчинников сегодня – лучший вратарь нашего чемпионата.
>
> *Борис Игнатьев, в прошлом главный тренер олимпийской и национальной сборных России. «Спорт – Экспресс». 2002 год.*

Ко всему прочему Борису Петровичу со сборными фатально не везло. Мне кажется, он всегда оставался заложником каких – то не зависящих от него обстоятельств, внешних раскладов. Можно вспомнить матч нашей юниорской сборной, сильнейшей на мировом первенстве 1989 года, в котором она вела 4:0 против

Нигерии, но сыграла вничью – 4:4 и, проиграв по пенальти, выбыла из турнира. Осенью 1997 года в решающем матче за первое место в отборочной группе к чемпионату мира с Болгарией, когда сборную России, руководимую Игнатьевым, устраивала даже ничья, чешский судья Кролдл в открытую «убивал» нашу команду, не назначив четыре (!) очевидных пенальти. А потом в стыковых матчах сборной России достался самый сильный соперник – сборная Италии. И всем стало понятно, что на чемпионат мира нас не пустят.

Российские туристы еще не заполонили трибуны зарубежных стадионов, и для ФИФА выгоднее было, чтобы на чемпионат мира пробилась Италия. Тем не менее, сыграй мы немного поудачнее – 1:0 или хотя бы 2:1 – с итальянцами в Москве, дома им пришлось бы гораздо тяжелее. А после московской ничьей – 1:1 их в Неаполе устраивал и счет 0:0, а судья редко выпускал наших за центр поля, «технично» прерывал атаки российской сборной. Единственный момент нам удался уже после гола Казираги. Обратно мы летели из Неаполя в Милан вместе с тренером итальянцев Чезаре Мальдини, наслушались от него комплиментов, да только какой прок был от них.

Мы с Борисом Петровичем много лет в хороших отношениях, и ничего, кроме пользы, мне это сотрудничество не принесло. Сколько он помогал мне не только в профессиональном плане, но и по жизни! Я ему многим обязан. С Юрием Семиным они друзья, он привлекал Игнатьева помощником в сборную, а потом и в «Локомотив», как соратника, которому во всем доверяет. На втором тренере лежит анализ тренировочного процесса и игры соперников, составление различных программ. При этом еще и в глазах игроков второй должен выглядеть злым, в то время как главный добрым. Словом, не позавидуешь.

Бориса Игнатьева у руля нашей главной команды на год сменил Анатолий Бышовец, у которого я сыграл в двух матчах. Первая наша рабочая встреча с Бышовцем после расставания в «Динамо» состоялась в сборной в 1998 году, когда мы не вышли на чемпионат мира. И мне стыдно за то, что по большому счету у него, может быть, не получилось из – за меня. Дома мы проиграли – 2:3 Франции в матче, в котором я отыграл далеко не блестяще. Ранее своими заявлениями перед выездным матчем с Украиной, когда Бышовец выбирал между мной, Хариным, Филимоновым и Черчесовым, еще и дал понять, что ко мне надо относиться, как ко всем, задирал свою планку, и в итоге ее не взял. Даже уехал с базы, потому что на игру с Украиной меня не поставили, хлопнул дверью. Считал, что со мной обошлись несправедливо: должен играть, и все. Конечно, был неправ. И все же перед Францией

Бышовец снова вызвал меня сначала на товарищеский матч в Испанию, и там я сыграл нормально и перед игрой с французами снова стал настаивать на том, что должен играть я. Анатолий Федорович мне поверил, поставил и. Если бы я не вел себя так, не делал никаких заявлений, может быть, не было бы ничего страшного. А так с моей стороны это выглядело большой наглостью, и я на ней обжегся: по большому счету подвел человека. Я даже извинился перед Анатолием Федоровичем и услышал в ответ: «Забудь, в нашем поражении твоей вины нет». После этого случая в моей карьере многое пошло наперекосяк. Но на наших с Бышовцем отношениях это никак не сказалось, можно сказать, счет между нами стал 1:1.

Анатолий Федорович – достаточно состоятельный человек и сам выбирает, где ему работать. Не ходит, как иные его коллеги, по кругу в стремлении заключить контракт все равно с каким клубом. Это тренер со своими принципами: прежде всего наличие сильных игроков, полный тренерский карт – бланш, он, а не президент – первое лицо в клубе, и если хоть один из его принципов не совпадет с предложением клубного руководства, работать он не согласится. А по – другому и я не стал бы работать. Во все, что касается тренировочного процесса, состава команды, ни президент клуба, никто вмешиваться не должен. Филатов, будучи сам в прошлом классным футболистом, с указаниями к Семину не лез. Иметь такого президента клуба – счастье для тренера. Не думаю, что тренерская работа так уж приоритетна для Бышовца, она не самое главное для его души. Человек он образованный, самодостаточный, может, например, писать книги или просто жить в свое удовольствие. И специалист очень сильный. Он выиграл Олимпиаду, на чемпионате Европы наша сборная во главе с ним чудом не прошла в полуфинал в силу объективных причин, с московским «Динамо» он завоевывал серебро союзного чемпионата, а это было по тем временам огромное достижение. Но и то, что я скажу еще о локомотивском периоде тренерской карьеры Бышовца, из общей канвы не выкинешь. Что было, то было.

Затем у руля сборной вновь оказался Олег Романцев. Он поставил меня на тайм товарищеского матча с белорусами в Туле, а на одной из последних тренировок перед отъездом в Париж на очередной матч с Францией я получил растяжение мышц бедра и с командой не полетел. Уверенная игра Александра Филимонова на «Стад де Франс» заставила Романцева на год забыть обо мне.

Когда в 1996 году мы вышли на чемпионат Европы, я понял, что Романцеву меня просто навязали. Надо было включать в состав трех вратарей, и тренер на динамовской базе в Новогорске

раздал игрокам листки бумаги: «Напишите, кого не считаете нужным брать на чемпионат в Англию». (На сборах находилось 26 игроков, а в заявку можно было включить только 22. – *Прим. автора)*. Я сидел в заднем ряду, и, не знаю, может быть, мне так показалось: на меня обернулись почти все. На что я с улыбкой ответил: «Три вратаря едут по – любому». Уверен, что и Романцев с удовольствием убрал бы меня из состава, но ему этого не позволили бы в РФС: тогда немного было кандидатур на роль третьего вратаря. И все равно спасибо ему, что я поехал, пусть и в качестве глубокого запасного. Хотя пришлось пережить немало неприятных моментов. Они касались, например, выплаты премиальных в Англии – вместо одних обещанных денег мне, например, выдали в три раза меньше. Игроки не выставляли никаких условий, они прозвучали из уст вице – президента РФС Александра Тукманова. Причем, если бы мы даже вышли в финал, все равно заработали бы меньше, чем игроки других команд только за участие в чемпионате. Но все понимали, что в России сложная политическая и экономическая обстановка, людям не могут много платить. Никто ни на чем не настаивал. Хотелось только, чтобы сдержали слово, выплатили обещанное. Мы месяц тренировались по два раза в день, во многом себе отказывая, не виделись с семьями. Пусть с результатом не очень получилось, но свою работу мы выполняли. Нам объявили: если не наберете ни одного очка, получите только суточные, а мы набрали очко в матче с Чехией. Тем не менее Тукманов озвучил другую сумму. Сначала и этих – то денег не хотели давать, еще и с бутсами какая – то проволочка случилась. Мне принесли спонсорские деньги, сказал «спасибо», все нормально, мне все равно, в каких бутсах играть. А деньги за очко, как мы считали, для всех должны быть одинаковыми – кто играл и кто нет: команда в полном составе не выполнила задачу. Эти деньги полагались не за достижение, а за участие в рабочем процессе. Но когда мне дали меньше всех, решил: «Больше в сборную не поеду». Дима Харин, с которым у меня были добрые отношения еще с динамовских времен, тогда поинтересовался: «Серега, ты чего такой грустный. Ну, проиграли, на твой век побед еще хватит». Я объяснил ему ситуацию. Всем, кто сыграл по три игры, дали по 25 тысяч долларов, кто выходил на несколько минут – по 15, а мне пять. Он, как игрок авторитетный, так этого не оставил, пошел к руководству и принес мне еще денег, хотя и не всю сумму. Я поблагодарил его за внимание, за проявленное участие, – это было очень трогательно. У меня самого – то и права голоса никакого не было в команде. И если бы я послал начальство подальше, что бы это изменило? Или подарили часы от какого – то спонсора всем,

кроме меня, даже сапожнику из «Спартака». По – человечески мне было обидно. Пусть я третий вратарь, но на сборах тоже проделал определенную работу. А к нашим результатам на чемпионате Европы я отнесся своеобразно. Все очень расстроились, а тут еще эти скандалы. Я же про себя подумал: «Овчинников здесь был под 22–м номером, в справочниках об этом напишут – посмотрел на хороших вратарей, на хорошие команды».

Вообще – то профессионал не должен быть подвержен эмоциональным всплескам или спадам из – за вызова или невызова в сборную. Вызвали – обязан ехать, не вызвали – спокойно работай в клубе. Если же на все реагировать, в психбольницу угодишь. Но если игрок имеет вес в сборной, то его вызов автоматически должен означать участие в матче.

В 2000 году меня пригласили на матч против второй команды Германии. Однако все 90 минут отыграл Евгений Корнюхин, а потом произошел известный скандал с помощником Романцева Гершковичем, публично обвинившим меня в нежелании играть за сборную. Прежде у нас с Михаилом Даниловичем были прекрасные отношения, да и сейчас такие же. Приглашая меня на товарищеский матч с Германией–2, он пообещал, что буду играть. Сказал: «Приехав, можешь даже не тренироваться, потому что тебе долго лететь – в любом случае на поле выйдешь». А я ведь еще и потренировался! Восемь часов пришлось добираться до немецкого Оффенбаха с Азорских островов, но меня не поставили даже на тайм. После этого надо мной весь Лиссабон смеялся: «Зачем ты ездил в Германию? Пива попить?» Позже прочитал в газете интервью Михаила Гершковича: оказывается, я не вышел на поле потому, что выглядел на порядок слабее Корнюхина. Не очень понятно, на основании чего тренеры сборной сделали такой вывод. Ни в коем случае не утверждал, что Овчинников – хороший вратарь, а, допустим, Корнюхин – плохой. Но я был против того, чтобы со мной обращались столь бесцеремонно. Многие наши тренеры привыкли относиться к игрокам, как к крепостным. А я за три года в Португалии от такого отвык. Подошел к Гершковичу, тихо сказал, что думаю об этом: «Не вызывайте меня вообще, если не видите в составе. Какой смысл?» Совершенно не собирался конфликтовать. А он взял и выплеснул всю эту историю в газету. Потом Гершкович утверждал, что я предъявлял ему какие – то претензии. Но как игрок смеет предъявлять претензии тренеру? Мог ли я подумать, что из – за этой в целом правильной, а, если разобраться, невинной фразы не попаду на чемпионат мира? Причем Романцев в телефонном разговоре с Семиным попросил передать мне, что я еду в Японию и Корею, чтобы готовился.

– Овчинников доказал, что он классный вратарь, и я желаю ему удачи в дальнейшей карьере.

Михаил Гершкович, в прошлом форвард «Локомотива», «Торпедо», «Динамо» и сборной СССР, тренер сборной России. «Спорт – Экспресс». 2003 год.

Я ведь еще и в офис к Олегу Ивановичу перед чемпионатом мира съездил. Там все дико удивились: Овчинников в расположение «Спартака» приехал! Сказал Романцеву: «Олег Иванович, если вы меня берете, у вас никаких проблем не будет. Первым, вторым – без разницы. Я же с вами ездил на чемпионат Европы – и все было нормально». Он ответил: «Вот и я никаких проблем не вижу». Мы очень мило поговорили. Напоследок Романцев сказал: «Давай готовься!» Но объявляют состав – а меня в нем нет. Понятно, что по не футбольным причинам. Иногда я достаточно откровенно говорил о своем отношении к «Спартаку». Но разве «Спартак» и сборная – одно и то же? В моих словах не было ни оскорблений, ни унижений. Это – дела клубные, а противостояние, подогревающее интригу чемпионата, думаю, интересно и болельщикам, и специалистам. До сих пор считаю, что «Локомотив» и «Спартак» – непримиримые соперники. Если почитать испанские газеты, можно убедиться, как нелицеприятно игроки «Реала» отзываются о «Барселоне», и наоборот. Что здесь криминального? Спросите у Рауля или Касильяса, любят ли они «Барселону». Но полемика между игроками делает турнир в испанском примере интереснее, не мешая тем же футболистам встречаться в сборной и трудиться на ее благо. У меня были хорошие знакомые в «Спартаке» – Егор Титов, Володя Бесчастных и сейчас с ними нормальные отношения. Говорили еще, что меня не вызывают, дабы не усложнять атмосферу в сборной – мол, Нигматуллин занервничает. Да и вообще у Овчинникова сложный характер. Не знаю. Независимый – да, что на работе никоим образом не сказывается. По крайней мере у тренеров никогда не было ко мне никаких претензий. В сборной никого не интересуют взгляды отдельно взятого человека, здесь все подчинено общему делу.

У нас же с Олегом Ивановичем не было конфликтов. Я никогда не оскорблял ни сборную, ни ее тренера, ни ее игроков, и продолжал надеяться на вызов, ждал до последнего.

– Овчинников за «Локомотив» играет сам на редкость уверенно и придает уверенности защитникам, может завести команду. А в сборной его нет после

заявления: «Не люблю «Спартак». Но какое отношение «Спартак» имеет к сборной? Тревожный сигнал, поскольку сборной управляет тренер, который не может договориться с игроком. Если он сильнейший на своей позиции, а ты сильный человек, обязан договориться. Более того, полезно общаться с людьми, имеющими свое мнение, свой взгляд на футбольные проблемы. А наши игроки порой боятся слово сказать. Такой подход не позволяет нашим тренерам успешно работать за границей. Например, не могу себе представить Романцева в «Реале», общающегося с Фигу или Раулем.

Игорь Шалимов, полузащитник «Спартака», миланского «Интера» и сборной России. «Спорт – Экспресс». 2002 год.

Наверное, я мало знаю Романцева. Общались мы всего пару раз. Сложный человек. Мог не поздороваться. Да и приветствие – не ахти какое общение, тем более что здоровался он в этом случае сразу со всеми. И мнение как о тренере у меня о нем, когда играл, сложилось не самое лучшее. Считал, что тренер он обыкновенный, а возглавлять сборную России с середины и до конца 90–х годов, когда он работал в «Спартаке», мог любой. Самые лучшие игроки тогда приходили в «Спартак», тренировались у Романцева там. Альтернативы им в других клубах сильно не набиралось. Если и были один – два, они не могли обыграть 11 человек. Статистика говорила в его пользу, но когда я слышал: «Он выиграл девять чемпионатов», делил эти спартаковские успехи еще и на всех игроков. И упражнения, что он давал, выглядели для меня прошлым веком. Отторжение вызывало и то, что спартаковские флагманы, годами определявшие атмосферу в команде, выбрасывались за борт без сожаленья. А ведь от такого отношения рушатся традиции, клубные устои.

– Единственное, что вызывает у меня возражение, – отсутствие в сборной сильнейшего на данный момент вратаря страны Овчинникова. Причины, которые выдвигают тренеры, пытаясь аргументировать свою позицию, не убеждают.

Валерий Маслов, в прошлом полузащитник московского «Динамо» и сборной СССР. «Спорт – Экспресс». 2002 год.

Романцев для меня долго оставался просто тренером сборной. Но это было субъективное мнение. При нем у меня в сборной ничего не получилось, отсюда, может быть, и элементы предвзятости в отношении к нему. Не взял он меня на чемпионат мира в 2002 году, это было его право. Прошло время, обид на Олега Ивановича, если когда – то они и были, сейчас не осталось. Я вообще ни на кого не обижаюсь – наверное, гордость не позволяет.

> – По – моему, на чемпионате мира должен играть Овчинников, который на данный момент сильнее и Нигматуллина, и Гончарова, и любого другого конкурента.
>
> *Сергей Крамаренко, в прошлом вратарь «Нефтчи», одесского «Черноморца» и олимпийской сборной СССР. «Спорт – Экспресс». 2002 год.*

По прошествии лет я на себе испытал, как со временем меняется человеческое мировоззрение, а с ним и оценка людей, с которыми доводилось работать. Когда сам играешь, в твоих суждениях присутствует субъективизм, пытаешься хоть немного, но насолить человеку, когда – то тобою пренебрегшему, толком не осознавая масштабов его личности. Изредка сталкиваясь с тренером в сборной, невозможно оценить всю глубину его личности. Но анализируя пройденный путь в футболе и людей, сопровождавших тебя на нем, рано или поздно приходишь к выводу, что Романцев никак не может быть заурядным тренером. Он же столько выиграл, пусть и с сильной командой. Ведь многие тренеры и с классными игроками ничего не могут добиться. А Олег Иванович давал максимальный результат из года в год. Значит, он владел какой – то системой. Со «Спартаком» он постоянно побеждал, плюс удачно работал со сборной. Выйти с ней на чемпионат мира 1998 года ему помешал лишь несчастный случай. Сейчас мне уже кажется, что Романцев – на редкость творческая личность. Ему неинтересно работать с игроками, не соответствующими его требованиям. Когда он принял московское «Динамо», состав команды был, ну, что ли, обыкновенным, несмотря на наличие в нем португальцев. И тренер понял, что без кардинальных изменений там трудно что – то создать, что подтвердилось позднее, когда «Динамо» возглавил Семин.

Считаю, что Романцев – большой тренер, потрясающе разбирающийся в тактике, прививающий своим командам зрелищный футбол. Подкупает в нем и то, что он не отошел от традиций спартаковского стиля. На чем строилась вся игра при

Константине Бескове, что нравилось спартаковским болельщикам, он взял на вооружение, дополнив какими – то собственными находками, необходимыми на том этапе развития футбола. Но сама структура игры и выбор исполнителей стали продолжением концепции Бескова. Преемственность игровых традиций подразумевает узнаваемость любой команды на поле. Раньше игроков «Спартака», московского, киевского, тбилисского «Динамо», ЦСКА, «Арарата», «Нефтчи» в какую форму ни одень, можно было распознать по игровому почерку. У Алекса Фергюсона «Манчестер Юнайтед» много лет играет в традиционном стиле, и всегда есть результат, и болельщиков полно на трибунах. В российском футболе сейчас грани стерты. Но вот Валерий Карпин попытался придать «Спартаку» его традиционное лицо, и успех возвращается к команде. Это касается и «Локомотива» – стоит чуть – чуть обратиться к традициям, и все становится на свои места. И результат есть, и болельщик опять топает на стадион.

Упражнения, которые предлагал Романцев на тренировках, я раньше оценивал, не понимая, что игрокам, которые находились в его распоряжении, только такой тренировочный процесс и был нужен. Когда мне довелось возглавить «Кубань», появилось огромное желание завалить ребят новыми, современными упражнениями. Спасибо Андрею Семину, остудившему мой пыл. «Подожди, многие же из них не понимают того, что ты им предлагаешь, – убеждал меня он. – Нельзя учить игрока передачам, открываниям, требующим стопроцентного исполнительского мастерства, если он даже мяч обработать не может. Нужен постепенный подход, сначала добиться от футболиста нормальной работы с мячом, потом научить его отдавать этот мяч, потом – открываться.» Конечно, и в жизни люди не сразу становятся профессорами, сначала учатся в школе, в институте, в аспирантуре. А Романцев чувствовал уровень и состояние подопечных, поэтому его работа оказывалась очень продуктивной. Нельзя определять тренировочный процесс как старье или, наоборот, модерн. Он должен быть единственно правильным, нужным в данный момент данным исполнителям.

Валерию Газзаеву на пути в сборную пришлось преодолеть немало препятствий, порой искусственных. Ведь у нас принято навешивать на специалиста при его первых неудачных шагах определенное клеймо, а по прошествии времени все об этом забывают, и те же самые люди кричат: «Да это же я ему пророчил такой успех!» Газзаев, поднявшись на тренерский мостик, с первого же дня дал понять, что у нас появился один из амбициознейших специалистов, а это уже очень много значило.

Заставлять игроков верить в успех, даже когда они ниже соперника на две головы, чисто западный подход. Это было его первым большим достижением. Организация тренировочного процесса на уровне «Интера», «Милана» – смело могу об этом говорить, потому что у него работал, финансовая подоплека на высочайшем уровне. Последнее мы долго считали отрицательным тренерским качеством, а за границей давно поняли, что оно первостепенно. В Советском Союзе нас приучали к тому, что мы должны все делать за символическую плату, жертвуя семьями, здоровьем на благо Родины. О Газзаеве, как о тренере, могу сказать только хорошее. Игроками в московском «Динамо» мы лишь однажды перед его уходом в «Динамо» тбилисское пересеклись на тренировке. Но потом, когда Газзаев стал тренером сборной, когда мы стали соседями по Баковке, мне от него шла только польза. Мало кто из тренеров выигрывал Кубок УЕФА. И мое отношение к его вынужденному уходу из ЦСКА, к замене на португальца Артура Жорже было однозначным: и слава богу, один из наших постоянных конкурентов станет слабее. Так оно и получилось. Может быть, со стороны армейского руководства это был бы сильный ход, если бы Жорже сменил другого тренера. А тут получился шаг назад. Что в армейском клубе быстро осознали, Газзаева вернули, и он с ЦСКА вон сколько всего навыигрывал.

Считаю, Валерий Георгиевич многое для меня сделал. А однажды еще и по бытовому вопросу помог. Бывало между нами всякое, но не надо мешать спорт и жизнь. Я, например, не мешаю. И к Газзаеву отношусь с огромным уважением. Одно то, что он выиграл Кубок УЕФА, – очень существенный фактор. Та победа позволила многим нашим тренерам поверить в себя. Кстати, у меня в гостиной на столике стоят вина. Если Валерий Георгиевич придет в гости, а мне бы этого очень хотелось, открою самую лучшую бутылку. За запредельный максимализм его можно только уважать. Может, для кого – то это сейчас и прозвучит неожиданно, но я многому заочно у Газзаева научился. Читал его книги, интервью и нужное для себя там всегда подмечал.

Чемпионат Европы 2004 года в Португалии – уже с Георгием Ярцевым во главе – мы тоже проиграли, но без каких бы то ни было скандалов. А то, что произошло там с Мостовым, никто не понял, ни один футболист сборной не знал, в чем суть конфликта. Но если никто ничего толком не знает, по приезде в Москву присядьте в кафе, закажите бутылку водки, выпейте, выясните отношения между собой, если вам двоим это интересно, в крайнем случае набейте друг другу морду. Это ваш вопрос. Почему вся Европа должна над нами смеяться: опять в России

какой – то конфликт, не имеющий отношения к игре. Мало ли что сказал Мостовой, может быть, его не так поняли, вначале надо все выяснить. Когда Сашка уехал, никто не знал, куда, почему, зачем? Журналисты нас об этом спрашивали, а никто ничего не мог ответить. Замечу, что я в сборной старался соблюдать полный нейтралитет. Сказать мне: «А ты чего молчишь, не поддерживаешь нас?» никто не мог в силу моих физических данных, да и вообще в сборной люди в основном честные, добропорядочные, а если чем – то и испорченные, то в меру. Они с детства в коллективе, который воспитывает гораздо лучше, чем что бы то ни было. Если я ссорюсь с кем – то, то никого не стараюсь привлечь на свою сторону. Может быть, кто – то сам захочет примкнуть, будем вместе отстаивать свою позицию, спорить, но специально втягивать никого не буду.

Считаю, что любому футболисту клуб ближе, чем сборная. И я себя в «Локомотиве», в Баковке чувствовал комфортнее, чем в сборной, независимо от того, где она готовилась к матчам – в Новогорске, Тарасовке или Бору. Родина в моем понимании не есть нечто необъятное, к чему нас приучали в советские времена, для меня родина – это семья, дом, клочок земли, на котором живешь и работаешь. Кто – то из ветеранов Великой Отечественной хорошо недавно сказал: «Для меня понятие Родины – мои родители, дети, мой дом. Мы шли в бой не какую – то абстрактную Родину защищать, а свой дом, свою семью, свою землю». И мне такое определение Родины ближе набивших оскомину лозунгов. В юности не раз слышал песню в исполнении Марка Бернеса: «С чего начинается Родина, с картинки в твоем букваре, с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе.» И для меня Родина в футбольном понимании начиналась с верных товарищей в моем «Локомотиве». Некоторые люди говорят только то, что им выгодно. Я так не могу, не умею подлизываться. Мама всегда говорила, что с таким характером мне будет трудно жить. Но век футболиста недолог. Думал: закончится карьера, и меня будут вспоминать таким, каким я был, пока играл. Если порядочным, прямым и открытым, значит, со мной можно иметь дело и вне поля.

Если люди приезжают в сборную и заявляют: «Я – за Родину, я за честь сборной, для меня это все!», не верю им. Считал и считаю, что в первую очередь я должен быть патриотом своего клуба, свой частички футбольной России, ставшей фактически моим домом, отдать ей все, что могу. Для меня «Локомотив» был как отчий кров, как очаг, согревавший и в радости, и в печали. И не потому, что клуб платил мне зарплату, мы и в сборной нормально зарабатывали. Вопрос в другом: что мне по –

человечески ближе? Мне ближе клуб, и я никогда не стеснялся об этом говорить не для эпатажа, не для пиара. Меня спрашивали, и я честно отвечал. Когда о моем клубе отзывались плохо, для меня это было сродни личному оскорблению. А ложный резонанс моим мыслям придали отдельные журналисты, преподносившие их в ином свете: якобы я не хочу ехать в сборную. Во – первых, что значит «не хочу»? Не приглашают. Я никогда не отказывался, приезжал, врачи сборной оценивали мое состояние. А потом, например, Георгий Ярцев обижался, что в сборной я оказался больным, а через пять дней сыграл за клуб. Но это же клуб, за который я могу выехать на поле даже на инвалидной коляске. А в сборной всегда есть выбор игроков, нет такого, чтобы тренер делал ставку на кого – то единственного. Реально здоровые вратари могут лучше справиться со своей работой, чем больной. И когда я впоследствии пообщался с Ярцевым, он все понял. Таких больных нередко уезжало со сборов по два – три человека. И про них не говорили: не хотят играть за сборную. Почему на мне свет клином сошелся?

> – Овчинников – олицетворение профессионала. Перед стыковым матчем с Уэльсом приехал на сбор в день своего рождения, хотя попроси он отсрочку, без сомнения, получил бы ее.
>
> *Георгий Ярцев, главный тренер сборной России. 2004 год.*

Влияет и разное психологическое состояние. Иной раз едешь в сборную, а на душе по личным бытовым или иным причинам кошки скребут. Так не лучше ли вернуться, в дурном расположении духа пользы ты не принесешь. Просто удалить футболиста из сборной надо красиво, безболезненно для всех. И я считаю это честнее, чем с какими – то болячками или, будучи не в настроении, играть за сборную, лишь бы тебе это зачли. Конечно, мои рассуждения в большей степени абстрактные, сам я два раза не приезжал в сборную, потому что у меня действительно было плохо с коленом. Юрий Павлович в «Локомотиве» в подобной ситуации рассуждал так: можешь пять дней не тренироваться, но на шестой выйди и сыграй. В сборной такое нереально. Не могу же я пять дней сборов шататься по базе, ничего не делать, а потом меня поставят в состав. Я же не на три головы выше других вратарей, которые находятся в полном здравии. Конечно, если меня просит сыграть Семин, ситуация несколько иная. Думаю, что многие игроки, в каком бы состоянии ни находились, уважили бы «своего» тренера, но не пошли навстречу другим. Хотя если бы

любой тренер сборной сказал, что без меня он никуда, я бы остался и сыграл, но для этого должно присутствовать взаимное доверие. Сыграл бы я неудачно в подобной ситуации при Семине, ни один камешек не полетел бы в мой огород, Семин никогда не стал бы меня публично критиковать. Один на один – да. Но никогда публично! А другие тренеры занимаются этим постоянно. Считаю, что обвинять в неудачах вратарей последнее дело, более того – вредно для вратарской психики. Полевые игроки порой ошибаются несколько раз в минуту, вратарю предъявляют претензии в двух – трех ошибках за сезон. А стоит ли ругать за ошибку? Ругают за безволие, за трусость, а за сдачу игры вратаря можно даже прибить. Но за разовую ошибку – глупость.

> – На Овчинникова этой осенью выпала большая нагрузка, а ведь у него не все в порядке с коленом. По этому поводу даже Ярцев выразил недовольство: мол, Сергей за сборную не может играть, а за клуб почему – то играет. Тут объяснение простое: до матча «Локомотива» у наших врачей было больше времени на то, чтобы что – то сделать. Считаю, что позицию Овчинникова, который честно говорит, что не может выйти на поле, следует уважать. Это лучше, чем выйти и потом оправдывать допущенные ошибки травмой. Игрокам надо верить, потому что они всегда лучше чувствуют, когда готовы, а когда нет.
>
> *Юрий Семин, главный тренер «Локомотива». 2004 год.*

Ярцев мне доверял. Опять же, наверное, подставляюсь, но считаю, что Георгий Александрович в силу его характера, а может быть, и стечения обстоятельств – хороший тренер клуба, но не сборной. Мой главный аргумент: Ярцев – спартаковец. А еще с 50–х годов прошлого века говорят, что спартаковец – это определенный склад характера, это человек, который может играть только в «Спартаке». Есть в спартаковцах что – то такое, что отличает их от игроков других команд.

Семин

Все почему – то считали, что в 2005 году, с приходом Семина в сборную, место в воротах главной команды страны мне будет обеспечено. Но надо знать Юрия Павловича, человеческие и профессиональные отношения с игроком для него вещи разные. Мы с ним откровенно поговорили, и я сам высказал мнение, что Акинфеев находится в прекрасной форме. Не стоит отодвигать его на вторые роли. При этом Семин прекрасно знал, что в любом случае ныть в роли запасного я не стану, а только помогу ему в работе. Я догадывался, что не буду играть с Латвией. Рассуждал так: я – на сходе, Игорь – молодой, на кураже, у него все получается. Да, я реально с ним конкурировал, делал все возможное, чтобы вернуть себе утраченный рубеж, но на удивление даже для самого себя спокойно воспринял известие о том, что теперь стал в сборной вторым.

> – Акинфеев и Овчинников абсолютно равны по классу. Преимущество у армейца только одно – он молод.
>
> *Юрий Семин, главный тренер сборной России. «Спорт – Экспресс». 2005 год.*

Семин для меня – отдельная история, тренер, который важнее всех. Это личность, к которой я испытываю огромное уважение. Тренер, определивший мою карьеру, сформировавший как человека, спортсмена. Все, что есть за моими плечами, его заслуга. Были случаи, когда Юрий Павлович мог усадить меня на скамейку, наказать за какую – то провинность, но ни разу этого не сделал. Он всегда верил в меня, и я старался отплатить тем же: верностью клубу, ему, старался делать все, что от меня зависело. На мой взгляд, мы с ним сильно похожи. У нас и принципы жизненные сходятся. Семин может ко мне ночью прийти и даже не стучать, сразу в дом заходить.

Для меня Семин – идеал, в котором сочетаются человеческие, тренерские и педагогические качества. Из – за моего характера мы раньше часто конфликтовали. Но, во – первых, только по рабочим моментам. А во – вторых, последнее слово всегда оставалось за ним. Разные случались ситуации, Юрий Палыч частенько позволял себе кричать на ребят, но всегда извинялся после игры, давая понять, что иначе нельзя: это конструктивный рабочий диалог, непереводимый на русский язык. Был, правда,

случай, когда в 2004 году мы проиграли «Динамо» первый тайм – 0:2. Палыч, войдя в раздевалку, сгоряча бросил нам: «Такое впечатление, что хотите отдать игру.» Мы объяснили, что так выражаться не стоит, забили во втором тайме четыре безответных гола, и Семин извинился за вырвавшуюся на эмоциях фразу.

За всю футбольную карьеру меня деньгами ни разу не наказывали. Юрий Павлович постоянно грозился это сделать, но так и не осуществил свою угрозу. Он вообще никого не штрафовал, он очень добрый. Конечно, мог пожурить или пристыдить, но еще лучше он умел убедить словами, нежели наказанием. В «Локомотиве» всегда был действенен не кнут, а пряник.

Повышенных тонов терпеть не могу. На наезд всегда отвечу, даже если не прав. При этом Семин – особая статья в моей жизни. Сегодня он единственный, кто может сказать мне что угодно, и я промолчу. Хотя когда – то я и ему отвечал. По молодости дураком был, вот и спорил с человеком, без которого не состоялся бы как вратарь. Должен отдать любимому тренеру должное уже за то, что ему хватило сил вытерпеть такой «подарок», как я. А это, уж поверьте, очень непросто. Он – единственный человек, которому я доверяю на сто процентов и чьи слова, сказанные мне в той или иной жизненной ситуации, подтверждались всегда.

Семин справедливо считается тренером – фундаменталистом. Он умеет организовать работу так, чтобы она долго приносила результат. Лучший пример тому – «Локомотив», который пробился из первой лиги в лидеры отечественного футбола. Да и в московском «Динамо» дела в гору пошли. На мой взгляд, в этом есть и заслуга Семина, который работал с командой в сезоне–2006. Именно при нем там заявила о себе российская молодежь, те же братья Комбаровы, на которых никто не рассчитывал, а он подтянул их к основному составу. Не вытащи их Семин, думаю, мы бы и не узнали таких футболистов.

По – моему, для всех очевидно, что как тренер Семин прогрессирует и меняется в лучшую сторону. Он не стесняется учиться, несмотря на возраст. Это как в медицине. В конце XVIII века знали одни способы лечения болезней, а в начале XIX появились другие и так далее. Врачи узнавали их и смело применяли на практике. Футбол тоже на месте не стоит. Юрий Павлович пытается уловить все современные тенденции, использовать их на благо команды. А как человек Семин точно не изменился. Такой же мягкий и добродушный.

Был уверен, что Семин давно заслужил право тренировать сборную. Уже в 1995 году многим было понятно, что Палыч

сделал настоящую команду в ничего не представлявшем из себя «Локомотиве», а параллельно заново сформировал инфраструктуру клуба. Он – великий мастер по созданию победного микроклимата в команде, который иногда значит даже больше, чем прикладные футбольные факторы. Проиллюстрирую примером.

Жозе Моуринью вообще не тренер, прежде работал переводчиком. Очень сложный человек и в то же время простой, умеет контактировать с людьми. Работая при Бобби Робсоне, он накопил громадный опыт. Когда я играл в «Порту», мой агент немного рассказывал о Моуринью, хотя о большой тренерской карьере тот еще не задумывался. Профессиональным футболистом он не был, ничего игрокам в техническом плане показать не мог, но оказалось, что оно и не нужно. Что им показывать, если они сами все умеют. Таким, как сейчас, заносчивым Моуринью тогда еще не стал, держался рубахой – парнем, тем более, что в «Порту» выступали почти сплошь бразильцы. Он пробовал разные манеры поведения, сначала был мягким, потом жестким. А в «Челси» уже пришел сумасшедшим диктатором, понял, что звездами только так и можно управлять: я сам на пьедестале, и то, что вы лучшие в мире игроки, меня не интересует. Такой же и Капелло, и Трапаттони. Они сильные психологи, и их приемы пока себя оправдывают. В тренере главнейшее качество – развить в игроке заложенные в нем способности. Но заметьте: при всем своем диктаторстве людьми Моуринью не разбрасывается.

С Моуринью я вскоре познакомился, и оказалось, что у нас много общего. Мы случайно встретились, когда «Локомотив» играл с «Брагой» в Кубке УЕФА, на трибуне рядом сидели. Смотрели игру, обсуждали эпизоды. Я смотрел еще как игрок, а он уже был тренером и видел те нюансы, которых я не видел. Очень любопытный человек, в жизни совсем другой, чем на публике. Интересный собеседник, умный, говорит, кажется, на восьми языках, тут я боюсь соврать. Он знает в футболе абсолютно все – и про тактику, и про психологию. Все команды, которые он тренировал в Португалии, были сплоченными коллективами, а это главное.

Спорный тезис, но пример Моуринью или еще раньше тренера сборной Бразилии – журналиста по профессии Жоао Салданьи говорит о том, что сильным тренером может стать не обязательно бывший профессионал футбола. Правда, при наличии в его распоряжении хороших футболистов. Тренерский авторитет зарабатывается непосредственно в общении с ними. Как специалист, кто – то может ничего из себя не представлять,

но придет в команду и поставит себя так, что все его будут уважать. Человека ведь уважают не за ауру или прежние заслуги, а за то, как он относится к окружающим: если игроки поймут, что тренер им нужен, будут его уважать. Но если они тренера сразу не приняли, то ничего ему уже не добиться.

Не люблю слово «ученик», но Семин импонирует мне своим подходом к жизни и многими качествами, которыми я хотел бы обладать. А копировать. Оригинал – то всегда лучше. Я никогда не говорил, что буду делать все, как Палыч. У меня свой взгляд на футбол.

> – Сергей Овчинников стабилен, имеет богатый опыт, который, как говорится, не купишь ни за какие деньги, словом, это состоявшаяся личность.
>
> *Станислав Черчесов, вратарь сборных СССР, СНГ и России в 1990–2002 годах.*

Раньше я считал: если пригласить в нашу команду иностранца, у него вряд ли пойдут стабильные успехи. Предположим, это чех, поляк, их язык относительно похож на русский, которым они быстро могут овладеть. Менталитет примерно тот же. Или Олег Блохин. Это я еще могу понять. Но привезли португальца Артура Жорже. Как он мог через переводчика в точности донести свои мысли, эмоции до футболистов? Как удачный противоположный пример, приводили немца Рехагеля, сделавшего сборную Греции чемпионом Европы. Но Рехагель владеет английским. У нас в стране в силу известных причин английский знают единицы. К тому же иностранный тренер все равно будет рассматривать Россию как плацдарм для дальнейшей карьеры.

Если же иностранец подлинный специалист и видна его работа – команда приобретает запоминающийся стиль игры, появляются молодые интересные ребята, то это идет во благо нашему футболу. А если приезжают люди, цель которых – элементарно заработать, а такие примеры у нас были, это вызывает лишь скептические улыбки у отечественных специалистов. Они же не хуже.

Не хотелось бы давать оценки работе Хиддинка. Это очень трудно сделать, поскольку даже гениальный тренер вряд ли что – то может привнести в команду, которая собирается на четыре дня. Хиддинк шел от простого. Он создавал в команде благоприятную обстановку и спокойно работал.

Я смотрел матчи сборной как болельщик, и мне нравилась ее игра. Хотя в России к сборной почему – то полярное отношение.

Выиграли у Англии – герои, сыграли 1:0 с Андоррой – катастрофа. А почему катастрофа? Мы всегда у таких команд выигрываем и еще ни разу на них не обжигались. Надо было бы забить три мяча – забили бы три.

Гус привнес много хорошего в наш футбол. Прежде всего, в смысле инфраструктуры и репутации. При нем наша сборная стала играть быстрее, наверное, он привлекал тех, кто нужен ему для более скоростной и атакующей игры. У нас квалифицированные футболисты, но раньше, честно говоря, мы играли очень медленно. Одна из причин, кстати, судейство. Я не говорю, что оно плохое, просто стиль такой. Как в водном поло. Чуть что – сразу свисток. Вот все поражаются: почему в Англии футбол быстрый и смотрится на одном дыхании? Да потому, что арбитры там не ломают игру бесконечными свистками. У нас хорошие судьи, только всего боятся. Раньше Левникова боялись, теперь Зуева.

Я Хиддинка уважаю за заслуги перед мировым футболом. Но в России, мне кажется, он так и не понял, кого тренировал. Он живет в каком – то другом мире, и для него не очень принципиально, какой будет результат и как это все вообще происходит. Ему все фиолетово.

Наших тренеров мы за неудачное выступление снимаем. А почему мы должны были давать Хиддинку еще два года? С какого перепугу выбрасывать миллионы долларов неизвестно на что? Давайте я сейчас приду в сборную и скажу: «За шесть лет я вам из команды конфетку сделаю!» А на шестой год скажу: «Извините, не получилось.» Нет, извини, коуч, не справился – иди отдыхай!

Личное решение голландца завершить работу со сборной России логично. У него хватает предложений от других федераций и клубов. Поэтому, думаю, никого особенно не удивила эта новость. И все же мне кажется, что первую команду страны должен возглавлять наш тренер. Называйте это как хотите – консерватизм, патриотизм, глупость, твердолобость. Причем желательно, чтобы со сборной работал молодой специалист.

В Европе масса примеров, когда игроки, закончив карьеру, сразу переходили на тренерскую работу. В сборных! Клинсманн, Райкаард, ван Бастен. И ведь давали результат. Потому что футболисты воспринимают молодого тренера как своего. Они готовы играть для него. А он прекрасно понимает проблемы игроков. У нас же почему – то только и талдычат: учись, стажируйся. У кого стажироваться – то? У тренеров, что команды с 15–го на 13–е место поднимают? Я лучше у Семина буду всю жизнь стажироваться. Чем плохо? Да и потом, я и так знаю, какие у нашей сборной проблемы и как их исправить. Многие, конечно,

скажут: «Овчинников совсем обалдел! Пускай лучше Шалимова и Чернышова вспомнит!» А чего мне их вспоминать? Ну да, у людей не получилось. Но надо знать ситуации, в которые эти тренеры попали. И чего они сами хотели.

Давайте представим себе, что могло получиться с «Ураланом» у Трапаттони. Шалимов рассказывал, в какую обстановку он попал в Элисте. И тогда я спросил его: «Игорь, ты же знал, что там творится, зачем же туда пошел?» Понятно, что от приглашения возглавить «Спартак» не отказываются. Но это «Спартак», не «Торпедо», не «Динамо», не «Локомотив». Там могут работать только «свои» или такие, как Александр Старков, игравшие в других командах, но всегда восхищавшиеся спартаковским стилем. Примем во внимание и тот факт, что Чернышов принял «Спартак», когда в его распоряжении были в основном молодые ребята, а у Старкова потом чуть ли не сплошь иностранцы. От Чернышова почему – то ждали, что он сразу что – то выиграет. Потом во всех грехах обвинили еще и президента клуба Андрея Червиченко, которого я, например, знаю как человека весьма порядочного, благодаря которому «Спартак» только и выжил. От него тоже ждали чемпионства, но он не игрок и не тренер. А Чернышову просто не надо было идти в «Спартак», или уж Червиченко стоило подождать до тех пор, пока приглашение молодого специалиста принесет какие – то плоды. А дать человеку семь – восемь туров поработать, а потом его убрать. Что за эти семь туров можно сделать? И еще они допустили одну ошибку, может быть, из соображений перестраховки. Придя в «Спартак», Чернышов сделал его открытым для прессы, стал проводить тренировки в присутствии журналистов, без крика, без мата, лишь за день до игры собирать команду на базе, начал общаться с футболистами на «ты». Это не означало неуважение, просто такая форма общения. За границей обращения на «вы» вообще нет. Игроки стали получать полноценные выходные, ходить в театры, в кино. (Наш знаменитый тренер Гавриил Качалин говорил: «Футбол футболом, но надо еще и духовно обогащаться».) Ребята были очень довольны: наконец – то появился тренер с европейским подходом. А что получилось потом? Банальный проигрыш в третьем матче – и все: прессу из Тарасовки долой, три дня подготовки на базе, никому не общаться с журналистами. Ему Червиченко сказал: «Все подолгу живут перед матчами на базе, а ты что, белая ворона?» И тренер отошел от своих принципов. А это самое страшное, тем самым он примыкает к той серой массе, которая ничего никогда не достигает. Свою линию надо выдерживать до конца. Уж если она не принесла успеха, значит, оказалась ошибочной. Я, например,

десять раз подумал бы, в какую команду идти тренером, где бы я смог себя проявить. За границей тренер не хватается за абы какую работу порой даже в ущерб своему финансовому положению или имиджу. Он выбирает то, что действительно ему подходит. В России такое можно сказать о Семине. За время работы в «Локомотиве» у него наверняка были более интересные приглашения по работе и у нас в стране, и за границей, но человек реально себе представлял: там, где я сейчас работаю, все действительно мое, и даже в сборную долго не шел, хотя еще в 1995 году мог ее возглавить. И дождался того момента, когда его кандидатура оказалась безальтернативной. Я не сторонник мнения, что за долгие годы в одном клубе работа приедается. При этом гораздо легче менять состав, приглашать новых игроков, создавать конкуренцию, а если старожил уступает в ней новичку, не выбрасывать его на задворки жизни, предоставлять ему работу в клубе. А взять Андрея Тихонова. Мы с ним ровесники, а он уже лет шесть не играет в «Спартаке». Или Илья Цымбаларь. Да много можно набрать футболистов, которые сделали тренеру имя, а он по непонятным причинам их убирал. Не думаю, что они обладали каким – то невероятным влиянием на своих партнеров в ущерб тренерскому. Мне кажется, что, наоборот, тренер всегда мог на них опереться, а в случае чего, и свалить вину за неудачу. Люди были готовы к тому, что будут столь же ответственны за результат, как и тренер. Может быть, обстоятельства вынуждали кого – то освободить из команды. Люди должны все – таки хоть немножко думать о своих ближних.

Вратарь – профессия штучная

Нас, вратарей, всего двое на поле, значит, есть в нас что – то исключительное. Штучная мы профессия – и мне это очень нравится. Прав был знаменитый англичанин Брайан Глэнвилл, озаглавивший свою книгу: «Вратари – не такие, как все». Мы действительно не такие, тот случай, когда футбольное амплуа накладывает отпечаток на твою личность. Хотя и не согласен с поговоркой: вратарь – это диагноз. Мы в отличие от полевых игроков мяч на голову не принимаем. Так что диагноз – это не про нас. Не согласен и с кем – то из своих коллег, заявивших, что вратарь – существо, проклятое Богом. Хотя однажды и сам заявил: «Все вратари – немного мазохисты». И сейчас не отрицаю. Падать ведь больно, особенно противно в грязь или на «лысом» газоне.

В 1996 году «Уралмаш» вылетал в первую лигу. Конец сезона, все уже ясно. Ребят из Екатеринбурга было не спасти, да и «Локомотиву» выше не забраться. А на дворе минус 24 градуса. Какой там футбол! Жуть! Как судья разрешил игру – до сих пор загадка. В первый и последний раз в жизни мне было до лампочки, как сыграем. И соперники, судя по их поведению, думали, как побыстрее оказаться в раздевалке, выпить горячего чая и принять душ. Но как – то отыграли девяносто минут. А поле было почти сплошь ледяным, на него смело можно было выпускать Николая Дуракова, Валерия Маслова и Сергея Ломанова с клюшками для русского хоккея.

Любимое число для всех вратарей мира – ноль. Для меня лучше, чтобы матч завершился со счетом 1:0, нежели 4:3 в пользу моей команды. Почему? Я перед каждой игрой ставил себе цель сыграть на ноль. И тут во мне говорил не эгоизм, а жизненная логика. Если радоваться счету 4:3 и ратовать за интересы команды, боюсь, что со временем за ее успехи будет переживать уже твой конкурент за место в воротах. По крайней мере, свою работу голкипер всегда должен делать на «хорошо». Во всех матчах. Быть вратарем средней команды легче, чем лидирующей. Там ты все время в игре, отбил семь мячей, пропустил три – и лучший, герой матча. Конечно, не пропускать совсем в принципе невозможно. Но чем меньше голов будет забито в твои ворота, тем будет лучше для твоей команды. Моя планка по пропущенным голам на каждый сезон в последние локомотивские годы равнялась 20 мячам. Раньше, когда «Локомотив» в основном оборонялся, ставил себе цель пропустить не больше 25 голов. Правда, не всегда удавалось эту планку взять.

Я отыграл на ноль 129 матчей – рекорд чемпионатов СССР и

России. И тут не учтены еще мои «сухие» матчи в Португалии. Конечно, приятно, когда число твоих «сухих» матчей переваливает за сотню. Считаю, что для вратаря этот показатель так же ценен, как для форварда 100 забитых голов. Но если для полевых игроков существует Клуб 100 российских бомбардиров, то вратарские успехи у нас почему – то не принято раскручивать, Клуб имени Льва Яшина, учрежденный в советские времена, сейчас куда – то подевался. Хотя сотня матчей на ноль является неким показателем уровня голкипера, его стабильности. У меня она была. Хороший вратарь не должен позволять себе всплесков и провалов. Тренеры предпочитают не броских голкиперов, не тех, которые летают по «девяткам», а надежных, не допускающих ошибок. Таких, как Акинфеев. И про Яшина говорили, что мяч всегда в него летел.

– Самое время вспомнить еще об одном достижении отечественного футбольного хозяйства – вратаре «Локо» Овчинникове. Как умудрился голкипер при своих – то физических данных мгновенно «сложиться» и отвести угрозу в двух критических эпизодах, ума не приложу.

Юрий Иванов «Спорт – Экспресс» после матча 3 апреля 2005 года ЦСКА – «Локомотив».

Самый психологически сложный момент для вратаря в игре – когда ты уже вытащил мяч из сетки, бросил на центр, и весь стадион на тебя смотрит. Может быть, и не смотрит, но тебе так кажется, и от этого ты испытываешь дикую неловкость. Понимаешь, что тебя вдобавок показывают по телевизору, и за горьким моментом твоего локального поражения наблюдает вся страна. Не знаешь, куда глаза деть. Хочется спрятаться в черепаший панцирь, зарыться в песок. Но ты не можешь себе этого позволить, потому что игра не окончена, потому что ты боец по духу и должен держать удар. Поднимаешь голову повыше и стараешься быстрее забыть этот кошмар. Хотя любой гол в твои ворота – рабочий момент, который следует проанализировать и выбросить из памяти, спокойно готовясь к следующему матчу.

Вратарь должен быть агрессивным. Кричать, командовать, бороться за своих. Иногда это даже часть имиджа. Специально так делаешь. Чтобы оказать давление на судью, вывести из равновесия противника. Своего рода маленькие футбольные хитрости. И не надо думать, что в жизни я такой же, как на поле.

Это только кажется, что вратарь ни при чем, когда у его ворот возникают голевые моменты. Даже такой опытный вратарь, как Слава Малафеев, как – то высказался, что вратарю пристало

сохранять спокойствие, он не должен орать на защитников. Как не должен? Ты же стоишь лицом к полю, видишь все, как по телевизору. А защитник в запаре может потерять «своего» игрока. Вратарь обязан кричать громче всех на поле, это часть его работы. Вратарь все время подсказывает партнерам, у него вся поляна, как на ладони. Чем громче ты гаркнешь, тем лучше тебя услышат. Многие атаки соперника можно срывать грамотным и своевременным подсказом, одним только языком! К тому же игроки должны чувствовать, что у них за спиной человек, который их выручит. Настоящему вратарю защитники доверяют больше, чем себе. Наши Сенников, Гуренко специально подходили ко мне: «Кричи на нас, сдирай три шкуры!» Это же не оскорбление, это подсказ. И если у твоих ворот куча голевых моментов, значит, ты плохой вратарь.

После 1:7 нашей сборной от Португалии в отборочном матче к чемпионату мира в 2004 году меня спросили: «А вы пропустили бы семь мячей?» Ответил: «Нет, не пропустил бы». Я мог от «Динамо» в 1991 году пропустить шесть, когда толком еще не знал, что к чему в высшей лиге, а против нас играли олимпийские чемпионы, и кричать мне не слишком удобно было. А Славка играл с Португалией в зрелом возрасте. Ну, видишь: уже – 0:2, 0:3, так вставь по первое число всем защитникам хотя бы в перерыве, сбивай темп, тяни время, хитрить надо было, чтобы не набили полную кошелку. Хотя никто не мог сказать, что сборная проиграла из – за Малафеева. Да, он не выручил, но та игра оказалась нехарактерной для его профессионального уровня.

Агрессия ведь по – разному проявляется. Вот Оливер Кан, одно время лучший европейский вратарь. В нем агрессия видна, даже когда он молчит. Немец может рыкнуть на своих, на чужих, на судью и тут же успокоиться. Такая пружина – раз – два. Приятно смотреть. У нас в России этим поляк Войцех Ковалевски в «Спартаке» отличался. Наверное, я тоже из этой категории, может, был даже чересчур эмоционален на поле. Но кто сказал, что это плохо? Плохо, когда специально ломаешь ногу другому. А любое проявление эмоций в спорте естественно. Хотя, наверное, все – таки не любое. Такой жестокой игры со стороны соперников, как в апреле 1997 года во Владикавказе, больше и не припомню – провокация за провокацией. Мне досталось больше всех. Есть неписаное правило: во вратарской голкипера не тронь. А тут выхожу на верховую подачу, а в меня врезаются двое из «Алании», а третий мяч в пустые ворота катит. Судья – петербуржец Николай Иванов гол, конечно, отменил. Но через какие – то минуты Жутаутас двумя ногами прыгает мне на голеностоп. Потом брошенная с трибуны банка «Хольстена», полная, между

прочим, пролетает над ухом. А запасные «Алании» и даже ребятишки, что подают мячи, матерят меня из – за ворот последними словами. Но мы все равно выиграли – 2:1.

Я не понимал Малафеева, когда он говорил, что вратарь должен быть спокойным. Нельзя оставаться спокойным, когда тебе семь мячей забивают. Это такой «португальский укольчик» Славе.

Против нас часто хамят, почему мы не можем? Не можем переломить себя? Семин учил в «Локомотиве»: если вас бьют, вы терпите, терпите, но до момента, а потом… А потом мы и сами начинали сандалить напропалую, где – то голишко и забьем, отскочим от вроде бы неминуемого поражения. С «Реалом» в Мадриде два момента у нас было, два гола забили. «Интер» на «Сан – Сиро» нас 50 минут прессинговал, а потом Лось (Лоськов. – *Прим. автора)* ударил с центра поля – и гол, и ничья. Вопрос даже не в поражении от Португалии, вопрос в том: проиграть 1:7 или 0:4. Случается, и хорошая команда 0:4 проигрывает. Но 1:7 это уж чересчур. Европа над нами смеялась, а мы не имеем права такого позволять по отношению к себе.

Над вратарем никогда не должен довлеть груз прошлых ошибок. Например, все курьезные мячи, залетавшие в мои ворота, я абсолютно без угрызений совести воспринимаю. Помню, за «Динамо–2» мне один раз с центра поля забили. В товарищеской игре. Так я, когда мяч еще летел, смеяться начал! Понял, что не достаю, прыгнул, упал. И это все с хохотом. И вся команда смеялась. Еще была ситуация с «Ротором» в 2005 году. Тоже курьезный мяч пропустил. Тогда, правда, мне было не до смеха.

Не знаю почему, но иногда складывалось впечатление, что отдельные товарищи только и ждали моего провала. В матче с «Ротором» я ошибся единственный раз за сезон. Да и не ошибка это была, а несчастный случай. Мяч попал мне в ногу и отскочил к Гогниеву. Он забил гол, оказавшийся решающим. Я тогда пришел в раздевалку и наорал на команду: «Какая разница – 0:1 или 0:0?! Все равно недобрали очки, которые должны были у «Ротора» дома взять.» Схватил сумку и, не переодеваясь, уехал. Прямо в бутсах сел в машину. Ребята, конечно, все поняли. К пустой браваде я не склонен и на других свою вину перекладывать не буду никогда.

Спасибо Семину, Юрий Павлович предложил сбавить нагрузки, а накануне очередного матча стал вместо тренировок отправлять меня на прогулки по лесу. Объяснил, что так делал Яшин, если чувствовал перегрузки. Мне такой подход тоже пошел на пользу, к концу сезона я стал посвежее, накопил сил.

Следующий матч мы проводили с ЦСКА, 1:0 выиграли. Был

довольно неприятный для вратаря момент: прострел с отскоком от земли, я начал ловить, мяч от меня отлетел – но защитник выбил. Утром открываю газету, читаю: «Ошибки Овчинникова становятся привычными». Задумался. Две игры – это что, «привычное»? Если человек в десяти играх кряду валит и валит – тогда да. А журналист знай свое: «Это становится фирменным почерком!» Да пусть у всех будет такой «почерк»: каждый год меньше всех пропускать и больше всех игр проводить на ноль. Футбол всего лишь игра. Ошибки допускают все. Другое дело самоотдача. Здесь я себя упрекнуть не могу.

Людей, оскорблявших меня, ни в какой кондуит не заносил – не злопамятный. Отношусь хорошо даже к тем, кто меня критикует. Вот унижать – не надо. А то вышла колонка в одной газете. За день до этого я матери сказал: «Вот посмотришь, еще из совка не все ушли. Сейчас начнут писать, что я и вратарь плохой, и человек отвратительный, и трус.» И написали, что я трус. Якобы специально с Уэльсом карточку получил. Нашлись же люди: «Положа руку на сердце, вратарь он слабый.» Ладно, если меня слабого ставят в состав сборной, у нас, что, сильных вовсе нет? Разве можно так унижать? Потом мне звонили из этой газеты, извинялись за автора: «Не могли повлиять, чтобы той статьи не было». Что, половина журналистов – бывшие вратари? Нереализовавшиеся? То, что в жизни не очень любят независимых людей, я прекрасно знаю, но живу по своим правилам, больно никому не делаю. Если кого – то раздражаю, это его проблемы.

Я всегда нервничал, выходя на матч. Сомневался в себе: смогу? Не смогу? Но кто – то сказал – пока ты сомневаешься, у тебя все получается. Как решишь для себя, что все чудесно, получишь что – то нелепое. При подготовке к играм самая большая сложность – справиться со своими нервами и стрессовыми ситуациями. Если даже ты нервничаешь, нужно сделать так, чтобы партнеры этого не замечали. Наоборот, они должны видеть в тебе саму уверенность.

Бывало ли страшно в игре? «Страшно» – наверное, все – таки не то слово. Иногда понимал, что сейчас будет «гайка». Идешь в мясорубку и даже успеваешь себя настроить на то, что придется вытерпеть боль. За доли секунды успеваешь подумать обо всем, но не идти не можешь. Ты же обязан спасать свои ворота. На тренировках, когда ты молодой, когда ты кидаешься подо все, что летит и бежит в твою сторону, постоянно получаешь травмы, проходишь соответствующую закалку, которая нейтрализует чувство страха.

Возрастной вратарь обязан беречь себя на тренировках. Кому там нужно твое мужество? Оно необходимо в играх. С годами я

стал более аккуратен. Идти в стык во время тренировок не стремился, иначе могут сломаться сразу два футболиста, да еще в ключевой для команды момент. А момент – то всегда ключевой. Главное – в игре не беречь себя и не бояться за свое здоровье. Хотя я не представляю, как в игре можно об этом думать. С возрастом не падать больнее становится, больнее вставать. Тяжелее – уж точно. А ворота шире не кажутся, наоборот – кажутся меньше. Ты уже почти все знаешь, а что не знаешь, то чувствуешь.

> – Манера игры Овчинникова не бросается в глаза. Акробатические прыжки «на публику» ему претят. Рационализм – вот чем достигается желаемый результат. Порой даже кажется, что голкипер, словно удав кролика, гипнотизирует мяч, и тот, не противясь, отправляется ловцу в руки. Но впечатление обманчиво: умение выбирать позицию – только в этом причина покорности.
>
> *Юрий Иванов. «Спорт – Экспресс». 2004 год.*

Опытный вратарь чувствует и если кто – то в игре «поплыл». Ничего страшного, «плывуна» нужно хорошенько встряхнуть. А вот как – это зависит от игрока. Вратарь – он тот же психолог. Ты должен все знать про каждого из своих парней и суметь найти в решающий момент нужные слова.

Одно из главных вратарских качеств во время игры – это умение грамотно выключаться и включаться. У того голкипера, который умеет это делать, есть все предпосылки стать успешным в своем ремесле. Вратарь не может все время находиться в стрессовом состоянии, периодически ему нужно брать передышку. Хотя бы потому, что, когда он отбивает сложный мяч, пульс зашкаливает за 200 ударов в минуту. Во время матча я мог и о музыке думать, и песенку какую – нибудь напевать. Или прикинуть, что мы с ребятами будем делать после игры. Куда пойдем, как отметим победу. Таким манером отвлекал себя. Не знаю, как другие вратари, но я сильно переживал во время матча. А если все время зацикливаться на происходящем на поле, недолго и с ума сойти. Давно один тренер сказал мне: надо быть сконцентрированным на сто процентов, но надо уметь и расслабиться. Лук сломается, если тетива все время натянута. А о времяпровождении после хорошей победы помечтать приятно. Как все вместе пойдем в ресторан или посидим в баре. Кстати, это нормально, пиво способствует более быстрому восстановлению, да и нормальному общению в команде очень помогает. Конечно, если ты не переходишь границ дозволенного. Я никогда не

говорил, что футбол – это все, что у меня есть, что я страшный фанат игры. Всегда умел делить футбол с домом. По молодости, правда, настроение после поражения команды падало до нуля и надолго, хотя уже тогда научился не переносить свое душевное состояние на окружающих. Полчаса – и все забыто, выбрасывал неприятности из головы. Моя семья в нашем проигрыше не виновата, так зачем же портить ей вечер.

Неберущиеся мячи существуют. Это в теории их нет, а на практике – сколько угодно. Я старался форварда задавить психологически, ввести в заблуждение и запугать. В глаза не успевал посмотреть, просто чувствовал эпизод. Случалось, ощущал, что соперник меня боится, что его надо лишь дожать – качнуть, и он дрогнет. Иногда, наоборот, заранее знал: парень сейчас ударит, и будет гол. Ты борешься с этой обреченностью, но все уже предрешено. В такие моменты мяч летит в ворота, как в замедленной съемке, и за это время ты успеваешь десять раз прокрутить ситуацию. Он очень долгий для вратаря, момент, когда мяч пересекает линию ворот. Успеваешь за секунду проанализировать ситуацию, безошибочно определяешь, гол это или нет. Что – то необъяснимое. Даже успеваешь представить, как стоило бы сыграть, как можно было отбить этот мяч. Но поздно.

Овчинников – один из лучших вратарей мира!

Мариану Баррету, португальский тренер. «Спорт – Экспресс». 2003 год.

Яшин опережал свое время лет на 10–15. Он и сейчас прекрасно играл бы. Для меня он лучший вратарь всех времен и народов. Но тренер вратарей «Локомотива» и один из преемников Яшина Александр Ракитский рассказывал, что прыжки Яшина – иллюзия: просто он умел красиво вытянуться, поджимал колени, как пружина, группировался. Получалось очень элегантно. У него была потрясающая техника, если бы он хотел играть на публику, то и в этом случае был бы лучшим. Но это противоречило его характеру, хотя иногда и прорывалось на поле. Для него был важнее выбор позиции, рациональная игра. Поэтому он так долго и выступал. После 35 вратарю очень сложно играть красиво: пропадает резкость, реакция уже чуть хуже. Тут можно брать только опытом, выбором позиции. Больше думаешь головой, чем надеешься на интуицию в момент удара по воротам. Еще один партнер Яшина по «Динамо» Владимир Эштреков рассказывал, что появились уже вратари моложе и лучше позднего Льва Ивановича, но команда требовала, чтобы играл он, поскольку был эталоном надежности. И если бы он не сломал палец, то играл бы

и после 41 года. Но пропустить два месяца в таком возрасте тяжело. И потом пресса уже давно провожала его на покой, что тоже сказалось.

> – Одна бесспорная звезда есть и у нас. Снова потряс Овчинников. Дабы не сотворить себе кумира, с особым пристрастием следил за действиями вратаря «Локомотива» – ведь нельзя же быть абсолютно безошибочным! Смотрю видеоподборку опасных моментов у его ворот: ага, вот голкипер отбивает мяч прямо перед собой, вот еще раз. Две ошибочки вратаря сборной мира? Нет, повтор четко показывает, что и в том и в другом случае по пути мяча был рикошет от своего. И как Овчинников успел среагировать – одному богу известно! В канун чемпионата России такой вратарь для «Локомотива» уже полдела (если не больше). Особенно в условиях явных проблем с голкиперами у ряда конкурентов.
>
> *Виктор Гусев, спортивный телекомментатор, после матчей «Локомотива» с «Миланом». «Спорт – Экспресс». 2003 год.*

Мои динамовские тренеры, начиная от Геннадия Гусарова и кончая Евгением Байковым, уверяли: «Сережа, прыгать не надо, надо стоять на том месте, куда летит мяч. Это не так эффектно, зато очень надежно. Не надо этой прыжковой мишуры, пусть лучше все будет выверено, практично». Гонтарь так играл. Пильгуй был намного легче и придерживался другого стиля. И я всегда говорил партнерам по «Локомотиву», по другим командам: «По «девяткам» бьют не каждый день, а если и забьют, никто меня не обвинит. Не давайте бить в «девятку», все остальное мы поймаем. А до верхнего угла я не долечу, но если все же долечу, вы меня всей командой собирать будете». Мне легче сделать два – три переступа и отбить мяч, что многим не нравится. С первых матчей в чемпионате России приходилось слышать: «У него техники нету, другой вон как красиво прыгает». Людям хотелось видеть эстетику, а не прагматизм. И, возможно, вспоминали они при этом Рината Дасаева.

Дасаеву удавались многие матчи за сборную, например, с Англией при тренере Малофееве, когда наши выиграли 2:0. Он тогда много мячей поснимал с воздуха. Но приходилось слышать и нотки осуждения его игры: Ринат бросается на соперника вперед ногами. Но почему раньше вратари получали по шесть – семь сотрясений мозга за карьеру? Потому что они бросались

вперед руками, а значит, и головой, но не перекрывали и десяти процентов пространства ворот. А бросаться вперед ногами можно по – разному. Можно садиться на землю, вытянув ноги вперед. Но благодаря растяжке, которую первым продемонстрировал Шумахер, а за ним Шмейхель, им удавалось перекрывать низ, причем руки оставались свободными для реагирования на мяч. А когда прыгаешь вперед руками, атакующий игрок может бить, куда захочет. Конечно, если он чуть – чуть отпускает мяч, ногами далеко не прыгнешь и идешь на него руками. Может быть, у Рината не было козырных матчей такого рода, что дало повод телекомментатору Владимиру Маслаченко, например, систематически отрицательно отзываться о Дасаеве.

Невозможно быть безрассудно смелым. Чувство страха мне, как и любому смертному, знакомо. Но надо уметь его преодолевать. Вратари – люди довольно мужественные. Профессия обязывает. В детстве у меня не было боязни высоты, глубины, темноты. Побаиваюсь разве что уколов. Но, к сожалению, в спорте без них никуда. Мне тоже бывало страшно, когда игрок летел навстречу на сумасшедшей скорости, и приходилось прикидывать, прыгать или не прыгать ему в ноги. Иной раз падал, лишь бы увернуться. Я же не хотел, чтобы мне заехали бутсой по голове, а пропущенный гол – еще не конец карьеры. Вратари по определению не могут быть трусливыми, человек ведь намеренно выбирает себе футбольную специфику, при которой постоянно и носы, и челюсти, и руки ломают. Просто у Дасаева был определенный стиль игры, хотя, может быть, он этого и не осознавал. Если бы Ринат был трусом, то со своими «инвалидными» коленями столько не играл бы. Рассказывали, что он часто выходил на поле на уколах, вообще больной – перед игрой валялся в лежку. Другой бы не вышел, а он пересиливал себя. И даже если он чего – то боялся, то это лишь один недостаток, который перекрывала масса других его достоинств. Может быть, для Дасаева при его данных лучше было играть иначе, но раз он играл по – своему и стал лучшим вратарем мира, значит, это был не худший вариант. А Маслаченко говорит много того, чего на самом деле не было, о чем вообще не нужно упоминать. Мне, например, хватило одной его фразы: «Таких вратарей, как Яшин, было много». Да, в каждом сезоне мог найтись вратарь, который стоял лучше всех. Но попробуй стабильно надежно отыграть на протяжении всей карьеры! За границей тоже ведь не дураки, не могут не видеть вратарских недостатков. Значит, там признали за Дасаевым определенный стиль.

– Из первых номеров российской премьер – лиги мне особенно по душе манера игры Овчинникова. Он излучает спокойствие и поразительную уверенность в себе, которая, в свою очередь, передается защитникам и всей команде. Для партнеров его слово – закон. Вратарь должен быть лидером – тогда его будут уважать. На сегодняшний день Овчинникову, повторяю, и близко нет равных.

Ринат Дасаев, в прошлом вратарь «Спартака», «Севильи» и сборной СССР. «Спорт – Экспресс». 2003 год.

Шумахер на чемпионате мира тоже отвернулся и задницей долбанул французу, потому что испугался: сам летит вперед и соперник навстречу. Или трагедия с Перхуном, приведшая вратаря ЦСКА к смертельному исходу. Бывает, в кураже ты не соображаешь, что делаешь. Сыграешь, а потом все будут писать, какой ты смелый, а сам ты и не думал о какой – то отваге. Перхун был хорошим вратарем, а то, что произошло с ним, роковая случайность. Виноват нападающий «Анжи». Вратарь, идя на мяч, наверняка крикнул. Может быть, Будунов его не видел, хотя должен был чувствовать, должен был уступить. Тут речь уже не о стремлении забить гол, тут должна присутствовать этика. К вратарям что в хоккее, что в футболе относятся бережно, уступают им, защищают их. Считаю, что Перхун обязан был сыграть более жестко против Будунова, оберегая себя, или руками или ногой откровенно снести форварда. Он Будунова не убил бы, а когда ты идешь головой вперед, вероятность попадания ногой в висок большая. Наверное, Будунов потом переживал, но содеянного не вернешь.

Я в Португалии как узнал о смерти Перхуна, подумал: «Да пошел он, этот футбол.» Тем более что мне было уже за 30. Потом все как – то устоялось, забылось, но сначала очень переживал. А у португальцев это событие вызвало настоящий шок. С утра мне все показывали газеты: «Вот, смотри.» Нам только кажется, что в Европе не следят за нашим футболом. На самом деле там пишется о российском футболе достаточно, даже разбираются достоинства и недостатки наших футболистов. А я, например, перед первым матчем России с Германией в отборочном турнире к чемпионату мира знал, может быть, фамилии максимум трех футболистов из состава соперников. Подходит журналистка, спрашивает, как мне игроки сборной Германии. «Баллак – это фигура, – отвечаю. – А дальше: прочитаю состав, познакомимся на поле. Почему я их должен знать заранее?» Забил нам

Швайнштайгер, теперь я его знаю. Хороший игрок, молодец парень.

По идее футболисты друг друга знают вне зависимости от национальности – румын, поляк или немец. Но на Западе принято отвечать: «Я о вашем футболе понятия не имею», показывая тем самым свое превосходство. Это у них в крови. А у нас наоборот, существует какое – то преклонение перед Западом. Слава богу, сейчас выросло другое поколение. Марату Измайлову, Динияру Билялетдинову англичане, французы не авторитеты. А следующее поколение вообще будет наглым, как танки. Тем более что хороших игроков стало больше, чем в начале 90–х, детские школы работают. А тогда пробел был страшный, что в экономике страны, что в футболе. Личностей, суперигроков постепенно не стало. Средних, не хуже, чем в Финляндии, Норвегии, Австрии, Бельгии, хватало, но до Англии, до Испании было как до Луны.

Заканчивая с комментариями бывшего вратаря Маслаченко, замечу, что и обо мне он то хорошее говорил, то вдруг ни с того ни с сего нес какую – то ерунду. И не только обо мне. А кто сказал, что Маслаченко – бог вратарей, что его оценки правильные?

> – Считаю Овчинникова одним из сильнейших вратарей Европы и лучшим в России. О его профессиональном уровне лучше всего говорит факт, что уже почти два года он – первый номер сборной страны. Но хотел бы отметить еще и человеческие качества, характер, яркую личность нашего вратаря. Есть люди, вокруг которых строится команда. Овчинников – один из них. Думаю, он был бы душой любого коллектива. Много раз говорилось о его умении придавать уверенность партнерам в самых сложных ситуациях. Повторяться не хочется, и скажу лишь то, что поговорка «вратарь – это полкоманды» придумана словно специально про Овчинникова.
>
> *Дмитрий Лоськов, полузащитник «Локомотива» и сборной России*

Классными вратарями были мои первые партнеры по сборной России Дмитрий Харин и Станислав Черчесов. За границей Харин реализовался: все – таки четыре сезона провел в «Челси», играл потрясающе, и если бы не травма, таких сезонов оказалось бы еще больше. Равными ему в Англии были разве что Шилтон, Вудс или Симэн, хотя он выделялся и на их фоне, что отмечала и пресса. А Черчесов остался недооцененным. Если бы он попал в хорошую

команду, а не в дрезденское «Динамо», которому отгружали по пять – шесть мячей, то тоже оказался бы на виду. Я видел матчи сборной, которые он отыграл просто бесподобно, как вратарю мне остается ему только аплодировать. Сидел на скамейке и понимал: он намного сильнее меня играет. Его уважали – умный, порядочный, подлость для него исключена, но несколько заносчивый. Выучил немецкий, понял, в каком направлении надо грести, спокойно доиграл до 40 лет.

Можно вспомнить и других сильных российских вратарей. Хорошо стоял в Самаре Юра Шишкин, тоже классный вратарь и тоже недооцененный. Валера Городов, год выступая в «Уралмаше», сильно помогал команде. Но это вратари союзной, сильной школы. Александр Подшивалов хорошо играл в «Торпедо». После моего отъезда в Португалию его взяли в «Локомотив», но пробыл он в команде недолго. Заур Хапов сколько лет играл, всегда держал хорошую планочку. Он говорил: «Я свое сыграл до 35 лет», в «Локомотив» из «Алании» пришел уже на роль второго, помогать. Команда претендовала на Лигу чемпионов, случись что с Нигматуллиным, «Локомотив» с Хаповым ничего не потерял бы. Семин, ребята его ценили. А ведь Заура приглашали даже в «Динамо», но он признавался: «Уйти из «Локомотива» легко, а вот вернуться. Нигде больше не найти такого коллектива». Ни у кого из тех, кто уходил из «Локомотива» плохо, возврата не получилось. В том числе у Нигматуллина.

Руслан – очень своеобразная фигура. Сильный вратарь, но сам себя наказал. Человек по амбициям превосходил свой вратарский потенциал, но если амбиции не подкреплены высоким классом, выглядят они порой смешно. В футболе нельзя жить прошлым – одним – двумя хорошими сезонами, такие у каждого вратаря найдутся, у всех есть что вспомнить на старости лет. Лучше жить будущим, каждый день, каждую игру соответствовать заданному образу. Как только перестаешь соответствовать, тебя забывают.

> – Мне нравится Овчинников, вратарь опытный, поигравший на серьезном уровне. Импонирует в нем уверенность и лидерская жилка. Овчинников стоял у истоков возрождения «Локомотива», в клубе его очень уважают.
>
> *Руслан Нигматуллин, вратарь «Спартака», «Локомотива», ЦСКА и сборной России. «Спорт – Экспресс». 2005 год.*

Сейчас в российском вратарском цехе, грубо говоря, есть

Акинфеев и все остальные. При всем уважении к Малафееву, Габулову, Джанаеву. Ну очень Акинфеев мне нравится! Как профессиональный вратарь он мне был конкурентом, однако это сути не меняет. Простая игра, неброская, но потрясающе надежная. Я не люблю броских вратарей. Эффективность лучше эффектности! Потрясающе играет ногами. Выбирает позицию. Раньше мне говорили: «Что Овчинников не падает? У него такая оборона, только поэтому мало пропускает.» Так это здорово, что не падает! Выбирай позицию – и не надо падать!

Если работа вратаря не видна – отлично. Исполнять эффектные прыжки несложно, но это не нужно. Работа вратаря заключается не только в том, чтобы отбивать мячи. В первую очередь он должен руководить обороной. Если вратарь делает это правильно, срывается много атак соперника. А ведь любая атака – потенциальный гол. За каждую игру я терял три килограмма. Вот и судите – расслаблялся я в воротах или нет.

– Овчинников очень хороший вратарь. В мое время непробиваемой обороной славилось московское «Динамо». И одни говорили: «Ну какая в этом заслуга Яшина? С такими защитниками, как Крижевский, Кузнецов, Кесарев, любой голкипер сохранит ворота на замке». На что другие не менее резонно возражали: «Это с таким вратарем, как Яшин, любая оборона не дрогнет. Ведь сколько надо наделать ошибок, чтобы Лев Иванович в конце концов пропустил!» Но все дело в том, что и голкипер был замечательный, и защитники ему под стать. Вот и в нынешнем «Локомотиве» сложилась похожая ситуация.

Валентин Бубукин, в прошлом форвард «Локомотива», ЦСКА и сборной СССР, чемпион Европы 1960 года. «Спорт – Экспресс». 2002 год.

Игорь Акинфеев импонирует мне и как человек. После стольких лет в футболе сразу вижу, что представляет собой игрок, стоящий в воротах. Толковый он вратарь или «попрыгунчик» с дешевыми номерами. Посмотрю одну игру и скажу. Акинфеев не делает легкие мячи трудными. Вратарь должен брать то, что летит в него, в угол еще не всегда пробьют. В 18 лет он стал ключевым футболистом ЦСКА. А сегодня он лучший вратарь в мире. Я не вижу в его игре изъянов: для меня нет разницы между ним и Буффоном. Если он перейдет из ЦСКА в «Ювентус», станет великим вратарем. Главное качество Акинфеева – надежность. Ее он достиг за счет таланта, трудолюбия. Игорь – мой друг, может

позвонить в любое время. Это первый раз, когда я рад за другого вратаря. Всегда дружил с теми, кто не являлся мне конкурентом. Хотя так уж получилось, что серьезной конкуренции за место в «Локомотиве» у меня за всю карьеру не было. Это не говорит о том, что я такой уж классный игрок, просто повезло с тренером. Юрий Семин мне всегда доверял, а это большое счастье для вратаря.

В дружбу между вратарями не верю. Не стоит принимать за чистую монету утверждения вратарей, что они любят острую конкуренцию. Любому вратарю спокойнее работается, когда он чувствует, что на него делается ставка, а рядом молодые ребята. Друзья – вратари у меня есть, но из других команд. Например, много лет общаемся с Андреем Сметаниным. Хорошие отношения у меня с Платоном Захарчуком и Зауром Хаповым. Но дружба – нечто большее, чем отсутствие конфликтов. Создавать ее искусственно невозможно. В любом вратаре я видел конкурента. Такая уж у меня работа. По – моему, лучше искренне относиться к человеку не очень хорошо, чем лгать. Чем больше хороших вратарей в команде, тем хуже для них. Хотя для команды, может быть, и лучше. Даже если это на результатах никак не отражается, внутреннему состоянию вратаря вредит. Тяжело постоянно находиться в борьбе с самим собой. Конкуренция в данном случае не подстегивает, а выводит из равновесия. Те моральные силы, которые мог бы потратить на поле, тратишь на то, чтобы вернуть себе спокойствие.

Прюдомма я уважал за достижения в футболе, мастерство, деловую хватку. Иногда он поступал не очень корректно, но с его точки зрения это было, наверное, правильно – я был моложе, менее опытен. Потом пришло время, и на каком – то этапе мы с ним сравнялись по мастерству. Сейчас рассматриваю Прюдомма не как вратаря и конкурента, а как интересного мне человека. Общаемся довольно мило, и главное – это общение искреннее.

Но для клубов уровня «Локомотива», «Спартака», ЦСКА, «Зенита» непозволительно иметь только одного сильного вратаря. Если в чемпионате России еще можно проскочить матч – другой с дублером в воротах, то в еврокубках отсутствие из – за травмы или дисквалификации основного голкипера чревато роковыми последствиями. Выступая в Лиге чемпионов или Лиге Европы, необходимо иметь двух, а лучше трех вратарей высокого уровня.

> – С Овчинниковым мы прежде всего коллеги, а не конкуренты. Могу сказать о нем лишь теплые слова. Он – опытный вратарь. У него есть чему поучиться. А кому выходить на поле, решает тренер сборной. Мы выступаем

за разные клубы и стараемся хорошо делать свою работу – меньше пропускать.

Игорь Акинфеев, вратарь ЦСКА и сборной России. «Спорт – Экспресс». 2005 год.

Несмотря на исключительность таланта Акинфеева, его тяжелая травма – разрыв связок, не стала роковой для сборной России в отборочном цикле к чемпионату Европы 2008 года. Наша сборная сейчас от одного человека не столь уж зависима. Не то что, например, в 80–е годы сборная Северной Ирландии от голкипера Патрика Дженнингса, который играл до 42 лет и трижды выводил свою команду в финальную часть чемпионатов мира. Хотя что такое эта страна на футбольной карте? Как только Дженнингс ушел из футбола, о ней все забыли. Но Россия – не Северная Ирландия. И Слава Малафеев, и Володя Габулов справляются с ролью основного голкипера сборной. К тому же отсутствие Акинфеева и защитников мобилизует. Ведь когда в 2003–м тот же Малафеев заменил меня в стыковом матче с Уэльсом в Кардиффе, оборона сыграла так, что валлийцы к нашим воротам вообще ни разу не подошли.

Я не из тех, кто живет только сегодняшним днем. Могу и завтрашним, и вчерашним. Искусственно вызываю воспоминания, стимулирую свое хорошее настроение. Потому что вспоминаю я только приятные моменты. Весь негатив – вычеркиваю. Если речь шла о спорте, то порой, готовясь к очередной игре, прокручивал в памяти то, как я готовился к тому или иному удачному матчу. Вспоминал все, вплоть до мандража.

Особенно, вот ведь парадокс, испытываешь его тогда, когда находишься в хорошей форме. Чувствуешь, что ты в порядке, и тебя начинает слегка потрясывать. В такие периоды накануне игр я себя просто изводил, мог даже сон потерять. Утром в день матча вставал и неустанно анализировал: где я могу ошибиться, как надо будет сыграть, если возникнет та или иная ситуация. Зато как форма средненькая, особо не переживал. Более того, ощущал себя уверенным – уверенным!

– На Euro–2004 приятное впечатление произвел Ван дер Сар, продемонстрировавший очень зрелую и современную игру. Хорош чешский голкипер Чех. У нас же сильнейший на сегодняшний день – Сергей Овчинников.

Юрий Пшеничников, в прошлом вратарь «Пахтакора», ЦСКА и сборной СССР. «Спорт –

Экспресс». 2004 год.

Удаление до конца карьеры

Я провел в «Локомотиве» до и после Португалии в общей сложности 11 сезонов, отдал ему все – душу, здоровье, профессиональные навыки. Потом уже жалел, что в конце 2005–го покинул «Локо», наверное, была возможность остаться. Контракт заканчивался, дважды наш президент Валерий Филатов назначал мне встречу, но оба раза по дороге в клуб следовал звонок и сообщение, что принять он не может. Перед последним матчем чемпионата со «Спартаком» я сказал нашему спортивному директору Биджиеву: «Если контракт после игры не будет подписан, уйду». И слово сдержал.

В конце ноября была еще игра в Израиле на Кубок УЕФА, но меня исключили из списка отъезжающих. Филатов объяснял такое решение нежеланием нарушить атмосферу в команде. Как – то ведь объяснять надо было. Но я отнесся к этому спокойно. Ну как я мог ухудшить атмосферу? Решение одного игрока – это только его решение, и если он остается в нормальных отношениях с партнерами, как он может что – то испортить? Контракт мой заканчивался 31 декабря, и взяли бы в Израиль, отыграл бы там без вопросов.

Трудно было не заметить, что «Локомотива», которому я был предан на протяжении большого периода жизни, уже нет. Привык чувствовать себя в команде комфортно, многого в перестройке клуба не понимал. Прежняя атмосфера общения в самом клубе и с болельщиками исчезла. Ушли многие из тех, кто создавал неповторимую ауру «Локомотива» – не только футболисты и тренеры, но и работники клуба. В команде всегда была демократичная обстановка, а тут появилась вдруг какая – то строгость. То, что строили два десятилетия, разрушилось. Нового создать не успели. Мне тяжело было расставаться с родным коллективом, и Семин перед подписанием контракта с «Динамо» настаивал, чтобы я еще раз все обдумал. Но мне ведь никто ничего в «Локомотиве» не предлагал. Хотя ждал я долго. Считаю, что имел право хотя бы на разговор. Если бы даже было сказано, что в силу возраста на меня как на игрока не рассчитывают, но предлагают какую – то работу в клубе, остался бы. В какой – то момент все взвесил и понял, что я там не нужен. Поэтому совесть моя была чиста. В конце концов руководству решать, кто ему нужен, а кто нет. Если вратарь Овчинников их не устраивал, значит, он должен искать новое место работы. Кто меня знал, тот понимал, что руководствовался я отнюдь не финансовыми или какими – то иными условиями и «Локо» не предавал.

Единственное, о чем жалел – о расставании с преданными поклонниками «Локомотива».

Болельщики тоже разные бывают. У «Локомотива» – самые лояльные. Выиграем мы или проиграем, они все равно как ходили на стадион, так и будут ходить. У нас на «Локомотиве» хулиганства почти не было, хотя эмоции на трибунах били через край. И в свой адрес игроки никогда не слышали бранных слов. На поле болельщики добавляли нам непередаваемых ощущений. Все потому, что они идут посмотреть не на результат, а на команду. Ведь если у родителей плохой сын, они не будут любить его меньше. Раньше мы завидовали западным клубам, испытывая колоссальное давление со стороны их болельщиков. А на новом стадионе в Черкизове получили ту же атмосферу. И успехи «Локомотива» в Лиге чемпионов – огромная заслуга и зрителей нашего стадиона.

Меня называли символом «Локомотива», но я себя таковым не считаю. Может быть, простоват для этой роли. Во всяком случае, никогда не чувствовал какого – то особенного отношения к своей персоне со стороны тренеров и ребят. А вообще, к каждому человеку относятся так, как он этого заслуживает. Главное – самому уважать людей, тогда и тебе ответят тем же.

Меня учили, что в жизни лучше помнить все хорошее, и свою ситуацию с уходом из «Локомотива» глубоко копать не хочу. Боюсь докопаться до чего – то очень неприятного для меня.

Другого выхода, чем уход из команды, я не видел, остаться в «Локомотиве» из чувства элементарной человеческой гордости не мог. И вообще, та ситуация была мне не совсем понятна, и в то же время сидеть без работы не хотелось. Меня вынудили. Или сам себя вынудил. Но варианта было два: либо «Динамо», либо заканчивать с футболом. Хотя если бы меня пригласил не Семин, а кто – то другой, возможно, отказался бы.

> – Овчинников как свободный агент мог заниматься новым контрактом в последние полгода действия предыдущего. Но начал он это делать только тогда, когда понял, что время уходит, а предложений от «Локомотива» как не было, так и нет. Хотя все, что выиграл «Локомотив», он выиграл с Овчинниковым.
>
> *Юрий Семин, главный тренер «Динамо» – 2006.*

В свое время я отговорил от перехода в «Динамо» Вадика Евсеева, убеждал его, что из «Локомотива» уходить нельзя, что эта команда – навсегда, что он многое потеряет, если уйдет. А получилось так, что его отговорил, а сам ушел. Да всех я тогда

отговаривал. И Игнашевича тоже. Потом мне припомнили: «Молодец, нас просил остаться, а сам ушел». Но как лидер команды я только так и мог поступать. При этом понимаю, что Игнашевич вряд ли жалеет о переходе в ЦСКА. С другой стороны, может быть, с ним «Локомотив» выиграл бы еще больше, чем армейцы.

После моего перехода в «Динамо» мы с Филатовым не общались. Захотел бы Валерий Николаевич со мной поговорить, нашел бы возможность. А я никогда не обращался к руководству по собственной инициативе, не был к кому – то из начальства близок.

> – Как бы мы ни расстались с Овчинниковым, он из тех, кто ковал славу «Локомотива». Об этом нельзя забывать.
>
> *Валерий Филатов, президент ФК «Локомотив» в 1992–2006 годах. «Спорт – Экспресс». 2006 год.*

Когда шел в «Динамо», вспоминал: возвращаюсь в клуб, где когда – то стал футболистом, но на «новом старом месте» задержался недолго. Получается – ошибся. Надо признаваться в очевидном.

Подписав контракт с «Динамо», я подумал, что будет символично завершить карьеру в клубе, в котором она началась. Тем более что во всех видах спорта, кроме футбола, я продолжал болеть за «Динамо». Ко мне подходили старые болельщики и говорили, что помнят меня еще мальчишкой, что очень рады моему возвращению. Но не могу сказать, что все меня приняли на ура, для многих я по – прежнему считался локомотивцем. Если быть полностью откровенным, в душе я им и оставался, очень симпатизировал «Локомотиву» и желал ему победы в чемпионате. Напрасно я вышел против «Локо» в Черкизове, не смог справиться с эмоциями, не знал, кому желать проигрыша, а кому победы – такое вот раздвоение личности испытывал. Конечно, это непрофессионально, зато по – человечески.

Чем было сильно московское «Динамо» в свои лучшие сезоны? Погоду в нем всегда делали собственные воспитанники, патриоты клуба. Я с 7 до 20 лет был динамовцем. Преданным фанатично. Воспитанным в том духе, что красный цвет – вражеский. «Спартак» – враг. Против него готов был рвать и метать. Но потом своих начали убирать, убирать, убирать.

В 2006 году, когда было много ожиданий, и я в прессе уверял: «Динамо» будет бороться за золото». Больше, конечно, – для красного словца, но на бронзу искренне рассчитывал. А вместо

бронзы мы оказались внизу, а я и вовсе – в дубле.

> – Сергей Овчинников проводит третий матч за «Динамо» и каждый раз играет выше всяких похвал. В Самаре отбил пенальти и взял несколько «мертвых» мячей. В ответном матче вообще стал настоящим героем, ликвидировав два выхода один на один и отразив два послематчевых 11–метровых. В игре с «Шинником» Сергей вновь отличился: лицом отразил опаснейший удар Ширко.
>
> *Игорь Зетилов. «Советский спорт». 2006 год.*

Когда я пришел в «Динамо», быстро понял, что коллективом там и не пахнет. Семин привык в «Локомотиве» к тому, что его слово – закон. А в «Динамо» многие его указания почему – то воспринимались в штыки. И иностранцами, и некоторыми нашими тоже. Палыч пришел с психологией победителя, с уверенностью в собственной правоте. Но в «Динамо» его решительный настрой на борьбу за самые высокие места не воспринимали, посмеивались, несерьезное к нему было отношение. А он порядочный человек. И очень любит футболистов. Знаю тренеров, у которых этого качества нет. Они не любят игроков, рассматривают их как материал для добывания результата.

В то время было много разговоров о «звездном составе» Семина. Однако можно набрать кого угодно, но если люди не хотят играть, их не заставишь. И Семин, полагаю, до сих пор не может понять, что тогда произошло. И он правильно сделал, что ушел из «Динамо». Скорее всего, в итоге у него там что – то и получилось бы, но каких нервов и сил ему бы это стоило! Было очень и очень трудно. Даже не трудно, здесь более сильный эпитет нужен. Слишком разношерстная компания подобралась. И дело не в звездности исполнителей, в самих людях. Некоторые игроки все время в чем – то сомневались. В нашем «Локо» даже представить себе такое было невозможно! Меня, признаюсь, одно время сильно удивляли интервью некоторых футболистов «Динамо». Я считаю, что люди должны оставаться честными хотя бы перед самими собой. Зачем напраслину – то гнать? Тем более на Семина, который всегда был демократом. Общался с игроками, советовался. А здесь такое. Я считаю, что имя Юрия Павловича марать никому не позволено. Как, впрочем, и имена Романцева, Газзаева, людей, много сделавших для нашего футбола. Нестабильности добавляли финансовые проблемы. Кого – то шаткое финансовое положение нервирует, кто – то сохраняет

спокойствие, интересы игроков по жизни разные. Русские – то игроки к такому привыкли и терпели, а иностранцы терпеть не будут. Никаких патриотических чувств по отношению к клубу они не испытывали. Но самое интересное: только сняли Семина, как сразу финансовый вопрос решился. Значит, все оказалось глубже.

Наверное, и мне где – то способностей не хватило, такта, авторитета. В своем игроцком кругу мы собирались. Но важно не то, что ты говоришь, а услышат ли тебя. Можно быть трибуном, как Маяковский, но, если напротив тебя «глухонемые» сидят, они будут видеть только жесты. И смысл сказанного до них не дойдет.

– Овчинников способен реально воздействовать на игроков.

Юрий Семин, главный тренер «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2006 год.

Много шло разговоров про Коштинью, но на сборах он играл на редкость слабо! И при этом неадекватно себя вел, откровенно издевался над тренером, над клубом. Да над всеми! Я к нему подошел, говорю: «Что ты творишь?» Он улыбнулся, и все. Иностранцы считали, что они выше нас, потому и издевались. Решение Семина об отчислении Коштиньи выглядело абсолютно логичным. Когда португальцев этим немного остудили, у нас игра пошла. Побеждали неплохие команды. Те же Данни и Сейтаридис бились за место в составе. А потом опять кое – кто расхотел играть. Дерлей, человек сложный, который был заводилой у португальцев, почти не тренировался.

– Овчинников – один из лучших вратарей России. У него колоссальный опыт, и он наверняка усилит игру «Динамо». Кроме того, Сергей, как я уже понял, способствует сплочению коллектива.

Дерлей, нападающий «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2006 год.

Что интересно: разговариваешь с ними один на один – абсолютно адекватные ребята. Все до единого. Фернандес – блестящий игрок и человек. Тот же Сейтаридис – профессионал. Данни, оставшись потом единственным португальцем в команде, вел ее за собой, стал лидером. Но все вместе они выглядели бандой. Когда меня выбирали капитаном «Динамо», португальцы заявили, что это неправильно. И сдали пустые листочки. Сказал им: «Вы как дети. Пусть кто – то из вас будет, мне все равно». Мне

действительно было все равно. Показалось, что со стороны португальцев был чистой воды спектакль, они осознанно пошли на конфликт.

– Сергею и говорить – то ничего не надо было. Альтернативы ему как капитану мы не видели.

Дмитрий Парфенов, защитник «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2006 год.

Свой последний официальный матч я провел 25 июля 2006 года. На 77–й минуте встречи с «Москвой» при счете 1:0 в пользу соперника судья на линии показал флажком на угловую отметку, хотя все видели, что мяч ушел от игрока «горожан». На правах капитана спросил у бокового арбитра, почему он назначил угловой. Да, в резкой форме, но я никого не унижал, матом не ругался. Вратарь должен быть агрессивным. Кричать, командовать, бороться за своих. Иногда это даже часть имиджа. Специально так делаешь, чтобы оказать давление на судью, вывести из равновесия противника. И не надо думать, что в жизни я такой же, как на поле. В игре бесит бесправие. Когда видишь, что арбитр не случайно ошибается в пользу соперника, а ты ничего изменить не в силах, это мгновенно выводит из себя. А в обычной жизни человек сам в состоянии повлиять почти на любую ситуацию, как – то ее контролировать.

С судьями я воевал часто, но никогда без повода. 16 июня 2004 года на последней минуте первого тайма матча чемпионата Европы с Португалией норвежский судья Терье Хауге посчитал, что я сыграл рукой за пределами штрафной, и удалил меня с поля. Даже португальские игроки пытались доказать арбитру, что все было в пределах правил, но своего решения он не изменил. Правда, позже, посмотрев видеозапись эпизода, Хауге извинился передо мной, но проигранный Россией матч уже переиграешь.

О Лусилиу Батиште, который проявил себя нечистоплотным арбитром, я уже рассказывал. Мне легче было не играть в тех матчах, когда он судил, может быть, для команды мое неучастие было бы положительным моментом. Инциденты местного значения переросли в его непримиримое отношение ко всей России. Ссоры с судьями на футбольном поле происходят очень часто, но в дальнейшем нормальные люди не будут тебе преследовать тебя всю дальнейшую карьеру, тем более что часто и сами виноваты. А Батишта мстил мне целых пять лет, что говорит о предвзятом отношении, а не о какой – то случайности.

Но вернемся к матчу с «Москвой». Посмотрев потом эпизод по видео, так и не понял, за что получил желтую карточку, из – за

которой должен был пропустить следующий матч. Но ведь с этого и заварилась вся каша. Захаров потом сказал: «Ты вел себя агрессивно». Как же еще нужно себя вести на футбольном поле? Разве это театр? А вот мяч в ноги Игорю Захарову я бросал осознанно! Потому что накипело уже! Поговорили на повышенных тонах, красная карточка была показана справедливо. Хотя если бы Захаров по – человечески меня успокоил – все – таки мы вместе играли и находились в товарищеских отношениях – или не показал желтую карточку, которая оказалась для меня четвертой, может быть, и остыл бы. Сорвался, конечно, возможно, жара повлияла. Сейчас понимаю, что слишком много тогда во мне было мальчишеского. Хотя в зрелом возрасте почти не дрался. Лишь в начале 90–х был случай на свадьбе приятеля. В те годы по стране шаталось много темных личностей, готовых отлупить любого непонравившегося. И вот мы, футболисты, нарвались на одну из таких банд. Вспыхнула драка, меня полоснули ножом по спине – счастье, что свитер был толстый. Даже шрама не осталось. Повезло.

А капитанскую повязку бросил на траву только потому, что наш тренер Андрей Кобелев, когда я мимо пронесся, крикнул: «Кинь повязку!» – чтобы я ее в раздевалку не унес. Со стороны, наверное, все выглядело некрасиво, но об этом, ей – богу, в ту секунду не думал. А что по щиту ногой шарахнул – с кем не бывает. Зенитовский норвежец Хаген дверь раздевалки с корнем выломал. И никакого шума. Явление не редкое – эмоции куда – то должны выплескиваться.

Вратарь – натура тонкая, нам сложнее, чем полевым игрокам. Весь матч копишь в себе энергию. Потому и случаются срывы сродни тем, что произошел у меня в матче с «Москвой». Вспомните, как Кан то ли ухо, то ли нос кому – то откусывал, но никто его за это в Германии не уничтожал. А здесь побегал маленько, поорал – и вон сколько глума.

Но нет худа без добра, своим скандалом я расшевелил, ввел партнеров в стрессовое состояние, и, играя в меньшинстве, «Динамо» сравняло счет.

После матча я зашел в судейскую и извинился перед Захаровым. КДК РФС вкатил мне пятиматчевую дисквалификацию и штраф 100 тысяч рублей.

А на выходе из – под трибуны еще один журналист привязался: «Зачем капитанскую повязку выкинули?» А у меня и в мыслях этого не было. Отвечаю: «Не надо про повязку, а то завтра навешают еще больше». Он опять эту тему заводит. Я говорю: «Давай не будем – завтра меня и так съедят. И журналисты, и руководство». А он опять за свое: «И все – таки вы бросали

повязку или нет?» Тут я уже не выдержал: «Еще раз спросишь – в лоб тебе дам!» На эмоциях сказал, повернулся, пошел к машине и даже не видел, что нас в тот момент телевидение снимало. Это потом мне уже знакомые позвонили, рассказали. Сразу понял – раздуют! Так оно в итоге и получилось. Почему другие журналисты, к их чести, сразу мое состояние поняли и вопросами меня не доканывали? А этот, видимо, знал, что я так отреагирую, и мне под кожу лез. Похоже, он изначально держал в уме такой вариант – за мой счет пропиариться, приезжал даже на заседание дисциплинарного комитета, извинений ждал. Я же спросил его: «Все – таки хочешь в лоб?» Это он должен был извиняться. Кстати, его потом уволили.

– С судьями нельзя пререкаться. Любое их решение, даже неправильное, следует воспринимать как должное. Но и в поведении Овчинникова я не увидел ничего сверхвызывающего.

Юрий Семин, главный тренер «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2006 год.

– Углового не было. Наши защитники выбивали мяч, он попал в голову соперника и ушел за лицевую линию. Овчинников сказал боковому, что тот ошибся. Судья ответил нашему вратарю в резких тонах – и он в сердцах бросил мяч. Получилось – под ноги судье. Показывая Сергею красную карточку, арбитр не осознавал, что делал. Конечно, не стоило нашему капитану так себя вести, но мы проигрывали, он был взвинчен, потому что это была не первая ошибка судьи, и вообще это самый худший арбитр, которого я видел в России. Он судил одинаково плохо в обе стороны.

Франсиску Лима, полузащитник «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2006 год.

Не случись моего удаления, может быть, и не было бы отставки Семина. То, что я услышал в раздевалке от нашего главного, непереводимо, и он был прав. Поступок получился некрасивый, и за него надо было нести наказание. Кривить душой нечего – подвел я Палыча. За что потом и извинился в личном разговоре. Но Семин умеет прощать. Прощать тех людей, которые честно бьются до конца. Он понимал, что тот свой поступок я совершил не по злому умыслу, что был абсолютно искренен в проявлении своих эмоций.

Когда Юрий Павлович покинул «Динамо», срок моей дисквалификации не истек. Пропустить оставалось еще, кажется, три матча, и я усиленно тренировался. Понимал, что поставил команду в трудную ситуацию: в распоряжении тренеров оставались юный Антон Шунин и Жидрунас Карчемарскас, имевший минимум игровой практики. Исполнявший обязанности главного после ухода Семина Андрей Кобелев вызвал меня, сказал, что я ему нужен и как вратарь, и как самый старший, самый опытный в команде, как человек, способный в какой – то степени объединить ребят.

– Мы знакомы более 20 лет. Сергей – хороший парень, профессионал до мозга костей.

Андрей Кобелев, главный тренер «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2007 год.

«Португальскую» систему надо было ломать, и то, что не удалось Палычу, Кобелеву разрешили. Команда строилась заново, главный тренер привлекал в состав молодых футболистов. Правда, он подчеркнул, что позиция основного вратаря открыта, играть будет сильнейший. Естественно, я согласился: «Не надо никаких гарантий, вы тренер, вам и решать. Если выберете другого, сяду в запас и буду готов выйти в любой момент». С Андреем мы знакомы с детства, с динамовской школы, и всегда понимали друг друга. После разговора с ним я продолжал интенсивно тренироваться, готовиться, и еще до окончания срока дисквалификации по просьбе Кобелева съездил с командой в Ярославль. «Даже дисквалифицированный ты нужен команде», – объяснил он. Я и сам понимал, что, может быть, не для всех, но для кого – то из игроков было важно мое присутствие в коллективе. Настраивал ребят в раздевалке, а с началом игры пошел не на трибуну, а за динамовские ворота поддержать защищавшего их Карчемарскаса. Сначала милиционеры преградили мне путь, но их начальник, видимо, болельщик узнал меня и разрешил: «Пусть стоит». «Динамо» выиграло – 2:1, все были довольны, я, естественно, тоже, окончательно посчитав, что после ухода Юрия Павловича никаких жестких решений по отношению ко мне не предвидится.

– Самый неординарный из друзей, которых мне подарила Москва, Овчинников. Он потрясающе добрый. Сергей пополнил мою коллекцию вратарских свитеров, подарил свой. Он теперь хранится дома рядом со свитерами Касильяса и Буффона.

Жидрунас Карчемарскас, вратарь «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2007 год.

Однако ранее генеральный директор клуба Дмитрий Иванов сообщил, что один из руководителей динамовского общества недоволен происшествием со мной, всю ситуацию с моей дисквалификацией воспринял с раздражением. А может быть, ему ее соответствующим образом преподнесли. Хотя другие люди, весьма высокого ранга, имеющие отношение к «Динамо», и в самом «Динамо» встали на мою защиту. Многие поняли природу моего поступка и старались оказывать всяческую поддержку, рассуждая: «Он нормальный парень, честно трудится, такой человек нужен команде, а срывы бывают у всех». До сих пор с этими людьми у меня дружеские отношения, они и впоследствии не раз мне помогали. Каждый волен был воспринимать мое поведение по – своему, тем более что заслуженное дисциплинарное наказание я уже понес. Конечно, можно было при желании подвести под него какие – то политические, идеологические, в конце концов, личные мотивы. Вероятно, перевесило как раз последнее.

Я предчувствовал скверный исход дела. Даже в каком – то интервью обронил: «Многие в клубе не хотят видеть меня в «Динамо». И дисквалификация тут ни при чем». Эти «многие» оказались сильнее.

Оказывается, в «Динамо» целый месяц решали, что делать с Овчинниковым. Пока тот самый руководитель не сказал: «Уберите его из команды!» Возможно, он расценил мое поведение в матче с «Москвой» как недостойное капитана и футболиста с литерой «Д». Что ж, это был мой поступок, и я за него в ответе. Как воспитанник «Динамо», я очень хорошо знаю, уважаю и чту традиции клуба. Отдавал «Динамо» и сердце, и душу, дрался за команду, в моем понимании это было именно так. Бился за справедливость. Пусть на эмоциях, но, будь у меня сейчас возможность перемотать ленту назад, я бы все равно поступил точно так же.

– Овчинников не был бы Овчинниковым, если бы у него не болела душа за команду, ворота которой он защищает.

Юрий Бутнев. «Спорт – Экспресс». 2006 год.

Однажды я, как обычно, приехал на утреннюю тренировку. На пороге новогорской базы встретил администратора команды Дмитрия Балашова, который, как оказалось, специально

поджидал меня. «Зайди к Кобелеву, – говорит, – есть разговор». Я сразу понял предмет предстоящей беседы.

Конечно, было неприятно. Понимал ведь, что я не худший футболист в составе «Динамо», размышлял: может быть, это какой – то маркетинговый ход – убрать Овчинникова, от которого кому – то виделись все беды. Хотя на тот момент команда шла на предпоследнем месте, а по пропущенным мячам занимала, кажется, третье. «Сереж, извини, я ничего не смог сделать, – торопился тренер объявить мне решение, и видно было, что каждая фраза дается ему с трудом. – Мы выставляем тебя на трансфер. Не задавай никаких вопросов, ответов у меня все равно нет. Такое решение принято на совете директоров». Человек я взрослый и прекрасно понял Андрея. Поблагодарил его за совместную работу, и расстались мы очень хорошо, пожелав друг другу удачи. С этого дня я начал тренироваться с дублем.

> – Крайне удивлен выставлением на трансфер Овчинникова. В первых 12 турах чемпионата именно он был лучшим в составе «Динамо», не допустил ни одной результативной ошибки и оказался единственным, кто заслужил положительные оценки не только со стороны тренеров, но и болельщиков. Овчинников – один из немногих, кто душой и телом бился за честь «Динамо» в период смуты и невзгод, улаживал сложные ситуации в среде игроков. Во многом благодаря его усилиям команда ни разу не взбунтовалась по поводу денежных задержек. Не знаю, что он сделал «Динамо» плохого, чем заслужил от ворот поворот. Вероятно, на итоговое решение повлияли какие – то нефутбольные моменты, мне непонятные.
>
> *Юрий Семин, главный тренер «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2006 год.*

В конце концов, я – футболист и четко себе представляю, где кончаются мои права. Руководство приняло решение выставить меня на трансфер. Я на это повлиять не мог. Хотя Кобелев и сказал в одном интервью: мол, для футболиста выставление на трансфер – это обычная практика. Но для меня – оно выглядело нонсенсом. Продолжал считать, что ни игрой, ни подходом к делу, ни поведением не заслужил такого отношения. Но от меня здесь ничего не зависело. Во – первых, это решение руководства. Ну, а во – вторых, у меня действовал контракт с «Динамо», заключенный до конца 2007 года.

Самое удивительное, что в той ситуации меня поддержали

фанаты. «Спартака». Я просто поразился! Люди с красно – белыми шарфами подходили на улице: «Серега, мы с тобой!» Очень приятно было. Видимо, тот факт, что я всегда был со своими соперниками честен, вернулся сторицей. Врага ведь тоже можно уважать, верно? Болельщики оценивали не мою клубную принадлежность, а профессионализм. И я был им очень благодарен.

Тренер дубля Сергей Силкин, с которым в молодости я успел поиграть в динамовском дубле, отнесся ко мне очень уважительно. Для себя не исключал, что это уже все, закат, и тренироваться, как прежде, не было настроения, больше занимался с молодыми ребятами.

А вскоре мне объявили, что мой трансфер якобы никто выкупать не собирается.

> – Надеюсь, Овчинников скоро вернется и поможет «Динамо» выбираться наверх. Сергей – фигура для нас значимая.
>
> *Алексей Смертин, полузащитник «Динамо». 2006 год.*

Полюбовного расставания с клубным руководством у меня не получилось. Тут отношения не сложились с самого начала. Хотя я ездил на огромном, шестиметровом джипе – пикапе «Dodge», по контракту «Динамо» публично, перед болельщиками и прессой, обязалось предоставить мне машину – такой невинный каприз позволил себе при переходе в клуб. Согласен был на любую машину, даже российскую. «Какая там российская, у нас целый парк «Mitsubishi» есть», – заверили динамовские чиновники. Но время шло, а ни «Mitsubishi», ни даже «Жигулей». Вдруг мне говорят: «Болельщики нас уже достали: когда дадите Овчинникову автомобиль. Скажи, что мы тебе купили вот эту твою махину, и закроем вопрос». Я заартачился: «С какой стати я должен врать, если машину приобрел на свои кровные? Таким манером завтра вы потребуете объявить, что заплатили мне несуществующую зарплату». И услышал в ответ: «Ты еще пожалеешь об этом».

Многие почему – то думали, что моему футбольному рангу непременно должен соответствовать автомобиль уровня «Ferrari». Но, во – первых, не могу себе позволить такую дорогую машину, а во – вторых, она мне и не нужна. Журналистам, болельщикам был знаком мой джип – грузовик с литерой «Л». Вообще – то я не собирался украшать машину аэрографическим способом, но известная компания Akai, некоторое время выступавшая

спонсором чемпионата России, предложила разрисовать ее бесплатно. Я согласился при условии отсутствия в композиции футбольных логотипов. Но мне решили сделать сюрприз. Так появилась литера «Л» на двери. Сейчас машина стоит в гараже, никому ее не продам. Но не из – за локомотивской эмблемы. Очень удобный автомобиль, полдома с его помощью построил. Какой смысл было «Газели» заказывать, когда можешь все погрузить в свой багажник? Сейчас у меня «Dodge», совершенно недорогая машинка. Выглядит дороже, чем стоит.

Оказавшись на трансфере, я предложил клубным руководителям: «По контракту мне должны выплатить неустойку еще за полтора года. Отдайте причитающееся за год, и мы будем в расчете». В ответ они потребовали, чтобы я покинул клуб вообще без какой бы то ни было компенсации. Но мы живем по футбольным законам. «Локомотиву» за мой переход «Динамо» ничего не платило. И при подписании контракта с «Динамо» финансы для меня не стояли на первом плане. Сколько предложили, на столько и согласился. Хотя условия контракта были далеко не те, что, например, у португальцев. Подмахнул контракт не глядя. В «Локомотиве» – то иногда вообще на пустых бланках расписывался! У нас были доверительные отношения с руководителями клуба, я верил людям на слово. Вспылил, конечно: «Я вам не мальчик из дубля, чтобы так со мной разговаривать». Тогда мне стали угрожать. Что было делать? Позвонил в редакцию «Коммерсантъ», объяснил: есть скандальная тема, и потом битый час рассказывал обо всем корреспонденту газеты. Когда в «Динамо» узнали, что материал готов к печати, раздался звонок: «Забери этот материал, и мы оставим тебя в покое, зарплату выплатим до конца года».

Обратился и в профсоюз футболистов и тренеров России. Знаком с профсоюзным движением еще по Португалии, даже платил членские взносы, и, по – моему, до сих пор там какую – то сумму пенсионного обеспечения могу получить. Но это в Португалии. А Россия, насколько мне известно, единственная страна в мире, где не признают официального профсоюза футболистов. С нашими претензиями на солидность сей факт как – то не вяжется. Когда началась вся свистопляска с «Динамо», я как футболист, не имеющий агента, через Вадима Евсеева познакомился с Николаем Грамматиковым, генеральным секретарем профсоюза футболистов и тренеров России. Конечно, я мог бы и сам все разрулить, но зачем мне будить лихо? В нашей стране с футболистами не принято церемониться. А здесь – помощь, поддержка. Теперь «Динамо», если у него возникали какие – то юридические вопросы, должно было обращаться не ко

мне непосредственно, а в профсоюз, который всегда встанет на сторону футболиста, если, конечно, тот прав в своих требованиях. Это все – таки не адвокатура, которая будет защищать даже убийц. Настораживает другое – негативное отношение к профсоюзной деятельности наших футбольных властей. По их мнению, профсоюз отстаивает только огромные контракты игроков. Никто не задумывается о том, что люди практически за спасибо занимаются делами футболистов первого и второго российских дивизионов, где в отличие от премьер – лиги творится полный беспредел.

Все, о чем договаривались, расторгая контракт, мне заплатили. Конечно, с двухмесячным опозданием – пришлось обращаться в Палату по разрешению споров. Но за час до заседания Палаты клуб рассчитался. У меня был еще год контракта, мог, как Булыкин, сидеть в дубле, получая свои деньги. Но тянуть волынку не захотелось, да и Семин собирался возвращаться в «Локомотив».

> – Увольнение Овчинникова стало ударом для всех, его никто не ожидал. Удивляюсь, что карьера этого заслуженного вратаря завершилась так внезапно.
>
> *Франсиску Лима, полузащитник «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2008 год.*

На самом деле предложения после «Динамо» мне были – из донецкого «Шахтера», австрийского «Ред Булл», других иностранных и нескольких клубов российского первого дивизиона, некоторые в финансовом плане достаточно привлекательные. Причем многого не требовали – чтобы выходил на поле, своим именем привлекал зрителей на трибуны. Но меня роль свадебного генерала не устраивала ни за какие деньги, лучше уж было покончить с вратарской карьерой. Хотелось завершить ее в «Локомотиве». Но получилось по – другому.

Во время вынужденной паузы мне неожиданно предложили стать тренером вратарей сборной России. После того как переговоры с Ринатом Дасаевым зашли в тупик, руководство РФС обратилось с такой инициативой к «Динамо» – по крайней мере на период подготовки к матчу с Хорватией. Но руководители бело – голубых заявили: если Овчинников хочет работать в сборной, он должен разорвать контракт с клубом. Дмитрий Иванов мне четко объяснил: «За деньги «Динамо» ты работать в сборной не можешь. Хочешь, разрывай контракт». Хотя я всегда считал, что приглашение представителя клуба в сборную – дополнительная реклама как раз для клуба. Расторгнуть контракт с «Динамо» я не

мог, хотел еще играть. Одно дело быть играющим тренером, а предложение РФС, собственно, это и предусматривало, другое – заниматься только подготовкой вратарей, а это не предел моих мечтаний и возможностей. И согласился – то главным образом только ради Игоря Акинфеева. Хотя мои знания предмета Игорю не нужны. Ну, что я ему могу такого сказать, о чем он еще не слышал? Ему вообще ничего не надо говорить. Он в порядке. В итоге я так никуда и не поехал. Значит, кто – то с кем – то наверху не договорился. Мне оставалось только сказать спасибо Акинфееву, Бородюку – они, знаю, лоббировали мою кандидатуру, пытались как – то помочь в трудный для меня момент. Спасибо и Гусу Хиддинку, который сделал соответствующее предложение. Конечно, можно было пригласить меня в сборную четвертым вратарем, и тогда динамовцам уже нечего было бы возразить. Но, видимо, президент Российского футбольного союза Виталий Мутко не решился идти на конфликт с «Динамо» в преддверии важного матча. Его позиция понятна: мы сделали предложение, а на нет и суда нет.

Неприятным у меня получилось расставание с клубом, в котором вырос как футболист. Но два – три руководителя – еще не великое общество «Динамо». Эти люди как пришли, так и уйдут, и все их забудут. Может, из – за перехода во взрастивший меня клуб и пришлось закончить с футболом раньше времени. Были варианты продолжить карьеру игрока – огромное спасибо тем людям, которые предлагали мне работу в те трудные денечки. Но для себя определил: если играть дальше, то только в «Локомотиве».

> – То, как поступили по отношению к Овчинникову в «Динамо», – верх непорядочности. Расторгнуть контракт за считаные дни до окончания периода дозаявок, фактически на полгода лишив человека профессии, – это не лезет ни в какие ворота.
>
> *Игорь Рабинер. «Спорт – Экспресс». 2007 год.*

Возвращение, но уже не в Эдем

Заканчивать карьеру игрока мне было не страшно. Даже интересно. Что там впереди? Как оно пойдет? Жизнь бросает новый вызов, и ты должен его принять. Не надо долго думать – нужно сразу пытаться, искать, реализовывать себя. Кто ищет, тот всегда найдет.

В декабре 2006 года пошли разговоры о том, что Семин может вернуться на пост главного тренера «Локомотива». Даже назначили пресс – конференцию по случаю такого события. Я в это время находился по делам в Риге, но сразу поспешил домой в Москву. Из аэропорта позвонил отцу, а он как обухом по голове: «Ты представляешь, Семин теперь президент клуба». «А тренер, наверное, Бышовец?» – спрашиваю, сам себе не веря. И слышу в ответ: «Да!» Я был совершенно ошарашен такими новостями. Зная об антагонизме этих двух абсолютно разных людей, не понимал логики столь странного решения.

Не секрет, что Семин с Филатовым последнее время тоже не сильно ладили. Но их разногласия не шли во вред команде и клубу, который развивался и становился мощнее. Нас, футболистов, организационные моменты вообще не касались – мы делали свое дело на поле, тренер руководил командой, а президент клубом – обязанности были четко разделены. В отличие от последующей ситуации все работали на общее дело. «Локо» был единым целым, что и находило отражение в турнирных результатах.

> – Лучший голкипер, с которым меня сводила жизнь, – Овчинников. Без вопросов!
>
> *Малхаз Асатиани, защитник «Локомотива» и сборной Грузии. «Спорт – Экспресс». 2007 год.*

А вернуться в «Локомотив» мне очень хотелось, мечтал спокойно завершить карьеру и перейти на тренерскую или административную работу в клубе.

Хотя Семин мог бы заставить меня снова встать в ворота. Мы с ним даже спорили на эту тему: я клонил к тому, чтобы закончить, а он – чтобы еще играл. Однако при очередной встрече Юрий Павлович огорчил меня: «Я просил за тебя, но Бышовец твою кандидатуру отмел. Если хочешь, позвони ему сам». Я не деревянный, прогнулся, позвонил, предложил свои услуги на год хотя бы на роль третьего вратаря на самых минимальных

условиях, а жизнь подскажет, вдруг да пригожусь еще. В ответ Анатолий Федорович попенял, почему я раньше не поддерживал связь с ним, давно ему не звонил, и в итоге ответил отказом. Заявил, что мой уровень «низкий», у него есть вратари получше, помоложе.

Пример «Милана», где играют футболисты, которым далеко за 30, никого не вдохновляет. В России все наоборот. Если ветеран чуть лучше молодого игрока, выбор все равно будет сделан в пользу последнего. Дескать, он перспективнее. Да при чем тут перспектива? Результат – то сразу надо давать! А многие ветераны молодежи ни в чем не уступают. Гуренко и в 34 в «Локомотиве» бегал быстрее всех.

А тогда на прощание Бышовец неожиданно поменял стиль разговора: «Однако, встретившись со мной, ты можешь изменить ситуацию». Намек я понял без лишних слов и поспешил повесить трубку: «Ничего менять не надо, и разговаривать нам с вами больше не о чем». Думаю, он знал, что если я встану в ворота, то места своего уже никому не уступлю. Потом мы видели, чем все закончилось в итоге, как «вратари более высокого уровня» отыграли сезон.

> – Есть фигуры – символы, к коим в случае с «Локомотивом» относятся Филатов, Семин, Лоськов, Овчинников. Их отлучение от клуба, как бы этого кому – то ни хотелось, не может проходить тихо и незаметно.
>
> *Александр Просветов. «Спорт – Экспресс». 2007 год.*

На всякий случай я закончил Государственный университет управления на кафедре «Менеджмент в игровых видах спорта», получил диплом спортивного менеджера, темой которого было «Управление конфликтами в спорте». Практика за время карьеры по ней набралась большая. Очень хотелось остаться в большом спорте. Думал: если не удастся вернуться в футбол в качестве действующего вратаря, диплом менеджера в игровых видах спорта не помешает. Мне было предложено с полсотни тем. Захотелось написать про конфликты. Показалось, что эта тема для меня легче, хотя в ней не так все примитивно, как может показаться на первый взгляд. В своей работе я проводил параллели между конфликтами в спорте и в общественных организациях. Они делятся на группы и подгруппы. Есть специальные тесты, с помощью которых можно выяснить – конфликтная ли у тебя команда или коллектив. Но сама работа строится не на банальных примерах споров и интриг отдельных

личностей. Это скорее научный труд с уклоном в психологию. Примеры из собственного игрового опыта в дипломной работе использовать не стал. Конфликт на поле – это скорее локальный взрыв эмоций, нежели показатель сущности человека.

Тему я знал очень хорошо, поэтому особо не волновался перед защитой. Был уверен в своих силах. Диплом ГУУ вручали в президентской ложе стадиона «Локомотив». Было много известных людей. Телевидение и пресса тоже заглянули «на огонек». Не обошлось и без подарков, которые вручали и нам, и преподавателям университета. Все прошло в торжественной обстановке, было организовано на высоком уровне, не без помощи клуба.

Из своей группы я знал только капитана баскетбольного «Динамо» Дмитрия Домани. Мы, естественно, друг друга поздравили. С остальными ребятами тоже пообщались, сфотографировались. Нам подарили по зеленому галстуку – почувствовал себя американцем. Здорово было!

Скажу честно: иногда я подумывал уйти из футбола, стать деловым человеком, сделал даже первые шаги на этом поприще. Но потом решил, что в футболе у меня все – таки получается лучше.

Сначала меня все еще тянуло на поле. Но, не сумев вернуться в «Локомотив», я, к собственному удивлению вскоре обнаружил, что не страдаю от того, что не играю. Много раз приходилось слышать от товарищей по профессии, как тяжело им переживать расставание с футбольным полем. А у меня желание вновь встать в ворота вдруг как отрезало. Не раз задумывался об этом своем феномене: почему так? Ведь футбол не просто моя профессия, любимая, единственная, но и дело всей жизни. Наверное, все – таки всему в нашей действительности отведен свой срок, вот и мой вратарский подошел к концу. А Палыч, никогда в беде своих не бросающий, продолжал искать мне место в системе клуба. Открывались весьма престижные должности, но, куда бы Семин ни предлагал мою кандидатуру, она никоим образом не проходила.

> – Босс давно уже должен был приступить к работе в «Локомотиве», но его кандидатуру все никак не могли утвердить. Наверное, кто – то боится авторитета Овчинникова.
>
> *Вадим Евсеев, защитник «Торпедо». «Спорт – Экспресс». 2007 год.*

Хотя потом и новый президент «Локомотива» Николай

Наумов хотел видеть меня в клубе. Рассматривался, например, вопрос о моем назначении спортивным директором. Но председатель совета директоров клуба Сергей Липатов почему – то был категорически против. Он ни разу не пожелал встретиться со мной, всю информацию обо мне черпал из третьих рук.

Пошел недавно в боулинг на черкизовском стадионе, висят фотографии знаковых игроков «Локомотива». Все почти метровые, а наши с Лоськовым где – то три на четыре. Или на локомотивской Аллее славы все отпечатки своих рук оставили, а моего нет. Прощального матча не удостоился. А хотелось попрощаться с болельщиками, остаться в «Локомотиве» на заметной должности, как Владислав Радимов в «Зените». В «Локомотив» же пригласили на должность спортивного директора Баранника, никогда не имевшего к клубу, а в последнее время и к футболу никакого отношения. Взяли бы Валерия Карпина, я бы промолчал, потому что это действительно фигура. А тут. Меня же унизили, вымарали из локомотивской истории и, наверное, порадовались. Бог им судья.

В одном из интервью, кажется, шестилетней давности я сказал: «Локомотиву» готов служить в любом качестве. Хочу передавать наши победные традиции следующему поколению. В команде их надо хранить. А то придет человек со стороны и все порушит». И, к сожалению, оказался провидцем. Потом где – то я заявил: «Ни для кого не секрет, что в проблемах «Локомотива» виноват Липатов Сергей Владимирович. Все понимают: если его убрать, «Локомотив» вернется на прежние, передовые позиции». И это пророчество тоже сейчас начало сбываться.

Для меня тогда придумали необычную должность «тренер всех клубных вратарей». Согласился, что называется, на безрыбье. Выбора – то не было. Хорошо, что появилась возможность начать новую жизнь с чего – то определенного. Предложили бы работу интереснее – не отказался бы.

Хотя в трудовой книжке у меня написано: «старший тренер вратарей», за все восемь месяцев пребывания в этой неконкретной должности никакого отношения ни к главной команде, ни к дублю я не имел. Ездил еще на детские турниры «ЛокоБол – РЖД» – по просьбе президента «Российских железных дорог» Владимира Якунина и Юрия Семина, проводил мастер – классы.

Вместе со всеми радовался новому кубковому успеху команды. Тем более что он стал первым для нового клубного руководства. Но отметил его достаточно скромно. Приглашения на клубный банкет не получил.

К главной команде меня не подпускали, по большому счету постоянно предоставлен был сам себе и решил заниматься с

молодыми вратарями. Было у меня их 12 человек, и месяцы работы с ними не прошли даром. Сейчас большинство из тех ребят или на подходе к дублю, или в «Локомотиве–2», или в юношеских сборных. Например, Генералова я впервые привел к тренеру молодежного состава Ринату Билялетдинову в 14 лет. Сейчас ему 16, и он уже полноценный игрок локомотивской молодежки. Так же и Степанов. Вне тренировок мы много шутили, смеялись, но во всем, что касалось учебы и работы, я был с ребятами строг. Посещал директора локомотивской общеобразовательной школы, в которой «мои» вратари вскоре оказались самыми дисциплинированными: ни одного прогула, все исправили свои «тройки» на «четверки» и «пятерки». И в своих командах, как рассказывали тренеры, их начали ставить в пример по поведению. Уходя из «Локомотива», я оставил своим подшефным программу тренировок, и они потом еще частенько мне звонили. Немного позанимался я и с Гильерме. Не буду хвастаться, будто за десять дней общения со мной бразилец поднялся до уровня основного состава. Меня попросили дать оценку его способностей в серьезной работе: правильно ли были потрачены деньги, стоит ли его держать в команде? Поработав с Гильерме, заключил: пройдет год – два, и парень очень прилично будет играть. Так и получилось.

Мой первый опыт работы в «Локо» не прошел незамеченным. Заместитель председателя совета директоров клуба Валерий Иванович Красновский, несмотря на мою опалу со стороны Липатова, хорошо ко мне относился. При встрече он предложил организовать школу вратарей, отбирать в нее наиболее способных ребят, готовить их для основной команды. Мне эта работа была не очень интересна, никогда не хотел иметь дело только с вратарями. Не знаю ни одного тренера, который хотел бы состояться именно в работе с вратарями. Слишком уж это узкая специализация. Я еще когда играть заканчивал, старался не просто смотреть на игру команды из ворот, но и осмысливать логику ее работы на поле в целом. И надеюсь, кое – что понял.

Но поскольку в «Локомотиве» загорелись идеей, я выразил готовность приступить к делу, взять на себя организационную сторону. В нашей стране не очень серьезно относятся к работе тренеров вратарей – гораздо серьезнее считается покупать голкипера за пять миллионов за рубежом. Но я надеюсь, что скоро у нас появятся и свои хорошие вратари, которых можно будет за такие же деньги продавать.

Мне предложили создать бизнес – план, что и было сделано, набрать тренерский штат на хорошие зарплаты. За границей такая практика редка, а у нас и вовсе отсутствует. В свое время

нечто подобное пытался внедрить в «Динамо» Владимир Пильгуй, собиравший два – три раза в неделю нас, вратарей всех юношеских команд. И работали – то мы где – то всего месяц, но я еще долго с благодарностью вспоминал те уроки Пильгуя. Вроде бы простые навыки, упражнения он нам прививал, а в моем арсенале они остались на всю жизнь. В общем, взялся я за новую работу, но дальше бизнес – плана дело не пошло. У Красновского вскоре энтузиазма поубавилось, полагаю, не без влияния Липатова, хорошее в принципе начинание постепенно стало чахнуть. Я не пытаюсь быть политкорректным, потому что это никому не интересно, в то же время не ставлю целью кого – то обидеть своими словами – просто говорю то, что думаю. Я не стеснялся утверждать и сейчас могу подписаться под брошенной во времена тренерства Бышовца фразой: «Не стать чемпионом с таким клубом, с таким подбором игроков – для «Локомотива» преступление». Один только уровень клубного бюджета обязывал команду бороться за золото. Но председатель совета директоров «Локо», считая себя великим футбольным реформатором, словно нарочно все делал во вред клубу. Возможно, он и хотел как лучше, но, не зная специфики, не имея серьезного опыта работы в футболе, постепенно пускал «Локомотив» под откос. Если бы он вовремя ушел или его убрали, все быстро наладилось бы. А так крушение «Локомотива» затянулось на целый сезон и принимало все более угрожающие масштабы. Команде нужен был свой тренер – из бывших игроков.

Предложения у меня были. Но я все ждал, что Бышовца снимут. А оно вон как получилось – целый год потерял. В конце сезона я публично поддержал отставку Бышовца. А как иначе, если «Локомотив» занял самое низкое место за время выступлений в чемпионате России. Тут – то мне и задали в какой – то степени провокационный вопрос, согласился бы я возглавить «Локо» со следующего сезона. Ответил, как обычно, прямо: «А почему я должен отказываться. 30 лет занимаюсь футболом и знаю, как тренировать. Если меня назначат тренером, на следующий год «Локомотив» выиграет чемпионат России, а еще через год – Лигу чемпионов. Если этого не случится, я больше никогда не буду тренировать». Тогда многие хотели видеть меня на посту наставника «Локомотива», не только болельщики, но и футболисты команды. В том своем интервью я добавил: «Все решает руководство клуба, и здесь я не вправе давить, апеллировать к прессе или к кому – либо. Как будет, так и будет, у нас много достойных кандидатур, лишь бы команде было хорошо».

– Мы не имеем права разбрасываться такими игроками, как Лоськов, Евсеев, Овчинников. Это же целая эпоха «Локомотива»! А в «Локо» взяли спортивным директором Баранника… при том, что есть такая колоритная фигура, как Овчинников.

Юрий Семин, президент ФК «Локомотив». 2007 год.

Руководство «Локомотива» приняло другое решение. Я был не в обиде, тем более что руководство – понятие достаточно растяжимое. Некоторые люди хотели моего возвращения, другие не хотели. Один – два человека – это не все руководство и не весь «Локомотив». С новым президентом клуба Николаем Наумовым, с работниками «Локомотива», с болельщиками мы расстались по – доброму.

Сменившему Бышовца в роли главного тренера команды Рашиду Рахимову, в свое время очень сильному защитнику «Локомотива», под «руководством» Липатова работалось, безусловно, непросто, некомфортно. Хотя это был не худший вариант. Рашид – человек строгий, со своими принципами, любит дисциплину. Возможно, этого команде и не хватало. Я желал успеха Рахимову еще и потому, что он тренер моего поколения и мог сделать рекламу молодым.

Непонятно только было, почему заодно с провалившим чемпионат Бышовцем уволили с должности президента клуба и Юрия Семина. Мировая практика – президент не вмешивается в работу тренера. Тем более у Бышовца была поддержка со стороны тех, кто его назначил. Когда стало ясно, что вмешаться все – таки стоит, Семина не поддержали. Все обернулось седьмым местом. И при чем здесь Палыч?

После отставки Семина стало ясно, что я на очереди. В это время у Палыча стали возникать варианты работы с новыми клубами, самым привлекательным из которых оказалось киевское «Динамо». И огромное ему спасибо за то, что он взял меня в свою тренерскую обойму. По большому счету мне не нужно было выбирать между старой работой и новой. Тренировал в «Локомотиве» молодых вратарей, но перспективы в клубе для себя не видел. Что еще я мог делать в «Локо»? Разве что сесть в фанатский сектор и поддерживать команду. А в Киеве ждала работа с основным составом великого «Динамо»! Это – мировой бренд, абсолютно сопоставимый с другими знаменитыми футбольными брендами.

«Босс» остался в прошлом

С Семиным мы по – прежнему контактировали, с ним я в основном и связывал свое будущее, с возможностью поработать под его руководством в качестве тренера. И он не отмахивался от моих проблем. Получив приглашение из Киева, Палыч позвонил, спросил: «Поедешь? Правда, зарплата у тебя будет небольшая». «Конечно, поеду, какие вопросы», – без тени сомнения ответил я. Хотя роль второго плана в команде не совсем для меня. Но амбиции пришлось поумерить, тем более что лучшего варианта, чем помогать Семину, на тот момент мне никто не предлагал. И в декабре 2007 года я вошел в тренерский штаб киевского «Динамо».

Меня позвали в большой клуб. Это было счастье, фарт, везение – как угодно. И, безусловно, огромная честь. Далеко не каждому выпадает в жизни счастливый жребий. Я был благодарен Игорю Михайловичу Суркису и Юрию Павловичу Семину за такое предложение. Оно ведь, в принципе, лишено было всякой логики, ни на чем не базировалось. Если бы я оказался в какой – нибудь российской команде – все было бы понятно, цепочка по – любому прослеживалась. А Украина вообще при чем? Я никогда здесь не играл, не знал местных реалий. Приличный риск – вдруг взять и позвать Овчинникова в киевское «Динамо». Мне же очень нравилось все, что со мной происходило. Даже что звать меня стали по имени – отчеству. Босс остался в прошлом.

Придя в киевское «Динамо», Палыч оставил прежних ассистентов главного тренера Олега Лужного, Валерия Зуева, Сергея Краковского. С Олегом у меня давно сложились дружеские отношения, Валерий Леонидович постарше, но и он принял меня на редкость дружелюбно. Игроков в киевском «Динамо» было за 30 человек, работы непочатый край, одному – двум ассистентам не справиться. Главный тренер основное внимание обычно уделяет обойме, которая готовится к играм. Но есть еще группа тех, кто не попадает в данный момент в состав, молодежный контингент, игроки, на которых в данный момент не очень рассчитывают. Работы нам всем хватало. Я не испытывал в «Динамо» никакого психологического дискомфорта, был на равных с украинскими помощниками Семина и вообще в Киеве не чувствовал себя иностранцем.

Организация в киевском «Динамо» потрясла даже меня, привыкшего к, казалось бы, европейскому уровню в «Локомотиве». Тренировочная база Конча – Заспе находится километрах в семи от города. Уровень, конечно, высочайший. В

Москве пока нет таких условий для футболистов ни у одной команды. Работа в клубе поставлена исключительно на профессиональную основу, пристальное внимание уделяется любой мелочи. Поэтому «Динамо» и постоянно находится в когорте лучших европейских клубов.

Огромное спасибо Игорю Михайловичу, Григорию Михайловичу Суркисам за уважительное отношение, от которого за время пребывания в московском «Динамо» и последний период в «Локомотиве» я успел отвыкнуть. Сложилось впечатление, что Игорь Суркис готов заниматься командой сутки напролет. Меня поражало, что любой ветеран киевского «Динамо» мог обратиться к братьям Суркисам с какой – то проблемой, и они ее решали. Практически все, кто раньше играл в команде, сейчас так или иначе трудоустроены.

Учитывая характер тогдашних отношений между Россией и Украиной, предполагал, что киевские журналисты воспримут нас, «москалей» во главе лучшей команды страны, в штыки. Но пресса проявила неожиданную лояльность по отношению к «иностранцам», может потому, что «Динамо» во главе с Семиным сразу начало выигрывать, с пятого места взобралось на второе. Тепло к нам относились и болельщики, нередко подходили на улицах, брали автографы, и у меня тоже, хотя в интервью местным изданиям я не бил себя патриотически в грудь, не объяснялся в вечной любви к киевскому «Динамо».

Но самые лучшие контакты сложились у меня с игроками команды, и это был исключительно ценный опыт. Именно в киевском «Динамо» я выстроил принципы своей работы с людьми как тренера, свою модель отношений «тренер – футболист», потом успешно применив ее в «Кубани». Нам удалось найти контакт с Александром Алиевым и Артемом Милевским, которых вначале представили в качестве «трудновоспитуемых» с перспективой освобождения из команды. А оказалось, что и Алиев, и Милевский – беспроблемные, высококультурные футболисты. Назвал Алиев судью «козлом», ну и что? Значит, посчитал, что тот – козел. Мне, например, по душе тезис Гуса Хиддинка: «Что бы кто ни говорил о конкретном игроке, я поработаю и сам решу, как с ним быть». Нам при появлении в «Динамо» много чего порассказывали о том или ином футболисте. Юрию Павловичу предложили не медля заняться чисткой состава. Но он не стал спешить, выслушал всех и произнес в качестве резюме только одно слово: «Посмотрим». С одним поговорил, другому оказал неожиданное доверие, словом, искал контакт со всеми, и такой педагогический, психологический подход воздался ему сторицею. Для меня и этот

опыт стал неоценимым.

Нет в мире серьезной команды, жизнь которой, как в инкубаторе, тиха и беззаботна. Другое дело, что, на мой взгляд, в «Динамо» ценятся сегодня такие вещи, как взаимоуважение, доверие и интерес к совместной работе. Это не значит, что футболисты должны ходить по улицам, взявшись за ручки, или непременно дружить семьями. Но на поле они – да, обязаны быть одной семьей. Зная Юрия Павловича уже много – много лет, могу заверить, что внутрикомандная атмосфера – его личная заслуга. Люди начали думать о больших победах, подчеркиваю, о больших, начали сознавать, что эти самые большие победы им по плечу. Семин прививал команде победный дух. Ему очень хорошо удаются такие прививки.

Мы много общались с Олегом Лужным, выступавшим за лондонский «Арсенал», по поводу работы Арсена Венгера, тенденций развития тренировочного процесса, применения в английском клубе различных упражнений. Валерия Зуева выделял еще Валерий Лобановский, видя в нем задатки сильного тренера, разделяющего собственные взгляды мэтра на футбол. И у Зуева, который в киевском «Динамо» раскрылся сначала как игрок, а потом и как тренер еще со времен Виктора Маслова, я почерпнул очень много в плане постановки тренировочной работы. Игра киевского «Динамо», современная, темповая, комбинационная, зрелищная, мне нравилась. В Лиге чемпионов мы наделали много шума, особенно в двух сопредельных государствах, дважды обыграв «Спартак». Но справиться с ним оказалось легче, чем с некоторыми соперниками по чемпионату Украины. Красно – белые и сами играли, и нам давали играть. В матчах же с большинством украинских команд каждый раз мы упирались в стену из 11 игроков, и не всегда удавалось ее проломить.

У Семина было пять помощников. Я отвечал за подготовку нападающих. С разрешения главного тренера предложил ребятам систему тренировок, которую позаимствовал в португальских клубах. Наблюдал, запоминал, как в «Порту» работали бразилец Жардел и его партнеры по нападению. Результаты получались обнадеживающие.

Жил я на базе в Конча – Заспе через стену с комнатой Валерия Лобановского, и каждый раз минуя ее по пути к своему номеру, ощущал какие – то невидимые флюиды, исходящие от двери, принимал их как добрый знак для себя.

Конечно, мне повезло, что удалось поработать ассистентом Семина, да еще в киевском «Динамо». Но и без этой стажировки я все равно стал бы тренером. Достаточно поиграл, чтобы

определиться со своей дальнейшей профессией. Не могло же так быть, что, играя до 36 лет, я ничего не смыслил в тренерском деле, и все же многое понял, только поработав с Семиным. Другое дело, что, попытав первого тренерского счастья в киевском «Динамо», я лишний раз убедился: человеческие качества, нормальные дружеские отношения в коллективе играют колоссальную роль в построении команды. Семин был и остается непревзойденным мастером создания комфортной внутри – командной атмосферы. Этому у Палыча можно поучиться. Обстановка в «Динамо» очень напоминала мне «Локомотив» времен административного и творческого содружества Семина с Филатовым. Палыч постоянно мне что – то подсказывал, указывал на ошибки в работе, например, на чрезмерную близость с игроками. Или я иной раз делал игроку замечание, может быть, и верное, но исходить которое должно только от главного тренера. Конечно, не каждый день он меня одергивал, но случалось, и в частной беседе рассказывал, как себя вести, подчеркивал какие – то нюансы с прицелом на будущее. Я делился с Семиным своим мнением по игрокам, по ситуации в команде. Понятно, что все решения он принимал самостоятельно, но, если мне удавалось заставить его над чем – то задуматься, считал это своим маленьким достижением. Без ложной скромности замечу, что почти по всем командным вопросам мое мнение за минимальными отклонениями совпадало с семинским. Это была прекрасная школа. Как и школа тренеров.

В киевской ВШТ я получил тренерскую лицензию категории А. Уровень обучения был очень серьезным. Преподавали нам кандидаты наук, известные всем футбольные специалисты Олег Базилевич, Йожеф Сабо, Сергей Морозов. Процесс контролировал делегат УЕФА.

В Киеве, занимаясь на тренажерах вместе с Олегом Лужным, я быстро сбросил 19 килограммов и втянулся в работу настолько, что неожиданно почувствовал, что снова набрать вратарскую форму для меня не проблема. Интерес ко мне со стороны приличного клуба в тот момент мог заставить вспомнить вратарское дело. Годика на три меня в воротах еще хватило бы. Лучшим вратарем премьер – лиги, конечно, уже не стал бы, но и худшим не выглядел. Однако предложений не было, о вратаре Овчинникове стали забывать, что, может быть, оказалось и к лучшему.

А бесценный опыт, полученный в киевском «Динамо», я потом использовал в Краснодаре.

– Атмосферу в киевском «Динамо» прекрасно

характеризует заявление президента клуба: если у Овчинникова не получится в «Кубани», возьмем его назад. Сергей стал своим для игроков «Динамо», его уважают и Суркис, и другие руководители клуба. Овчинников – независимый человек, ни под кого не подстраивался, гнул свою линию. Сильным людям это нравится.

Юрий Семин, главный тренер киевского «Динамо». «Спорт – Экспресс». 2008 год.

Краснодарские страдания

Я, видно, не рожден быть помощником. Просто я им работал. Что такое вратарь? Это постоянная ответственность за свою работу. Все могут ошибаться – ты не можешь. И привыкаешь к тому, что сам всегда должен принимать решения. По – хорошему – идти напролом: спокойно, потихонечку, но напролом! Даже если бы мне предложили тренировать «Локомотив», когда Семин только ушел, а я еще играл – не испугался бы. Бояться надо после, до – нет смысла.

Причинами прошлых неудач «Кубани» я не интересовался – считал неэтичным касаться нюансов работы своих предшественников. Надеялся: если будет в том надобность, мне, наверное, что – то подскажут, от чего – то предостерегут в свете анализа прошлого. Из разговоров с руководителями клуба и Краснодарского края я сделал вывод, что их заботит не сам по себе выход в премьер – лигу, а создание крепкого, сплоченного коллектива, способного решать высокие турнирные задачи. В то же время привлечение новых игроков с громкими именами в команду не планировалось, что находилось в полном согласии и с моей философией: к успеху следует идти от разумного, развивать лучшие качества футболистов, на базе профессиональной работы создавать коллектив высокого уровня, которому не стыдно было бы не только за результат, но и за игру. И тут считаю себя последователем Семина, для которого на первом плане всегда была заполняемость трибун. Мечтал, чтобы на матчах «Кубани» были заняты все 40 тысяч мест краснодарского стадиона.

В помощники себе я пригласил сына Юрия Павловича Андрея Семина, имевшего опыт работы главным тренером в командах первого и второго дивизионов, а тренером – консультантом Мариану Баррету, в «Локомотиве» зарекомендовавшего себя отличным специалистом по физподготовке. С Андреем мы дружны еще с юношеской поры. Он фанатично предан футболу, накопил определенный опыт, и о лучшем помощнике мечтать мне не приходилось. Мы постоянно дискутировали, обсуждали каждый игровой нюанс, где – то оказывался прав я, где – то он, но перед игроками неизменно выступали единомышленниками. Мой подход к игрокам в чем – то отличается от подхода Юрия Павловича. Семин – старший более прагматичен, я же склонен к риску, иной раз и к авантюре. Если пойму, что стоит выпустить на поле третьего нападающего, выпущу. Я более лоялен к игрокам в плане психологического воздействия, организации порядка в команде, например, ее нахождения на сборах. Исхожу из того, что

работа работой, но футболисты – тоже люди и должны достаточно времени посвящать семье. Создавать им душевный комфорт – та же тренерская обязанность.

Ветераны любят собраться и начать: вот в наше время был коллектив, вон как играли, а теперь ерунда какая – то. Но футбол движется вперед, игроки становятся профессиональнее, сильнее. У нас в «Локомотиве» все строилось на взаимном уважении, дружбе. Сейчас считается, что дружба особенно не нужна – сыграли и разошлись. Наверное, за границей, где – нибудь в Манчестере, и при таком подходе добиваются успехов. Хотя пример неудачный: помню, Рой Кин, многолетний лидер «МЮ», рассказывал в интервью, что они вместе с Алексом Фергюсоном ездили друг к другу в гости, пили пиво, играли в карты на деньги, в гольф, «в города». Так что для иллюстрации моих слов возьмем не «МЮ», а, скажем, киевское «Динамо» 1975–го. Команда добивалась громких побед, хотя некоторые футболисты даже не общались между собой. Но на поле друг за друга готовы были перегрызть соперников.

В частных беседах с киевскими футболистами я интересовался их житейскими проблемами, а в «Кубани» уже вплотную занимался и бытовыми вопросами ребят. Громкие победы «Кубани» в первом круге над московскими клубами были одержаны в значительной степени благодаря системе отношений, которой мы придерживались. Коллектив получился настолько сплоченным, что мы выигрывали не столько мастерством, сколько порывом души, жаждой борьбы и победы. Я внушал игрокам: надо терпеть, и Бог вознаградит. И приятно было, когда перешедший летом в «Рубин» Алан Касаев после нашумевших осенних матчей казанцев с «Барселоной» в Лиге чемпионов позвонил мне и признался: «Как же вы были правы, мы же в маленьких клубах часто не верим, что терпением можем горы своротить. Вот мы, «Рубин», терпели в матче с «Барселоной» и обыграли лучший клуб Европы».

Но неожиданно мои первые же тренерские шаги в «Кубани» стали восприниматься в штыки. Например, перед матчем со «Спартаком» я заявил: «Будем играть от обороны». И услышал от одного из руководителей клуба: «Да как вы можете! Мы, краснодарцы, привыкли штурмовать чужие ворота». «Привычка привычкой, – ответил. – Но с нашим атакующим футболом мы от «Спартака» получим минимум пять голов». В душе я тоже сторонник разностороннего, атакующего, зрелищного футбола. Если бы работал в «Реале» или «Барселоне», наверное, на атаку и делал бы ставку. В реальности же приходится исходить из уровня имеющихся исполнителей, балансировать между прагматизмом и

разумным риском. Многие игроки вначале тоже не воспринимали оборонительную тактику, ничего, стал объяснять им ситуацию в частных беседах. Поверили они в тренерскую правоту только после побед над «Спартаком», «Локомотивом», ЦСКА. И работать стало легче, интереснее – и мне, и футболистам.

Считаю, что хороший микроклимат в коллективе – половина успеха. И он у нас сложился. Например, я собираю команду к полудню, а ребята в девять утра уже на базе. Тренировка закончена, говорю: «Езжайте по домам». Но многие сидят часов до десяти вечера, разговаривают, что – то обсуждают, и я с ними – много всякого им нарассказывал. Игрокам стало интересно друг с другом, как раньше было нам в семинском «Локомотиве». Вместо 12 мы собирались на базу в Баковке к 10, и начиналось: чай, кофе, разговоры. А в «Кубани» я разрешил игрокам приезжать на тренировки с женами, с детьми, сделал наши занятия открытыми для болельщиков, прессы – раньше там ничего подобного не видели. В общем, старался выстроить дело на западный манер. Ведь нынешняя молодежь в значительной степени адаптирована к западной модели жизни. Когда мы начали побеждать российских грандов, в Краснодаре возник настоящий футбольный бум: местная пресса была заполнена материалами о «Кубани», телевидение постоянно что – то показывало. К летнему перерыву в чемпионате «Кубань» не проиграла ни одного матча московским командам, оставалась единственным клубом в премьер – лиге, не пропустившим на своем поле ни одного мяча.

> – Если откровенно, многие ожидали от Сергея Овчинникова в связке с дядей Олегом Мкртчаном (главным акционером) и племянником Суреном Мкртчяном (генеральным директором клуба) худшего. А оказалось – функционирует связка, строится что – то.
>
> *Евгений Дзичковский. «Спорт – Экспресс». 2009 год.*

Не думал, не гадал, что отправлюсь именно в Краснодар. Тогда меня приглашали в первый дивизион, в Португалии вариант наклевывался. Но наиболее реальным оказался кубанский. Однажды мне в Киев позвонил добрый знакомый Дмитрий Селюк, известный футбольный агент, работавший также и спортивным директором, одновременно один из совладельцев донецкого «Металлурга», в высшей степени порядочный человек, в чем я не раз убеждался. Он и предложил мне вариант с «Кубанью». Я взял билет на самолет, и менее чем через час уже беседовал в бизнес – центре донецкого аэропорта с президентом и

главным акционером «Кубани», президентом «Индустриального союза Донбасса» Олегом Артуровичем Мкртчаном. Мы быстро сошлись во взглядах на многие вещи. Я сформулировал свою тренерскую задачу так: создать серьезную команду, которая будет демонстрировать достойный футбол и заставит всех в премьер – лиге уважать себя. Мне понравилось отношение Мкртчана к команде, видение им всех стоящих перед нами трудностей: оба мы не обольщались выходом «Кубани» в премьер – лигу, проблем намечался целый ворох. И 3 декабря 2008 года я подписал трехлетний контракт с клубом по схеме «год плюс два».

Соглашаясь принять «Кубань», не считал свою новую должность понижением после киевского «Динамо». Наоборот, определил ее как новый шаг в карьере, возможность самостоятельной творческой работы с более высокой степенью ответственности. А подводить людей мне никогда не было свойственно.

> – Овчинников был великим игроком, и уверен, что станет великим тренером. А мы постараемся ему в этом помочь.
>
> *Драман Траоре, нападающий «Кубани». «Спорт – Экспресс». 2009 год.*

Когда я появился в команде, в ее рядах насчитывалось шесть игроков, причем только четверо из них выступали прежде в основном составе. Почему так получилось, вопрос не ко мне. Ладно, думаю, построить команду почти с нуля тоже надо уметь, тем более что истинных лидеров Касаева, Топчу удалось сохранить. В то же время не знаю, насколько интересно дебютировать тренеру в команде из 11 мегазвезд. В ней бы я, наверное, только формально числился тренером, не мешая футболистам играть.

Важнейшая задача для тренера – правильно укомплектовать команду. От того, насколько хорошо это у него получается, уже можно судить о компетентности специалиста. И еще для меня важно было создать боеспособный коллектив единомышленников, получающих удовольствие от того, что они делают. Под этим я как раз и понимаю – сформировать хорошую команду.

Жаловаться на судьбу не стал, в своих интервью не обсуждал решение руководства расстаться с опытными Ленгиелом, Петковым и Зубко, хотя все трое нам ох как пригодились бы. Очень надеялся, что удастся заполучить в свои ряды опытных футболистов, в частности, Вадима Евсеева, обладающего феноменальными лидерскими качествами. Вадик провел с

«Кубанью» полный сбор, с первых дней пребывания вписался в коллектив, однако нашему руководству не удалось, а, может быть, и не очень хотелось достичь договоренности с «Сатурном» о его переезде в Краснодар.

На протяжении всей работы в «Кубани» много раз приходилось слышать, что мне не хватает опыта. В конце концов я понял: опыт действительно нужен. Только к футболу он, к сожалению, отношения не имеет.

Жаль, что поздно разобрался, кто есть кто в клубе, какой любопытнейший персонаж наш спортивный директор Сергей Доронченко. Нам рассказывали, например, о его широких знакомствах в среде судейского корпуса, и мы, честно говоря, надеялись, что при таких связях одного из руководителей клуба арбитры будут полояльнее относиться к «Кубани» хотя бы в домашних матчах: не надо помогать, лишь бы объективно судили. Но однажды мы услышали от одного из чиновников Коллегии футбольных арбитров: «Вы же ничего не знаете, Доронченко, наоборот, настраивает судей против «Кубани». Чтобы убрать вас из команды». А мы еще удивлялись, почему судьи валтузят и валтузят нас дома, желтые карточки как будто специально показывают тем, у кого их уже по три. Однажды «горчичники» предъявили сразу трем основным игрокам, которые вынуждены были пропустить очередной матч. За полтора месяца до моего увольнения, когда о нем уже пошли разговоры, нам в пяти турах подряд били пенальти. А мы в ворота соперников – ни разу. Во втором туре Траоре не забил «Спартаку» – и больше ни одного 11–метрового для нас не поставили. А логика поведения нашего спортивного директора оказалась простой. Определенного типа руководителям плохо, если в клубе все хорошо. Тогда на коне главный тренер, который все и решает. Когда же плохо, ответственность за неудачи, естественно, несет все тот же тренер, которого надо менять, а с ним и ряд игроков. Вот тут спортивный директор – король, фигура № 1. И еще многие заметили: все тренеры «Кубани» были уволены в районе открытия трансферного окна. Я не исключение. 1 августа окно открылось, а 8–го меня сняли. На следующий день Доронченко вернул в состав тех, кого я убрал, и купил трех игроков, которые считаные разы потом попадали в состав. В результате «Кубань» отправилась обратно в первый дивизион, и спортивному директору опять хорошо, можно набирать новый состав, удовлетворяя заодно и личный интерес.

Мне хотелось подсказать главному акционеру клуба Олегу Мкртчану, как близко к нему подобралась беда, ведь он считает Доронченко, который ворует его деньги, своим другом. И мы его на этом поймали, нам все известно. Еще одного непорядочного

человека – начальника команды Александра Скибина мне удалось уволить. Никто не понимал, чем занимается функционер, который, приходя в клуб, непременно заявлял: «Я здесь самый главный!» И обращаясь ко мне, давал, например, такие указания: «Вы у меня в подчинении, идите займитесь авиабилетами для игроков». Мы постоянно опаздывали на какие – то чартеры, жили в плохих гостиницах, когда приехали на первый сбор в Турцию, ребята потребовали срочного переезда в другое место. Нашими соседями оказались любительские команды разных стран и дубль «Сатурна», тренеры которого удивлялись: «И мы – то, дублеры, дуреем от этого отеля, а вы вообще с ума сойдете. Здесь же и близко не уровень для команды премьер – лиги». А наши организаторы сбора в ответ: «Отель – не главное». Они даже не понимали, как надо обустраивать сборы. А просили мы всего – то поля нормального качества с искусственным освещением. Два занятия в день на сборах обязательны, а в Турции в это время темнеет уже в четыре часа. Тренироваться в девять утра, а потом в три часа дня неправильно. Нам пообещали суперусловия, четырехзвездный отель с великолепным питанием. Ладно, быт все – таки не так важен, но вышли на поле, а горит один фонарь. Объяснили, что поле с искусственным освещением есть, но на нем постоянно проходят игры, а тренироваться можно лишь под этим фонарем. Выкручивались, как могли, с мячом тренировались утром, а вечером упор делали на «физику». Я тогда сказал начальнику команды, что клуб премьер – лиги в выборе отеля не может опускаться ниже определенного уровня, и получил ответ, что я – молодой, неопытный и ничего в выборе отелей не смыслю. Руководство клуба, которому я позвонил с просьбой поменять отель, тоже намекнуло мне на известного плохого танцора, которому вечно что – то мешает. Хотя на моем месте именитый тренер просто разнес бы всех руководителей в пух и прах вплоть до увольнения организаторов сборов. Ребят ведь не обманешь, они не первый раз на сборах и стали роптать. Пришлось пообещать, что со следующего сбора все войдет в норму. Сам нашел очень достойный вариант, причем за меньшие деньги: пятизвездный отель с полем, на котором работали одни только мы. Руководство клуба со скрипом, долго подозревая меня в меркантильности, согласилось на этот вариант, хотя потом убедилось, что там и дешевле, и лучше. Тем не менее мы нажили себе новых врагов, поскольку возникли вопросы, почему такое решение не пришло в голову самим ответственным за организацию наших сборов. Зато в глазах ребят наш авторитет вырос: тренеры – дебютанты сумели обеспечить условия сборов на уровне. Третий сбор мы вообще провели в лучшем отеле

Белека «Риксос», отказавшем более именитым клубам.

Когда я шел в «Кубань», только ленивый не спрашивал, знаю ли, что в команде каждый год меняются главные тренеры. Отвечал тогда, что рано или поздно тренера увольняют в любой команде, что, приступая к работе, нет смысла размышлять об отставке. Говорил: если у меня не получится, например, будем идти на последнем месте после первого круга, уйду сам. Об этом сообщил и руководству: не хочу денег, которых не заработал. Риск, конечно, присутствовал, я прекрасно понимал: если самостоятельный тренерский дебют завершится неудачей, на моей дальнейшей карьере она скажется ощутимо. Однако уже с первых дней понял, что моя печальная участь, увы, предрешена. Мы с Андреем Семиным считали удачей каждый новый день, проведенный в «Кубани», и сейчас даже удивляюсь, как ухитрились протянуть целых восемь месяцев. При том, что «Кубань» на своем поле чаще всего показывала острый, комбинационный, зрелищный футбол, нравившийся не только болельщикам, но и специалистам.

– Спросите, какая команда удивила больше всех в чемпионате, и я выпалю радостно – «Кубань»! Треть чемпионата за плечами, а Краснодар играет дома «насухо», ни единого мяча не пропустил. Вы скажете: вот что значит тренирует человек с вратарскими навыками. Но я возражу: вот что значит команда чистых южных кровей, питающая свой футбольный темперамент соками родимой теплой землицы. Со всей ответственностью видавшего виды зрителя заявляю: это не «Кубань», господа, то есть это не та краснодарская команда, лишенная географических признаков, которая эпизодически мелькала в главной российской лиге. Это вылитый «Арарат» из советской старины, или, кому так больше нравится, «Нефтчи». Приезжал к ним в Ереван или Баку хоть кто, хоть Киев или «Спартак» лучших своих времен, и откровенно там терялся. Не знал, как этих вдохновенных футбольных поэтов унять, чем их взять. И в российские годы проходили перед глазами команды южной прописки, были среди них даже сильные – Владикавказ, к примеру. Но команды жанровой, с таким вот упоением гнущей свое сокровенно – южное, не запомнилось. Так что историческое вам, Сергей Иванович, спасибо.

Юрий Цыбанев. «Советский спорт». 2009 год.

В гости к нам приезжали специалисты из других краевых клубов – «Краснодара», «Краснодара–2000», новороссийского «Черноморца», сочинской «Жемчужины», смотрели тренировки, а потом засыпали вопросами. Раз в неделю соседи то из одной, то из другой команды обязательно присутствовали на занятиях «Кубани». У нас сложились добрые отношения с руководителями краснодарских клубов низших дивизионов Сергеем Галицким, Александром Молдовановым. Прекрасно, когда истинно футбольный край имеет представителей на всех ступенях чемпионата страны. При таком изобилии команд неплохо было бы выстроить краевую футбольную вертикаль с прицелом на лучшую команду, помогать друг другу. Но мне возражали: «Это невозможно, Галицкий – наш враг». Какой враг, почему?

Перед открытием сезона мы проиграли – 0:3 клубу первого дивизиона «Краснодару» без шести футболистов, свалившихся с гриппом. Я заранее сказал Доронченко, что игра для нас бесполезна, а «Краснодар» мотивирован, и футболисты в его составе неплохие, а у меня остались одни пацаны. Правда, даже молодежным составом мы должны были выиграть, но не использовали кучу голевых моментов, не забили пенальти. Да и не ставили мы целью обязательно победить, оборону, например, выстраивали под своего первого соперника в чемпионате казанский «Рубин», наигрывали и другие нюансы. Так Доронченко и его компания после матча подняли настоящую бучу: «Да с такой игрой мы в премьер – лиге всем по 0:10 будем сливать». Но ведь известно, для чего играются контрольные матчи, в которых многие клубы премьер – лиги уступают соперникам ниже своего уровня. У этих матчей совсем другое назначение: проверка новичков, каких – то отдельных сочетаний, опробование тактических нюансов и тому подобное. За победными результатами в преддверии сезона особо никто не гонится. Но поддержки со стороны руководящего состава клуба не ощущалось никакой.

Генеральный директор Сурен Мкртчян, племянник Олега Мкртчана, в футболе не разбирается совершенно. В клубе толком не представляли, как пригласить игрока, как грамотно составить контракт с ним, даже как его заявить для участия в соревнованиях. В принципе гендиректор особо не мешал нам работать, но и помощи от него не было никакой.

Перед матчем со «Спартаком» я на эмоциях сгоряча пообещал ребятам двойные премиальные, что сразу же вызвало возмущение руководства: «Как ты мог такое обещать без нашего ведома!» Но я извинился перед Олегом Артуровичем, сказал: «Если бы мы проиграли, игроки этих денег все равно не увидели бы, а

выиграли, и теперь вы сами наверняка их дадите». Тем более что победу мы добыли на глазах губернатора Краснодарского края Александра Ткачева, смотревшего матч вместе с российским премьером Владимиром Путиным. И дал зарок, что с моей стороны такой экспромт в первый и последний раз. А через три – четыре дня звонит Мкртчан: «Как тебе не стыдно обманывать меня, Доронченко сказал, что двойные премиальные ты выбивал для себя». Ошарашенный, отвечаю: «Я вообще не получаю премиальных, еще при подписании контракта отказался от них. Просил материальную поддержку для основного состава, чтобы ребята сами поделили деньги между собой. Нам, тренерам, ничего не положено, да и не надо». Мы поняли друг друга, и все нормализовалось, правда, не надолго, козни нам строили чуть ли не каждый день.

– «Кубань» мне понравилась. В первую очередь – самоотдачей и неуемным желанием превзойти «Спартак» в борьбе, в скорости, в счете, наконец. Очень приятно было наблюдать за моей командой.

Александр Плошник, лучший бомбардир в истории «Кубани». «Спорт – Экспресс». 2009 год.

– Чувствовался хороший настрой «Кубани» на борьбу, на достижение результата. У краснодарцев неплохой подбор исполнителей, много опытных игроков, и против молодых спартаковцев это сыграло свою роль. Сказалась, наверное, и поддержка полных трибун. В итоге хозяева одержали заслуженную победу. Проявленные амбиции – хороший залог для дальнейших побед. Не исключаю, что южане станут открытием этого сезона.

Анатолий Бышовец, заслуженный тренер СССР. «Спорт – Экспресс». 2009 год.

«Локомотив» мы обыграли, когда уже ходили разговоры о возможном возвращении Юрия Семина в команду железнодорожников. И я в шутку сказал Андрею: «Давай поможем Палычу». А если серьезно, то после «Спартака» наши ребята испытывали невероятный подъем, их особо и не надо было настраивать на соперника. Психологический фактор играл важнейшую роль в наших успехах, но мы тщательно готовились к матчам против грандов и в тактическом плане, по косточкам разбирали их игру. Зная сильные стороны соперников, пытались

их нивелировать, и в то же время сыграть на слабостях, ошибках команд, с которыми встречались. Ввели в состав игроков, способных нейтрализовать лидеров Веллитона, Алекса в «Спартаке», Сычева, Одемвингие в «Локомотиве», и не без содействия госпожи Удачи добились желаемого результата.

Результат для меня важнее зрелищности игры. И для болельщиков – тоже, кто бы что ни говорил. Если есть результат, они простят все. Хотя в идеале хотелось бы добиваться результата при красивой игре. И мы к ней стремились.

Игровая дисциплина и само содержание наших матчей не было образцовым, но для «Кубани» выглядело вполне приемлемым. Побед мы добились не с шашками наголо. Но при этом голевые моменты были не только у «Спартака», но и у «Кубани». Единственный клуб, который нас переиграл, когда нам просто несказанно повезло, ЦСКА. Повезло невероятно! У армейцев до нашего гола было три – четыре вернейших момента. Правда, открыв счет, мы выглядели хорошо и могли забить еще два – три мяча. И конечно, сыграл свою роль настрой. Мне пришлось вспомнить методы Юрия Павловича, хотя носиться вдоль тренерской скамейки, выплескивать наружу эмоции не в моих правилах.

> – Если бы до начала сезона кто – то сказал краснодарским болельщикам, что на летний перерыв в чемпионате «Кубань» уйдет единственной командой, не пропускавшей в родных стенах, впору было глянуть на весенних соперников южан в домашних матчах и покрутить пальцем у виска. Вряд ли кто – то всерьез рассчитывал на то, что «Спартак», «Локомотив» и ЦСКА уедут из Краснодара без забитых голов. Однако именно так и произошло. И, пожалуй, эта сухая домашняя серия словно квинтэссенция игры «Кубани» в этом году.
>
> *Артур Каратай. «Спорт – Экспресс». 2009 год.*

Взял за правило не материть, и вообще не оскорблять футболистов, даже при грубейших ошибках. И как – то в интервью поведал журналистам: скакать по полю не буду. Зачем тратить нервную энергию на бессмысленные споры с арбитрами и коллегами?

Претензии игрокам «Кубани» я предъявлял в перерыве, по окончании матча, но только не в игровое время. Ни футболисты, ни болельщики не слышали от меня бранного слова, наоборот, я всячески старался поддерживать ребят, когда они ошибались. Мне это казалось очень важным. И когда мы обыграли «Спартак», они

стали верить каждому моему слову. А ведь самое главное, чтобы футболисты были уверены: им по силам обыграть любую команду. Тренер должен объединить коллектив этой верой. Оставаясь болельщиком «Локомотива», за который после 15 лет, проведенных в нем, буду переживать до конца жизни, я перед матчем с железнодорожниками, который назвал в интервью «матчем года» для себя, убеждал своих подопечных, что мы сильнее, говорил: «Я сделал для вас все, что мог. Сделайте то же самое для меня. Выиграете у «Локомотива», предоставлю три выходных». Ребята не поверили, но вышли на матч, как на «последний и решительный бой», выиграли и три выходных получили.

– Овчинниковская «Кубань», похоже, становится могильщиком тренеров престижных столичных клубов. Краснодарский клуб, если и не прямым образом, способствовал недавней отставке Микаэля Лаудрупа из рядов красно – белых, то кое – что в нее безусловно, внес. «Локомотив» уступил в Краснодаре со скромным 0:1. «Кубань», позволю себе заметить, не суперклуб, но располагается она после 6–го тура в таблице даже выше гламурного «Локомотива», в котором все вроде было в порядке и который настраивался на место в первой тройке. Почему при Сергее Овчинникове никому не нужные африканские футболисты забивают голы, а при Рашиде Рахимове они полностью сникли?

Александр Просветов. «Спорт – Экспресс». 2009 год.

Я всегда шел навстречу футболистам. У нас в команде было много приезжих, и если кто – то задерживался из дома, я просил только об одном: «Поставьте в известность, чтобы я мог донести до остальных игроков, почему ты отсутствуешь». Драман и Траоре, в «Локомотиве» звезд с неба не хватавшие, в «Кубани» раскрылись по полной. Вот что значит нормальное общение с людьми. Если сам открываешь им душу, то и они тебе откроют. Это сильные футболисты, просто в «Локомотиве» они редко получали место в составе. Я прощал футболистам кое – какие «шалости» – о своих, когда играл, ведь и сейчас помню. Но ребята меня не подводили. Того, кто нарушал режим до меня и при мне нарушил, из команды убрал.

Но и здесь саботаж со стороны спортивного директора преследовал меня – нарушитель остался в команде. Возможно, кто – то ожидал, что я начну раздувать возникавшие конфликты,

а зачем? Хотя работать приходилось в очень сложных условиях. Школу прошел суровую. Но в Краснодаре я окончательно понял: тренерская работа – это мое.

> – Сергей – специалист, способный работать абсолютно самостоятельно. Искренне желаю ему успешной тренерской карьеры. Команда, на мой взгляд, в порядке, и с ней он может добиться многого. За время нашей совместной работы «Кубань» никому не уступила на своем поле, одержала победы над тремя российскими грандами – «Спартаком», «Локомотивом» и ЦСКА.
>
> *Мариану Баррету, формально главный тренер «Кубани» до июня 2009 года. «Спорт – Экспресс». 2009 год.*

Однако разговоры об отставке пошли в клубе, с первого моего появления в нем. В ходе турецких сборов мы проиграли только «Уралу» без шести основных игроков в равной борьбе. Последняя игра сбора, может быть, у ребят уже было чемоданное настроение. Да и я считал: результат этого контрольного матча не важен, главное проверить готовность вышедших на поле игроков в рамках программы, составленной для нас итальянскими специалистами. Основу ее заложил мой коллега по киевскому «Динамо» Винченцо Пинколини, который ныне трудится в «Локомотиве», и, конечно, мы с Андреем Семиным включили в нее свои наработки. Считаю, что благодаря этой программе в первом круге «Кубань» была лучшей в физическом отношении. Иначе мы не выиграли бы у топ – клубов. Даже пресса удивлялась, сколько наши игроки бегали, какой приличный темп держали. Я говорил ребятам: «Мы в «Локомотиве» приходили в раздевалку и падали: «Все, больше не могу!» Если вы вот так выложитесь, то точно выиграете». И они отдавали на поле все: по возвращении в раздевалку одного откачивали врачи, другого рвало, третьему прикладывали к голове лед. А я еще и «успокаивал» их: «Хорошие деньги по – другому не достаются». У многих игроков поменялся менталитет, и некоторые из моих подопечных, уверен, еще появятся в лучших клубах. Они не столько повысили мастерство, сколько изменили что – то в себе – свое отношение к футболу, обрели веру в себя. Ребята почувствовали, что такое повышенные требования, которые только и должны применяться к профессиональному футболисту. Они видели мою честность по отношению к ним и отвечали тем же. Важно делать свою работу качественно и быть открытым для игроков, для болельщиков, отвечать за свои действия. Были,

конечно, люди, в которых я разочаровался, но основная масса игроков «Кубани» – честнейшие ребята.

> – Мы знали, что отстаем от «Рубина» на шесть очков, поэтому матч с «Кубанью» был очень важен. Отсюда и нервное напряжение. В матчах против московских команд «Кубань» показала, что способна «убить» соперника на контратаках.
>
> *Дик Адвокат, главный тренер «Зенита».*

А летние неудачи команды мы предвидели. Когда после отпуска, в июле, команда отправилась на сбор в Австрию, по непонятным причинам ряду игроков не были оформлены визы. Хотя все в клубе о планах «Кубани» знали заранее, но организация дела оставалась на уровне захудалого колхоза. И получилось так, что сначала я тренировал одних, через неделю стали подъезжать другие, в конце сбора третьи, четвертые вообще не доехали, и сбор получился скомканным. Я тогда еще в разговоре с Андреем предположил: «На какой – то период команда может провалиться». Не в плане «физики», а сыгранности, коллективизма. Хотя на сборах, когда взяли Бабангиду, Окодуву, мы два матча с командами – участницами Лиги Европы проиграли и один свели вничью, но выглядели просто здорово. С польской «Легией» вели 1:0, но под занавес пропустили два гола. Ко мне подошел польский тренер, поинтересовался: «Вы с какого круга Лиги Европы стартуете?» И когда я ответил, что «Кубань» только вышла в премьер – лигу, он испытал шок, поделился полученной информацией с соотечественниками – журналистами, и они побежали за мной гурьбой под впечатлением, что их валтузила команда, никогда не игравшая в еврокубках. Следующий матч венгерскому клубу мы проиграли – 0:2. Сказалась, конечно, и четырехмесячная невыплата игрокам зарплаты. Если «Томь» в подобной ситуации обратилась к самому Владимиру Путину, то я взял ситуацию под свое честное слово: «Вопрос с зарплатами решу, только играйте. Время сейчас трудное, не стоит жестко требовать, для вас и так много делают. И потом легче требовать, когда выигрываешь. При поражениях любое требование выглядит просьбой». Решалось все очень трудно, но за три месяца в конце концов заплатили.

И я почувствовал, что устал. Был период за месяц до увольнения, когда сам хотел уйти. Андрей Семин меня отговорил. Мы занимали 12–е место. Я устал оправдываться за чужие ошибки.

Меня не интересует, как футболисты относятся к деньгам.

Это их дело и их деньги. За них они гробят свое здоровье. Ни одна профессия в мире не требует таких физических затрат. И как судить, что такое много денег или мало? Считаю, что нынешние зарплаты в российском футболе вполне адекватные. В том числе и у звезд. На них смотрят миллионы, и они вправе получать такие деньги. В шоу – бизнесе, кстати, платят намного больше. И никто не спрашивает наших певцов, почему они получают столь большие гонорары, хотя никто из них не поет в «Ла Скала».

Не на пользу команде оказалась и долгая неопределенность с переходом в «Рубин» Касаева, как и ему самому.

Возобновился чемпионат, и удача отвернулась от нас, все пошло наперекосяк. Трудная игра получилась с Нальчиком, который под наш стиль не подходил никак. Я предполагал, что игра будет тяжелейшая, что Нальчик будет выглядеть лучше, как и против многих команд. У спартаковцев хорошо налажен контроль мяча. Но катание мяча поперек поля – не показатель силы, так играли в союзном чемпионате «Арарат» не в лучшие свои времена, абовянский «Котайк». Отобрать мяч у них было трудно, в то же время они часто проигрывали. Мы забили гол, потом легко пропустили ответный, Траоре забил второй, видно было, что соперники подсели. Ведем, контролируем игру, истекают последние минуты, и я до конца так и не понял, как мы пропустили второй гол. Несчастный случай: поскользнулся защитник, последовал непонятный рикошет, игрок Нальчика оказался «вне игры», но боковой судья флаг не поднял, в результате получили выход один на один с вратарем, и 2:2. Начали с центра, и прозвучал финальный свисток. А если бы победили, поднялись бы наверх и в премьер – лиге остались железно, имея еще и психологическое преимущество над конкурентами. Не сказал бы, что вина за второй гол целиком лежала на Ботвиньеве, но на уровне его не слишком хорошей готовности сработал и психологический фактор, выбивший его из колеи.

Дальше – «Москва». Команда Миодрага Божовича встречала нас на ходу. Досконально разобрали ее игру, розыгрыши «горожанами» штрафных, кто в этих ситуациях против кого играет. Сначала мы даже повели в счете. Но судья пенальтишкой его уравнял, наверное, чтобы мы зря не мучились. А потом пропустили от Самедова после глупейшей ошибки, прекрасно зная, как будет разыгран штрафной, выражаясь казенным языком, при неисполнении тренерского задания. И на последних минутах пропустили еще два мяча. При равной игре крупно проиграли. Ругался я потом страшно: ведь одно дело проиграть 1:2 и совсем другое, повесив носы, – 1:4. Сразу возникает негативный фон – и

у болельщиков, и у руководства. При минимальном поражении никто бы нас не обвинил: «Москва» в лидерах, мы боролись, а 1:4 – все – таки многовато. Пришлось жестко поговорить с игроками.

Следующий матч – с «Тереком». Ведем – 1:0, рвем соперников в клочья. Последняя минута первого тайма. Соперники исполняют штрафной метров с 27. А до этого Траоре с Касаевым не поделили мяч возле пустых ворот, помешали друг другу и не забили неминуемый, казалось бы, гол. Обиделись друг на друга. Траоре надулся и не бежит назад опекать «своего» игрока Илиева. Ору ему: «Беги!» А он от меня отворачивается, демонстративно завязывая шнурки. Начинаю кричать другим, чтобы быстро перестроились в штрафной, меня не слышат, и Илиев забивает, вместо 2:0 получаем 1:1. В перерыве меняю Траоре, что потом мне поставили в вину: не разобрался, поменял лучшего игрока матча. Я видел, что он лучший на поле, но если бы не поменял его, потерял бы целую команду. И так предотвратил заменой драку в раздевалке, сразу погасил страсти. Палыч, да и 99 процентов тренеров поступили бы так же. И профессионалы меня поняли. После игры подошел Вячеслав Грозный, тренер «Терека», поддержал: «Да я бы этого Траоре просто уничтожил!» Но в клубе подняли хай, мол, я не хотел выиграть. Кого выпустил, уже не помню, да кого ни выпусти, лучше бы не стало. Так 1:1 и закончили. Вместо плюс шести очков против Нальчика и «Терека» у нас всего два. Траоре я оштрафовал, довел эту информацию до команды. А дальше поехали в Москву, в гости к «Спартаку».

Игру построили от обороны, и за 40 минут «Спартак» не создал ни одного мало – мальски голевого момента. Мы почти ничем хозяевам не угрожали, но и они ничего не могли с нами поделать. И вдруг штрафной, забиваем нелепый гол в свои ворота. Это для «Локомотива» в матче со «Спартаком» 0:1 не страшно. А игроки «Кубани» – сразу носы книзу. В перерыве сказал: «Ребята, играем так же, ждем своего шанса. А шанс обязательно будет. «Спартак» все равно станет раскрываться. Мы же раскрываться не должны». Все согласны. А начался второй тайм, и. всей командой дружно побежали вперед: нам добавили еще три гола. Может быть, они и были нелогичны, но 0:4 – опять неблагоприятный фон. И все же когда «Спартак» забивал кому – то пять, тренеров не снимали. Но нам «Рубин» забил три у себя на поле, и уже тогда руководители клуба кричали мне в лицо: «Тебя надо снимать за такой позор!» Хотя «Рубин» не нам одним по три положил, даже в Москве ведущим командам.

Игра с «Сатурном». Считаю, что мы к ней хорошо подготовились. Если бы не удаление Ботвиньева на 2–й минуте и не смешная ошибка сменившего его Карюкина, который

пропустил мяч под мышкой, мы и вдесятером могли бы выиграть. После удаления я поменял не нападающего, а защитника, чтобы не снижать атакующий потенциал команды, и мы рвали «Сатурн» 80 минут. Но ошибка вратаря, и 0:1, а в конце еще пропустили с пенальти.

– Приговор Сергею Овчинникову подписали вратари.

Артур Каратай. «Спорт – Экспресс». 2009 год.

После игры меня пригласили в клубный офис. В кабинете Сурен Мкртчян и Доронченко. Говорят мне: «Звонил хозяин, просил поблагодарить за работу». «Спасибо за возможность проявить себя, за доверие, – отвечаю, – но вы делаете ошибку. У вас же нет новой кандидатуры на пост тренера. Кто завтра будет работать с командой?». «Разберемся, главное тебя убрать», – получаю ответ. И меня оперативно – ночью рассчитали. Хотя многие удивлялись: «За такую игру и рассчитать!» А мы действительно здорово сыграли против «Сатурна». Тренер раменчан Андрей Гордеев признался мне: «Повезло, что мы отскочили».

– Основанием для прекращения трудовых отношений с исполняющим обязанности главного тренера Сергеем Овчинниковым стало неубедительное выступление клуба в ходе нынешнего чемпионата и отсутствие прогресса в игре команды. Руководство клуба вместе с тем выражает благодарность Сергею Овчинникову за сотрудничество и его вклад в развитие кубанского футбола, который сегодня нуждается в дополнительном импульсе, способном усилить его позиции на общероссийском уровне.

Официальный сайт ФК «Кубань». 2009 год.

Хотя вратари в летних матчах «Кубани» пропускали порой смешные голы, я не склонен винить только их в наших неудачах. Полевые игроки за 90 минут ошибаются во много раз чаще и исправить одну ошибку вратаря вполне могут лишним забитым голом. В первый же день по приезде в Краснодар мне сказали, что Алексея Степанова в команде не будет, ему подбирают новый клуб, что надо искать других вратарей. Ситуация выглядела щекотливой, поскольку Степанов начал тренироваться с нами, и я должен был относиться к нему, как к любому члену команды, давать соответствующую тренировочную нагрузку, ставить в

состав на какие – то контрольные матчи. Вратарь он опытный, и у меня возникали сомнения, не напрасно ли мы отдаем человека, прошедшего огонь и воду, не имея никого в запасе. Был еще Игорь Кот, тоже опытный и парень хороший, но его отправили в Новороссийск. Богдан Карюкин, которого мы пригласили зимой, отлично проявил себя во втором и первом дивизионах. Но на уровне премьер – лиги он прежде не играл и плохо представлял себе, что его ожидает, вслух рассуждал: «Для вратаря везде все одинаково». Я попытался направить его мысли в правильное русло, тем более что приехал он к нам, мягко говоря, разобранным, внешне выглядел примерно как я. Сказал ему: «Как же ты собираешься играть, если разница между нами один килограмм?» Но парень он ответственный, все понял, и претензий по работе у меня к нему не было. А нехватка опыта – не его вина. Рано или поздно Богдан должен себя проявить, задатки у него просто феноменальные, в контрольных матчах на сборах он порой выглядел потрясающе. Но там он не испытывал никакого психологического давления, играл раскованно и много нас выручал. Но мы не могли остаться с одним вратарем. Сначала взяли Сашу Саутина, которого я знал по дублю «Локомотива», а у Андрея он здорово отыграл в Ижевске. Человек он сложный, но я надеялся, что найду к нему подход. Саутин обладает прекрасными данными, вызывался в юношескую сборную России, но у него оказалось не все в порядке со здоровьем, и мы не рискнули заключить с ним контракт. Стали прорабатывать новые кандидатуры, но раз за разом выяснялось, что страстным желанием попасть в «Кубань» никто не горел. А Леша Ботвиньев, устав сидеть на скамейке запасных «Сатурна», проявил заинтересованность. Мы были знакомы, и он согласился поиграть под моим руководством. Вначале ему не хватало чувства игрового ритма, сказывался небольшой опыт выступлений в премьер – лиге, и в первом матче с «Рубином» сыграл Карюкин. Мало кто надеялся на положительный для нас результат в Казани, и, отправив на поле Карюкина, мы ничем особо не рисковали. Однако за 90 минут стало понятно, что Богдану трудно привыкать к реалиям премьер – лиги, и в дальнейшем мы уже делали ставку на Ботвиньева. Но причины неудач команды были не только во вратарях. Проблемы во время летней подготовки прежде всего психологически повлияли на команду.

– Чем плох оказался руководству Овчинников, мы с ребятами так и не поняли. Нам работать с ним было одно удовольствие. Да и результат давали. Сергея Ивановича все в команде уважали. Прежде всего за

искренность, способность все говорить в глаза. Я и сейчас с ним созваниваюсь, советуюсь.

Георгий Джиоев, защитник «Кубани». «Спорт – Экспресс». 2009 год.

Жалко, что мне не дали доработать сезон. Потенциал у команды виделся, прогресс тоже, как в индивидуальном мастерстве, так и в командной игре. «Кубань» не должна была вылететь из премьер – лиги. Когда я уходил, команда находилась в порядке, мы взяли ребят, которые здорово усилили игру. Но поработать с этим усилением нам не дали. Не понимаю, почему все так быстро хотели чего – то достичь. Не было ничего – ни финансов, ни инфраструктуры. Своя школа не работала вообще. Месяца за два до увольнения я встречался с владельцем клуба, сказал ему: «Олег Артурович, нам тяжело, список основных игроков ограничен. Надо взять Бабангиду, Окодуву и Зуэлу, с ними железно не вылетим в текущем сезоне. Кладу голову на отсечение. Не вижу никаких предпосылок для вылета». Но многое мне стало понятно из его ответа: «Все вы, тренеры, только обещаете». А дело у нас трудно, но шло, да и никто не мог предположить, что «Кубани», начинавшей сезон с шестью футболистами, будет легко в премьер – лиге. «Мы сохраняем этот состав на следующий год, – объяснял я Мкртчану, – продублировали замену Касаева Бабангидой. И других игроков берем не просто так, а на определенные позиции. Если пригласим еще двух – трех не за миллионы, конечно, но достойных, кто – то из нынешних прибавит в мастерстве, обещаю, что через год попадем в евро – кубковую зону, за Кубок России поборемся. Если не будет получаться, сам уйду. А этот год тяжелый, идет ломка старого и становление нового. Коллектив есть, болельщики любят «Кубань». Тогда мы вроде бы поняли друг друга. Но внутри клуба мне по – прежнему приходилось сталкиваться с противодействием.

– Еще одно поражение хозяев, в Краснодаре, привело к четвертой тренерской отставке в премьер – лиге. Вслед за Рахимовым, Лаудрупом и Ребером последовал Овчинников, что у меня лично вызвало огромное сожаление. Ведь кубанская отставка вызвана не только (да, наверное, и не столько) футбольными причинами, но и непростыми взаимоотношениями в клубе. Вот и уезжает ни на кого не похожий Сергей Иванович из Краснодара всего с тремя скальпами – спартаковским, армейским и локомотивским. А мог бы собрать их куда

больше.

Борис Левин. «Спорт – Экспресс». 2009 год.

Центрального защитника мы просили с первого тура, но спортивный директор не реагировал. Когда нашли анголопортугальца Зуэлу, от Доронченко услышали: «Это ужасный игрок, ни в коем случае нельзя его брать». А в конце сезона руководители «Кубани» уже уговаривали Зуэлу остаться в команде, считая чуть ли не лучшим защитником всех времен и народов. Еще меня упрекали, что беру африканцев, хотя лимит на иностранцев нас не поджимал: «Лучше брать мальчишек из второй лиги». А мы и так подтянули к основному составу пять – шесть игроков молодежного состава. Правда, с нашим уходом их задвинули обратно.

Придя в команду, я не стал увольнять никого из тех, кто работал в ней. Мы попытались выстроить с ними какие – то отношения, но за моей спиной зачастую творился настоящий саботаж. В ответ на замечания можно было слышать: «Да я работал с самим Павлом Яковенко! И все в футболе знаю без вас». Когда мы с Андреем давали игрокам упражнения из современного итальянского репертуара, эти так называемые специалисты не понимали их назначение и предлагали взамен свои – 50–летней давности. Одному из таких тренеров мы поручили заниматься с только что выздоровевшими футболистами, так у них случился рецидив вылеченных травм. Пришлось человека убрать, потому что он не понимал, что делает. Я использовал опыт «Локомотива», сборной, свой легионерский или работы с Газзаевым, Бышовцем, Малофеевым применительно, естественно, к своей команде, постепенно его внедрял. Но чуть ли не все необычное для здешних мест воспринималось в штыки: «Что это за команда, что за тренеры, нечего нам пудрить мозги своим «Локомотивом», мы – «Кубань».» Но это же достойный пример – лучшее надо перенимать у лучших. Работал бы я до этого в «Спартаке», ставил бы в пример его. А мне говорили, мол, мы сами с усами. Когда амбиции основаны на пустом месте, значит, люди или глупы, или чересчур хитры, меркантильны.

Сурену Мкртчяну при расставании сказал: «Никого тут не хочу учить. Я поработал и уехал в Москву, а вы остаетесь. Но вы поймете, что такое хорошо, когда вам станет совсем плохо. У вас не хватает адекватного восприятия происходящего». Он ответил, что плохо у них не будет. Погос Галстян, который приходил мне на смену, все наладит, как надо. «А ты ничего не понимаешь», – добавил он. Это, кстати, была его любимая фраза по отношению ко мне.

– Считаю увольнение Овчинникова ошибкой. При нем команда была сплоченной, игроки хорошо мотивированы, и не деньгами, а футболом. Когда тренера убрали, «Кубань» многое потеряла. Прежде всего, дух и единство.

Виталий Калешин, защитник «Кубани» в 2003–2007 годах, чемпион России–2009 в составе «Рубина». «Спорт – Экспресс». 2009 год.

Началось все еще со сборов в Турции. Мы выигрывали матч за матчем, хотя иной раз приходилось выступать по два дня подряд. Сурена это удивляло, раздражало, и однажды он заявил: «Вы все время играете со слабыми командами. Я сам найду команду, которая вас обыграет». Это наш – то генеральный директор! А мы играли с теми, кто находился в нашем «кусте». «Донецкий «Металлург», которым руководит твой дядя, слабая команда?» – спрашиваю. Как – то в Турции пошли дожди, и мы на тяжелом поле, на фоне каждодневной работы победили какую – то очередную украинскую команду. Приезжает Сурен, говорит: «Через день играете с днепропетровским «Днепром». Я так решил». Пошел мокрый снег. Володя Бессонов, тренер «Днепра» засомневался, стоит ли игра свеч: «Через неделю возобновляется чемпионат Украины, я не могу рисковать своими футболистами. Играть не будем». Я его прошу: «Володя, сыграй хоть резервистами, мои же начальники обвинят меня, что испугался играть с «Днепром». «Да ладно прикалываться!» – удивился он, не мог поверить, как такое может быть по отношению к только что приглашенному главному тренеру команды.

И стоит на своем: играть не буду. Сурен тут же позвонил дяде: «Овчинников испугался. А с Бессоновым они договорились». И нашел замену «Днепру» – махачкалинский «Анжи». Что оставалось делать? Говорю ему: «Я принимаю твой безумный вызов», хотя даже судьи возмущались: «Как в таких условиях можно играть!» Драман, пришедший к нам из «Локомотива», два дня подряд играть отказался, Кайта уехал в сборную, не поставил я в состав Касаева, Тлисова, а Траоре согласился выйти на один тайм. Сыграли 0:0. А Сурен не успокаивался: «Я найду соперника еще сильнее». К счастью, сбор закончился и мы улетели домой.

Или во время тренировок Мкртчян выходил на поле в сопровождении Погоса Галстяна и Эрика Осипяна. Я спросил насчет последнего: «Кто это?» Оказалось, наш тренер – селекционер. «А почему тренер – селекционер смотрит работу нашей команды? – поинтересовался я. – Он что, у нас ищет для нас же игроков?» И получил обескураживающий ответ: «Эрик

инспектирует твои тренировки». Как, с какой стати? Я тут же нашел ему занятие, говорю: «Поезжай, посмотри нашего очередного соперника». А он в ответ: «Не поеду. Это не моя работа, моя работа – тебя проверять». И вот они вдвоем Сурену что – то шепчут в два уха, и он заявляет мне: «Вы неправильно тренируете команду». Тут уже меня понесло: «Кто это тебе сказал? Ты хоть понимаешь, что я делаю? Я не учу тебя руководить клубом, и ты не лезь в мои дела. Не ты назначил меня главным тренером». С тех пор «инспекций» стало поменьше.

> – Начинали мы с Овчинниковым неплохо. За тренера бились. Очень уж ребята Сергея Ивановича любили. Настоящий он человек. И футбол понимает. А когда его убрали, тут уже все и покатилось. Моментами, случалось, выстреливали, но уже какая – то обреченность ощущалась. Жаль…
>
> *Анри Хагуш, защитник «Кубани» – 2009. «Спорт – Экспресс». 2009 год.*

Или такой момент: половина игроков жила на базе, телевизора нет, и мы с Андрюхой купили его, наладили НТВ +, ребята смотрят испанский, итальянский, английский футбол. Приходит Сурен, командует: «Немедленно убрать!» Спрашиваю: «Почему?» А в ответ крик: «Да как ты смел без моего разрешения!» Ответил: «Квартиру вы мне не даете, живу на базе, вот и поставил телевизор в столовой – себе и ребятам». «В столовую вообще по часам надо заходить!» – высказывает он свое «авторитетное» мнение к моему очередному возмущению: «У нас что, зона или пионерский лагерь? Футболисты на базе больше, чем дома находятся». Но он уперся: нет и все. Купили мы и хорошую посуду – раньше футболисты питались из одноразовой пластиковой, продукты стали привозить с рынка, а не из ларька напротив. Так и тут у начальства закрались подозрения, будто бы я что – то имею с продуктового снабжения.

В то же время средний административный состав клуба – финансовый директор, бухгалтеры, секретари – относились к нам по – доброму. Когда выиграли у «Спартака», я предложил ребятам скинуться по 200300 долларов поварам, секретарям, водителям, дворникам, мы всегда поздравляли их с днем рождения, торжественно вручали форму, мячи. Но все это после нашего ухода быстро порушили.

На прощание мне сказали: «Да мы в Краснодар любого тренера можем пригласить». Гаджи Гаджиев отказался, сказал: «Ребята, вы делаете глупость». Пригласили тренером –

консультантом Бышовца. А я их предупреждал, что Бышовец заломит за месяц столько, сколько я получил за восемь, да еще и всех их перессорит. Но Анатолий Федорович приехал, а эти мудрецы ему возьми и предложи: «Не поработать ли вам главным тренером?» И шокированные полученным ответом, цифрами, обозначенными в нем, через пару недель проводили гостя домой.

Так я и не понял, кто чего хочет в Краснодаре. Работать в тех условиях, что довелось мне, вряд ли сможет и матерый тренер. Я собирался планомерно строить серьезную команду, а рядом люди решали свои личные задачи. Порядок в клубе им был не нужен. Потому и получила «Кубань», каждый раз поднимающаяся в премьер – лигу лишь на один сезон, обидное прозвище «команда – лифт». Кто – то после моего приезда в Краснодар написал, что без поддержки руководства Овчинникову вряд ли удастся доработать до конца сезона, а «Кубани» – сохранить место в премьер – лиге. Этот человек оказался провидцем. Так оно и получилось.

Мы знаем много нефутбольных людей, которые на руководящих постах добились потрясающих результатов. Это и Гинер, и Наумов. Слуцкий – тоже человек, в общем – то, со стороны, а стал прекрасным тренером. Но есть люди, которые себя ставят выше, их самолюбие для них главнее, а команда – так. С такими «профессионалами» тяжело работать. В «Кубани» до меня столько тренеров поувольняли. Когда я стал многое понимать, спросил у руководителей: «А вы не пытались хотя бы один раз оставить тренера до конца сезона? Если «Кубань» вылетит, вы тренера все равно поменяете, а так хоть есть шанс».

У меня были предложения из – за границы, в том числе из Португалии, но я их отверг. Для меня главное в профессии тренера – творчество. Если брать «Кубань», то я пришел на голое поле и не хочу кому – либо пожелать такого, потому что практически изначально был обречен. Очень приятно осознавать, что в такой обстановке какие – то вещи получились. Один близкий человек мне сказал: «Плюнь на тех, кто тебя уволил. Главное твое богатство – то, что тебе до сих пор звонят твои бывшие футболисты, советуются по жизненным и профессиональным вопросам. И всегда готовы прийти на помощь». Приятнее, чем человеческая благодарность, ничего нет.

> – Сергей великолепно работал в краснодарской «Кубани». Когда его туда пригласили, в «Кубани» было то ли пять, то ли шесть игроков – остальные разбежались. Команду по сути пришлось создавать заново. И Овчинников ее создал. Но руководители клуба в разгар

сезона решили поменять тренера. Я не вправе обсуждать это решение, но, по – моему, Овчинников увольнения не заслуживал.

Юрий Семин. «Экспресс – газета». 2009 год.

Уровень держал

Мне не нравится тенденция, когда люди заканчивают и начинают рассказывать: а вот наше поколение. Не хочу таким быть. Если стану призывать играть, как мы в свое время, очень разочаруюсь в себе. Каждое последующее поколение и физически, и технически, и уж тем более тактически оснащено лучше, чем предыдущее.

В целом же нормально я реализовался, был хорошим футболистом. Есть великие, отличные, а я был хорошим, по российским меркам, достойным вратарем. По европейским – средним, каких много. Классных единицы: на ум приходят Буффон, Шмейхель, Прюдомм, ван дер Сар. Уровень держал, случались и неудачные сезоны, когда моя команда оставалась без медалей и кубков или я пропускал больше 20 мячей. 20 мячей для меня всегда являлись той чертой, которую я не имел права перешагнуть. Конечно, на финише карьеры не все получилось так, как бы этого хотелось, как я предполагал. Чтобы прощальная игра за «Локо», чтобы все красиво. Но голову пеплом не посыпаю.

Три раза меня признавали лучшим голкипером страны. Вручали красивые вазы, две у родителей сейчас хранятся, отец все спрашивает, где третья? Должен был получить приз и в третий раз еще до отъезда в Португалию, но подошел человек из редакции журнала «Огонек», учредившего этот приз в советские времена, смущенно так сказал: «Извини, не можем мы тебе третий подряд приз давать. У Льва Ивановича Яшина только два подряд было. Если Саморукову отдадим, не обидишься?» А я тот сезон, на мой взгляд, отстоял очень хорошо и надежно. В итоге приз вручили Андрею Саморукову из «Ротора». И потом не раз это повторялось. Пропустишь в чемпионате меньше всех, больше всех матчей на ноль сыграешь – а лучшим называют другого.

Меня считали одним из лидеров «Локомотива». Вратарю в силу специфики его амплуа трудно выглядеть лидером на поле, он лишен возможности повести за собой команду к чужим воротам. Лидер в коллективе – другое дело. Считаю, что сыграть, сымитировать роль лидера под силу, наверное, только актерам от Бога. Потому что в таких вещах ничего искусственного быть не может. Люди чувствуют твою энергетику, твою жизненную позицию, и фальшь здесь не проходит. Поэтому для того, чтобы быть лидером, нужно обладать специальными качествами и прежде всего – большой силой воли. Бывало, я не справлялся с эмоциями, но всегда отдавал отчет своим словам. Я никого никогда не унижу. В жизни я спокойный человек – не злой, не

агрессивный. Когда играл, мог кричать: «Какой негодяй судья!» или «Сейчас я вас всех порву!» Мальчишкой был.

И потом, разве я ругался больше других игроков? За всю мою карьеру, если разобраться, это и было – то всего пару – тройку раз. Мало! Тем более, футбол – эмоциональный вид спорта. Мы же не можем все ходить по полю и кланяться: «Ой, извините, разрешите, я пробегу к воротам. Или – не возражаете, если я вам по ногам ударю»? Да и не мог я спокойно смотреть, как бьют по моим воротам! Кто – то из вратарей молча переносит удары. Я старался вывести противника из себя. Зацепить меня чем – то было очень сложно. Случалась резкая реакция на слова и поступки – но это эмоции. А вот делать какие – то выводы, обижаться, мстить. Я считаю, что нужно быть выше этого.

Меня почему – то считали королем эпатажа в общении с журналистами. Но эпатажа не было. Спросите у жены – я и дома так общаюсь. Если это называется эпатажем, то происходит на каком – то подсознательном уровне. В нашей стране все, кто говорит, что думает, считаются эпатажными. А те, кто говорит, как кому – то надо, – разумными, основательными людьми. Вот Жозе Моуринью действительно образец эпатажа в футболе. И ему эпатаж нисколько не вредит. Даже наоборот. На стажировку к Моуринью я бы точно поехал. Даже пальто такое же, как у него, прикупил бы. А у нас Павлов Сергей Александрович, ныне главный тренер «Торпедо», по эпатажу большой дока. Да и тот же Виталий Мутко, все пресс – конференции информацией о строительстве полей предваряющий. «Мы построили 701–е поле, 702–е.» Это классно! Отлично просто. Пусть хоть что – то делается, чем ничего. Другое дело, что поля эти, насколько мне известно, – искусственные. А значит, априори – травмоопасные.

Пока играл, во мне подспудно зрело тренерское мировоззрение. Эта профессия мне наиболее интересна, в ней больше всего хочется проявить. Я не большой любитель пиджака и галстука, хотя костюмов у меня штук двадцать. Некоторые так с бирками и висят. Предпочитаю одежду попроще – джинсы, рубашку. Но друзья, бывало, приглашали меня на телевидение, и по возможности я старался не отказывать. Предлагали даже сняться в «Comedi club». А мне нравятся хорошие шутки. Но из – за занятости не получилось.

Однажды в офис «Локомотива» пришел запрос: не соглашусь ли я поучаствовать в популярной программе «Школа злословия». В клубе решили, что мне не трудно будет нормально пообщаться с Татьяной Толстой и Авдотьей Смирновой, хотя в роли их гостей и оппонентов побывали такие известные личности как Владимир Познер, Владимир Жириновский, Василий Аксенов, Андрей

Макаревич, Владимир Спиваков, Павел Гусев, Григорий Явлинский, Борис Акунин, Сергей Шойгу, Борис Гребенщиков, а из спортивного мира, по – моему, только выдающийся тренер фигуристов Татьяна Тарасова. К разговору специально не готовился. Но собеседницы особо язвить, «топить» меня не собирались. Наоборот, им по ходу дела даже стало интересно. С Дуней Смирновой у нас вообще очень хорошие отношения. Так что и в эфире разговор легко складывался. Единственной сложностью для меня было обсуждение футбольных вопросов на языке людей, не имеющих отношения к спорту. Но ничего, по – моему, мы понимали друг друга. После передачи Толстая долго расспрашивала меня про футбол. Приятно было с ней общаться, надеюсь, и ей со мной тоже не скучно. Потом мне говорили, что у передачи оказался прекрасный рейтинг.

– Какой замечательный шоумен Сергей Овчинников! Как блестяще он держался в такой сложной программе, как «Школа злословия». Кого там ведущие только не заклевывали, Анастасию Волочкову, например. А Овчинников парировал любой их выпад, и они это оценили.

Денис Мацуев, один из ведущих классических пианистов современности. «Спорт – Экспресс». 2005 год.

Наверное, для многих стало откровением, что на телевидение пришел футболист и оказался способен рассуждать. У нас же спортсменов принято дебилами считать. Словно остальное население – профессора и академики. Пьяный дворник рассуждает: «А – а, спортсмен – значит, мозгов нету». Меня это бесит. Так вот во время беседы с приятными дамами я неосторожно заявил: «Дострою дом – закончу играть». Достроил, и меня сразу начали спрашивать: «Какой смысл играть дальше?» Отвечал: из – за денег! На что мне жить – то? Но эта работа доставляла еще и удовольствие. С каждым годом мне становилось сложнее в воротах, но интерес к игре сохранялся. Все ждал, что в одно прекрасное утро встану и пойму, что больше не могу. Знаю много футболистов, которые просыпались – и все, как отрезало. Ни желания, ни умения, одни травмы. Увы, не дождался, ушел с поля, не сказав своего последнего слова. Судьба!

– Овчинников в «Школе злословия» мне очень понравился. Тем более что ее специфика такова, что далеко не каждый чувствует себя там уютно.

Некоторые выглядели очень слабо по сравнению с ведущими. Тогда как Сергей выглядел достойно, был готов говорить на любые темы.

Юрий Семин, главный тренер «Локомотива» – 2004. «Спорт – Экспресс».

После «Школы злословия» телевидение стало проявлять ко мне повышенный интерес. И не только спортивное. Зная, что я люблю готовить, особенно мясные блюда, друзья пригласили на передачу «Званый обед». Со мной соревновались известный политик Василий Шандыбин и певица Слава. Я поджарил свиные ребрышки и выиграл. В политику никогда не лез, неинтересно. Только когда мы пересеклись с Василием Ивановичем Шандыбиным, я спросил: как же вы теперь – коммунисты – то совсем непопулярны. Он ответил что – то вроде: времена сложные, куда предложат – туда и пойду. Вот такая у нас политика.

Предлагал мне сотрудничество спортивный телекомментатор Илья Казаков. Но пока не сложилось. Прямых эфиров я не боюсь. Ну, ляпну что – нибудь, посмеется народ. Все равно, думаю, получится не хуже, чем у многих наших славных комментаторов. Тех, что игру вратаря со своей колокольни оценивают, ничего в этой самой игре не понимая! Другое дело я – профессиональный вратарь. Имею право высказаться по этому поводу. Или Дмитрия Градиленко взять – отличный комментатор. Никогда футболистов не обижает. Но он – чемпион СССР в составе «Спартака», футбольную кухню изнутри знает. Судей перед игрой наставляют: «Судите то, что есть». И комментаторов это касается: комментируйте то, что видите! Не надо придумывать! Если совсем заняться нечем – ну покричите пять минут: го – о–ол.

Были и другие варианты телекарьеры. Фигурист Илья Авербух предложил мне принять участие в проекте «Танцы на льду». Но я объяснил ему, что не умею кататься на коньках, и даже если бы год тренировался, меня все равно не показали бы по телевидению. Жуткое было бы зрелище.

Однажды снялся в видеоклипе группы «Reflex». Димка Булыкин, тогда еще форвард «Локомотива», позвонил: «Приезжай. Вратарь нужен». Я еще и Заура Хапова захватил, чешский динамовец Радослав Батак подъехал. Но мы только для массовки пригодились. Самым гламурным персонажем был Дима. В «Ночном дозоре» вот сыграл роль на три секунды. Теперь жду следующую – на пять.

– Для меня номер один среди вратарей в российском

чемпионате – Сергей Овчинников.

Дмитрий Булыкин, нападающий московского «Динамо». «Советский спорт». 2003 год.

Тусовок стараюсь избегать. Чувствую себя там неуютно, не люблю показного внимания, поэтому от приглашений обычно отказываюсь. Правда, иногда мое участие было в интересах клуба или уговаривали так, что легче согласиться, чем упираться. Вот Булыкин не может жить без тусовок.

Наверное, каждый рождается с каким – то предназначением. Руслан Нигматуллин, например, не может обходиться без кабинета и секретарши.

Была еще история с известным немецким мужским модельным агентством Дорис Хартвих. В «Локомотиве» возникла идея одеть команду в фирменные модные костюмы, а взамен мне предложили стать лицом новой коллекции Дорис Хартвих. И с такой миссией я отправился на трехдневные съемки на знаменитый австрийский курорт Ишгль. Сначала я думал, что все это не очень серьезно: ну, снимусь как – нибудь, не впервой. Но съемки шли с пяти часов утра до девяти вечера. На еду некогда было прерваться. Уставал прилично, больше не от самих съемок, а от работы с визажистами, гримерами – там было полсотни человек обслуживающего персонала. Сняли целый отель, арендовали шикарные машины, из НьюЙорка пригласили знаменитого фотографа Маркуса Тедескино, снимали в обстановке роскошного отеля и горного ландшафта. Кстати, я тогда вес набрал приличный, а одежда была на несколько размеров меньше. Парочка штанов так и не застегнулась. Фотошоп все – таки великая вещь! Но в итоге «Локомотив» с агентством не нашли общего языка, клубу моя командировка ничем не помогла, хотя фотографии и появились в коллекционной книге Дорис Хартвих.

– Только такие, как он, которые твердо верят в себя и иногда терпят неудачу в большом, могут иметь также и большой успех.

Дорис Хартвих, одна из лучших модельеров мировой моды. 2005 год.

В футболе существуют разные степени реализации. Когда мы молоды, мечтаем выиграть чемпионат мира, Европы, Олимпийские игры. С этой позиции я, безусловно, себя не реализовал. Но те, кто меня знает, понимают: если я говорю о ком

– то – «хороший футболист», это высшая степень похвалы. Так вот для «Локомотива», «Порту» я был хорошим вратарем. Есть вратари лучше, есть хуже. Зато в российских чемпионатах больше меня на ноль никто из голкиперов никогда не сыграет.

Я рано ушел из «Порту», а то бы выиграл вместе с Аленичевым Лигу чемпионов и Кубок УЕФА. Но каждому свое. Ты можешь быть великим, но партнеры по команде будут не соответствовать твоему уровню, и ты ничего не сумеешь выиграть. А есть люди, которые играют в сильных командах, редко на поле выходят и при этом выигрывают титулы. Но от наличия титулов их никогда не назовут великими. Важнее, на мой взгляд, честно служить футболу. История, будущее, следующее поколение. – кто – нибудь определит, какой ты там был футболист или хоккеист.

Мечта моей жизни

О тренерской работе я начал задумываться годам к 35, почувствовав, что она не за горами. Еще в Португалии стал сопоставлять работу тренеров разных направлений и национальностей – шотландца Грэма Сунесса, немца Юппа Хайнкеса, португальца Фернанду Сантуша, записывать основные моменты их деятельности. Копировать никого не собираюсь. У меня собственное восприятие футбола, своя тренерская концепция. Но примером создания настоящего боеспособного коллектива, прекрасной человеческой и профессиональной атмосферы в нем для меня служит Юрий Семин. По части психологии стараюсь почерпнуть у него побольше и в случае необходимости не стесняюсь обратиться к нему за советом.

Некоторые молодые тренеры, например, с ходу заявляют: «Я проповедую исключительно атакующий футбол». Хорошо, но ты приди, скажем, в «Кубань», начни свою «проповедь», и мигом вылетишь со своей командой из премьер – лиги. Кажется, Капелло или Трапаттони сказал: «В планировании стратегии и тактики команды необходимо отталкиваться от того материала, который у тебя есть». То есть пропагандировать можно любой футбол, но играть надо в тот, на который способны твои футболисты.

Наверное, у каждого свое мнение по поводу работы молодых тренеров. Я, например, не заметил улучшения результатов «Томи» после отставки Мирослава Ромащенко. Считал ошибкой – опять же в свете турнирных показателей «Спартака» – увольнение Станислава Черчесова, несмотря на серебро чемпионата–2007. С таким – то составом! Да ему за это надо памятник ставить! Замечу: я говорю о тренерских качествах. Не знаю, как Черчесов вел себя внутри команды. Сергею Юрану пришлось работать в очень сложных клубах и ситуациях. В то же время очень рад за Кобелева в «Динамо», а Слуцкого в будущем вижу даже тренером сборной России. Насколько прогрессивно человек думает! Я иногда поражаюсь его решениям. Молодой, но какой мудрый!

Прекрасно отдаю себе отчет в том, что тренер и футболист – разные профессии, и нормы их поведения значительно различаются. Могу признаться: в киевском «Динамо» меня многие просто не узнавали. Следую принципу: в работе с футболистами криком ничего не добьешься, отношения с ними должны быть уважительными, а заставить уважать себя можно только работой.

Как игрок я, наверное, многим запомнился своей эмоциональностью. Но игрок – это одно, а тренер – совсем другое. У футболистов всегда оголен нерв, иногда даже происходит

помутнение рассудка. Тренер должен вести себя хладнокровно, рассудительно. В противном случае он не сможет нормально выполнять свою работу. Я и в жизни достаточно сдержан, никогда не пытаюсь добиться чего – то криком. А в тренерской работе главное объяснить человеку, что от него требуется. Если он не понимает, то лучше с ним расстаться, чем кричать или пытаться вдолбить прописные истины. Для меня, как для тренера, в первую очередь важно, чтобы игрок профессионально выполнял свою работу, был управляем, патриотично предан клубу и делал все для его процветания. Арсен Венгер или Клаудио Раньери никогда не повышают голос на своих игроков. При этом они – профессионалы мирового уровня. Один из моих первых тренеров Гавриил Качалин, выигрывавший со сборной СССР Олимпиаду в Мельбурне и Кубок Европы, обычно говорил тихо, но слышали его все, так как в команде стояла космическая тишина. Все зависит от того, как тренер влияет на футболистов, как они воспринимают его авторитет.

Мечта всей моей жизни, личная, сокровенная, может быть, даже конечная ее цель: тренировать «Локомотив». Но это мечта, и пока она никак не пересекается с действительностью. Я вообще не могу знать, осуществится она когда – нибудь или так грезой и умрет. По логике, я должен, конечно же, когда – нибудь вернуться в «Локомотив», здесь меня никто и ничем не переубедит. Но ни в одном клубе Европы не разбрасываются людьми так, как еще недавно в «Локо». Считаю, что «Локомотив» должен тренировать человек, который много сил отдал команде. Прилично поиграл за нее. Вот пришел в «Спартак» его бывший вратарь Станислав Черчесов, и команда стала побеждать, завоевала серебро чемпионата, то же самое сейчас и Валерий Карпин. Многолетний капитан «Динамо» Андрей Кобелев вывел клуб в бронзовые призеры.

Скажу больше: не знаю когда, но рано или поздно я все равно буду главным тренером «Локомотива». От этого никуда не денется ни господин Липатов, ни кто угодно. Скорее всего, он уйдет, а я останусь. И будем ставить максимальные задачи. Я не понимаю тренерской политики: «Мне нужно три года на построение клуба». Чего его строить, он уже построен. «Локо» был лучшей командой России. И не требовалось устраивать революций на ровном месте. Не могу уразуметь, какой смысл был в перестройке. Футбольный клуб «Локомотив» – это такой колосс по российским меркам, в котором все давно отлажено. Кроме того, существует особый локомотивский дух. Пусть «Локо» самый молодой из ведущих клубов, но традиций у него уже побольше, чем у некоторых старых. При Семине команда руководствовалась

девизом: «Мы играем не ради денег, очков и трофеев, мы играем ради болельщиков». Может быть, люди, которые пришли к руководству «Локомотивом» в 2007 году, не понимали этого.

Внутренне я уже тогда был готов вступить на роль главного. Отдавал себе отчет, что звучало это, может быть, самонадеянно, но ведь каждый человек сам для себя определяет, для чего он царапает землю. У каждого своя внутренняя мерка. Я считал, что могу работать самостоятельно. Понимая при этом, конечно, что вопрос этот дискуссионный, и мне непременно поставят в упрек отсутствие опыта. Такая точка зрения тоже правомерна. Но как – то я наткнулся на размышления кого – то из больших тренеров и нашел то, о чем думал сам: какой особенный опыт нужен человеку, тридцать лет подряд неплохо игравшему в футбол? Какого конкретно опыта я должен набраться? Как правильно распиливать очки? Конечно, тут есть и обратная сторона вопроса: дальше разница в возрасте между теми, кого я буду тренировать, и мной будет только увеличиваться. А мне кажется, что легче донести свои мысли до почти ровесников. Футболисты очень восприимчивы к тренерам, которых они недавно видели на поле. Словом, возрастные категории я не рассматривал как серьезный аргумент. Потому что можно в двадцать лет быть ветераном, а случается, что и к сорока в мальчиках ходят.

Еще многие считают, что из вратарей не получается хороших тренеров, вратари – не такие, как все. Самый яркий обратный пример – Дино Дзофф, во главе с которым сборная Италии в 2000 году добралась до финала чемпионата Европы. Конечно, главных тренеров из вратарей по пальцам можно пересчитать. Вот и хочу проверить, получится ли у меня руководить командой.

Наверное, потому что я командный человек, без коллектива, любимого, единственного, без постоянного общения с футбольной средой, с игроками мне чего – то в жизни недостает. Например, профессионального признания со стороны этих самых игроков. Тренер должен поставить себя в команде так, чтобы футболисты играли помимо всего прочего еще и за него, и не сезон, а всегда. Игроков надо уважать. Они должны не бояться постучаться к тренеру в номер, позвонить ему по телефону когда угодно – хоть ночью. Я должен быть для них прозрачным: самое маленькое сомнение во мне – это уже проблема в команде. Чтобы выстроить дисциплину, считаю, тренеру даже не надо и голос повышать. Я могу поговорить с человеком спокойно, и даже предъявить ему претензии так, что он даже не дернется. А кричать – это прошлый век. Будучи помощником Семина, я за полгода ни на кого голоса не повысил. В Киеве многие были удивлены.

У нас многие тренеры довольствуются ролью неудачника – и ходят по кругу: иные уже по пятому пошли! И, главное, все назначают их – и ждут какого – то чуда. Какого, если люди двадцать лет ничего не могут? Если у меня не получится, больше вообще не буду тренировать. Найду себе применение в качестве спортивного функционера.

Сейчас учусь в российской Высшей школе тренеров, надеюсь к концу 2010 года получить категорию Pro.

Жизнь научила меня никогда не говорить «никогда», но сегодня я думаю, что работать во вторую лигу не пойду. Не потому, что там футболисты слабые или денег платят мало. И в России, и в Украине вторая лига – это, как бы правильнее сказать, не совсем профессиональный уровень. Внизу много странных вещей происходит, и я точно знаю, что тренерам там очень сложно работать творчески. А меня интересует именно творчество, а не тупое добывание очков.

Я многое переосмыслил за свой короткий тренерский отрезок, особенно работая в Киеве с Семиным. У меня свое восприятие футбола, четко знаю, чего хочу и как идти дальше, хотя понятия сегодня не имею, быстро мне предстоит идти или медленно, спотыкаясь, или по гладкой дороге. Но идти буду. По крайней мере задачи я себе поставил очень высокие. Хочу не просто тренировать хорошие команды, а выигрывать с ними. В том числе и в Европе.